

серия

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Н. Н. Платошкин

Сандинистская революция в Никарагуа

Предыстория и последствия

Университет Дмитрия Пожарского

История Латинской Америки. Холодная война

Николай Платошкин

**Сандинистская
революция в Никарагуа.
Предыстория и последствия**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 94(7/8)
ББК 6.3.3(7)

Платошкин Н. Н.

Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия / Н. Н. Платошкин — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2015 — (История Латинской Америки. Холодная война)

ISBN 978-5-91244-103-5

Книга посвящена первой успешной вооруженной революции в Латинской Америке после кубинской – Сандинистской революции в Никарагуа, победившей в июле 1979 года. В книге дан краткий очерк истории Никарагуа, подробно описана борьба генерала Аугусто Сандино против американской оккупации в 1927–1933 годах. Анализируется военная и экономическая политика диктатуры клана Сомосы (1936–1979 годы), позволившая ей так долго и эффективно подавлять народное недовольство. Особое внимание уделяется роли США в укреплении режима Сомосы, а также истории Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) – той силы, которая в итоге смогла победоносно завершить революцию.

УДК 94(7/8)

ББК 6.3.3(7)

ISBN 978-5-91244-103-5

© Платошкин Н. Н., 2015
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1 На задворках двух империй: Никарагуа до 1893 года	8
Глава 2. Интервенция США и борьба генерала Аугусто Сандино: 1893-1934 годы	61
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Николай Платошкин

Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия

© Платошкин Н. Н., 2015

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

© Вороновская А. М., верстка макета, 2015

Предисловие

*«Я не сложаю оружие, даже если это сделают все.
Лучше умереть в борьбе, чем жить рабом».*

Аугусто Сесар Сандино

19 июля 1979 года в Никарагуа победила народная революция. Впервые после 1959 года, когда «бородачи» Фиделя Кастро вошли в Гавану, народ одной из латиноамериканских стран в тяжелой и ожесточенной многолетней вооруженной борьбе сверг военную диктатуру, опиравшуюся на помощь США, Израиля и других западных стран.

Как обычные гражданские люди, в основном молодежь, смогли победить созданную и обученную американскими специалистами национальную гвардию Сомосы? Ведь это была одна из лучших и самых жестоких армий Латинской Америки, специально подготовленная для борьбы против народных выступлений. Вчерашние студенты, рабочие и крестьяне, рискуя жизнью, воюя в партизанских отрядах и поддерживая сопротивление на подпольных явках в городах, в течение многих лет вели неравную борьбу. До 17 июля 1979 года, прежде чем Анастасио Сомоса-младший бежал из страны, в борьбе против диктатуры погибли десятки тысяч никарагуанцев.

Настоящая книга – это попытка рассказать российскому читателю, как стала возможной победа революции, без которой трудно изложить историю не только Никарагуа, но и всей Латинской Америки.

За борьбой сандинистов (так в честь национального героя Никарагуа генерала Аугусто Сесара Сандино называли себя противники Сомосы) с сочувствием следило все население тогдашнего СССР и многих других стран мира. Сотни никарагуанцев получили хорошее образование в советских вузах. Никарагуанцы до сих пор благодарны нашей стране за бензин и пшеницу, трактора и автомобили, вертолеты и автоматы.

Разумеется, что в разгаре «холодной войны» и тотального противостояния социализма и капитализма, США не приняли Сандинистскую революцию и решили свергнуть ее, в частности с помощью обученных и вооруженных ЦРУ отрядов «контрас».

Как «контрас», так и непосредственно сотрудники ЦРУ США убивали никарагуанских граждан, бомбили столичный аэропорт, пытались убить министра иностранных дел священника Мигеля д'Эското, минировали никарагуанские порты. Международный Суд ООН по иску Никарагуа осудил эти действия США и потребовал от Вашингтона выплатить компенсацию правительству Никарагуа.

Но, к сожалению, в России до сих пор нет полноценного исследования причин и хода Сандинистской революции 1979 года. В советское время писать историю никарагуанской революции было еще рано – она продолжалась до 1990 года, когда (во многом из-за краха СССР) была вынуждена временно отступить. Но что удивительно – революция не прекратилась: в 2006 году вчерашние партизаны выиграли выборы и вернулись к власти. На этот раз – уже мирным демократическим путем. Лидер Сандинистского фронта национального освобождения и президент Никарагуа в 1984–1990 годах Даниэль Ортега в 2006 году стал президентом, несмотря на жесткое противодействие США.

За эти годы и сами революционеры, и весь мир стали другими. Но Никарагуа относится к числу тех стран, население которых с благодарностью и уважением относится к России, что нечасто встречается в Европе – на постсоветском пространстве. В сердцах сотен тысяч никарагуанцев до сих пор живет благодарность к СССР, который поддержал их страну в 80-е

годы. Зная историю Никарагуа, не приходится удивляться тому, что именно эта страна одна из первых поддержала Россию в августе 2008 года, когда российских солдат убивали в Осетии натовским оружием. В день своего государственного праздника Республика Никарагуа признала независимость Абхазии и Южной Осетии, доказав таким образом верность старой дружбе.

Цель создания этой книги – познакомить российского читателя с бурной историей Никарагуа, рассказать о ее героях, от Сандино до Фонсеки, которые не жалели для своей страны ни здоровья, ни жизни. Многие латиноамериканские страны до сих пор ищут свой путь развития, и вдохновили их на этот поиск Россия и Куба. В международных отношениях важны стратегические и тактические союзы, иногда слабо развитые в экономическом плане страны и малочисленные народы могут оказаться более надежными союзниками, чем крупные государства.

И если, завершив чтение, уважаемый читатель осознает, что у России есть миллионы верных друзей по ту сторону Атлантики, автор будет считать свою миссию выполненной.

Часть I

Глава 1 На задворках двух империй: Никарагуа до 1893 года

Никарагуа большую часть своей истории вообще не была единой страной в полном смысле этого слова, виной чему довольно сложный географический рельеф и природные особенности этой территории Центральной Америки. Благоприятными для жизни человека являлись и являются по сей день довольно плодородные равнины тихоокеанского побережья страны. От них на восток за горными вулканическими цепями (Никарагуа иногда называют «землей вулканов») лежит непроходимая тропическая сельва с ужасным малярийным климатом. И сегодня попасть с западного тихоокеанского побережья Никарагуа на атлантическое весьма непросто. В древности человек, предпринимавший такое путешествие, рисковал жизнью.

Еще одна природная особенность Никарагуа стала ее проклятием на долгие десятилетия. По реке Сан-Хуан можно доплыть из Атлантики до самого большого озера Центральной Америки – озера Никарагуа¹. Из этого озера всего 20 километров суши до Тихого океана. Еще испанцы носились с мыслью прорыть трансокеанский канал. Потом идею подхватили американцы. Для Никарагуа же это означало постоянное вмешательство очень далеких от нее держав во внутренние дела. Мечта всевозможных дельцов и флибустьеров о канале стояла жизни многим никарагуанцам, погибшим от рук иностранных агрессоров, прежде всего североамериканских.

Климат и рельеф страны, а также постоянные землетрясения и извержения вулканов никогда не привлекали на землю Никарагуа много людей. И сегодня эта страна – самая малонаселенная на единицу площади, хотя одновременно и самая большая по территории в Центральной Америке (130 000 кв. км).

Считается, что первые, вероятно, пришедшие с территории современной Мексики, люди появились в Никарагуа примерно 6 тысяч лет тому назад. По крайней мере, об этом свидетельствуют найденные отпечатки человеческой ступни в мягком когда-то вулканическом пепле неподалеку от кратера вулкана Акауалинка. Но заселение запада и востока страны проходило раздельно и, возможно, с разных направлений. В западной части страны индейцы говорили на языках, родственных ацтекским, что ясно указывает на то, что они мигрировали с севера. Так же как и обитатели древней Мексики, индейцы запада Никарагуа пили шоколад, выращивали для пропитания индеек и собак. Их основными сельскохозяйственными культурами были тыква, кукуруза, бобы, перец чили и авокадо².

Насчет того, как проходило заселение восточной части Никарагуа, ученые спорят по сей день. Некоторые считают, что люди туда пришли с юга, с территории современной Колумбии. Другие полагают, что восточные индейцы Никарагуа родственны карибским этническим группам. В любом случае влияние карибских индейцев очевидно – о нем говорят, например, круглая форма хижин-жилищ и характерный тип лодок-каное. Есть и версия, что и восточные индейцы прибыли в Никарагуа с севера.

¹ Площадь озера 8264 кв. км – 19-е место в мире и первое место в Латинской Америке. Самая большая глубина – 70 метров. Средняя глубина – 13-30 метров. На озере более 500 островов. Это единственное в мире пресноводное озеро, в котором водятся акулы (ученые считают, что оно когда-то было частью Карибского моря). Никарагуанцы называют свое озеро «сладким морем».

² *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 14.*

Как бы то ни было, к моменту появления испанских конкистадоров восточная и западная части Никарагуа резко отличались друг от друга уровнем развития цивилизации. Если на западе люди жили в крупных поселках и находились уже на переходной стадии к формированию протогосударств на базе больших племенных союзов, то на атлантическом берегу и в сельве обитали племена охотников и собирателей, почти не знавших земледелия. Изредка применялось лишь огневое подсечное сельское хозяйство. Тяжелый для земледелия климат давал скудные урожаи маниока, сладкого картофеля и ананасов. Белка в пище индейцев востока Никарагуа было явно недостаточно.

К началу испанского завоевания на территории современной Никарагуа жило, по разным оценкам, от 800 тысяч до миллиона аборигенов. На западе Никарагуа испанцы застали три крупных племенных союза – чоротегано, никарао и чонталь. Чоротегано пришли в Никарагуа из Мексики между IV и IX веками нашей эры. Города этих индейцев были очень похожими на города великих культур Мексики – центральная рыночная площадь и религиозные ритуальные центры. Так же как ацтеки, чоротегано вели войны с соседними племенами с целью захвата рабов и принесения их в жертву своим богам³. Оружие было в основном деревянным – копья, луки, дубинки. Большие семьи из трех поколений жили в огромных домах продолговатой формы. На территории чоротегано теперь находится столица Никарагуа – Манагуа.

Индейцы-никарао поселились на землях, названных позднее их именем, примерно в XIII веке. Они были искусными земледельцами и торговцами – торговали даже с Перу и Мексикой. Никарао жили к югу от чоротегано – между озером Никарагуа и Тихим океаном. Легендарный вождь этих индейцев, Никарао, дал свое имя целой стране.

Индейцы-чонталь жили восточнее чоротегано на центральных горных плато страны. Когда они появились в Никарагуа – неизвестно. Само слово «чонталь» означает «чужак» на языке индейцев-чоротегано.

Геноцид аборигенов Никарагуа начался с появления в 1501 году в Панаме испанского конкистадора Васко Нуньеса де Бальбоа (именно этот испанец первым увидел Тихий океан). Бальбоа проигрался вдрызг в кабаках Санто-Доминго и тайком пробрался на шедший к берегам Панамы корабль, чтобы сбежать от долгов. Когда в открытом море капитан корабля обнаружил Бальбоа (говорят, он прятался в бочке), то даже хотел высадить его на необитаемый остров.

В 1514 году губернатором Панамы (испанцы называли ее «Золотым берегом» в надежде, что именно там скрывается сказочный город Эльдorado) стал Педро Ариас (Педрариас) де Авила. По его приказу в 1522 году отряд конкистадоров во главе с Хилем Гонсалесом Давилой отправился из Панамы на север и добрался до юго-западной части Никарагуа (между озером и Тихим океаном). Хотя испанцы говорили о великой миссии распространения учения Христа среди индейцев, их реальной мечтой было золото, много золота. Давила встретился с вождем Никарао. Индейцы приняли пришельцев дружелюбно и даже дали им немного воделенного золота. В ответ испанцы «одарили» их болезнями и жесточайшим террором.

В свою очередь, воинственные чоротегано под руководством вождя Дириангена быстро собрали около трех тысяч воинов и загнали отряд Гонсалеса Давилы обратно на корабли. Гонсалес Давила вернулся в Панаму и сообщил об открытой им земле, названной Никарагуа. Губернатор Панамы преисполнился зависти и арестовал первооткрывателя, чтобы завладеть всем привезенным с таинственного севера золотом. Гонсалесу Давиле пришлось бежать на остров Санто-Доминго.

³ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 14.

В 1524 году Педрариас отправил на север новый отряд во главе с Франсиско Эрнандесом де Кордоба. На этот раз испанцы пришли навсегда. Кордоба основал первые постоянные поселения европейцев на территории Никарагуа – города Леон (к востоку от озера Манагуа) и Гранада (на озере Никарагуа), на долгое время ставшие соперниками за первенство в стране. Индейцы не желали сдаваться без боя, и Кордобе пришлось сразу же обнести новые города оборонительными укреплениями. Кордоба был таким же авантюристом, как и все конкистадоры, и поэтому решил, что Педрариас ему не указ. Он вступил в тайные сношения с генерал-губернатором Мексики Кортесом, добиваясь от того назначения на пост губернатора Никарагуа. Но Педрариас узнал об измене, арестовал и казнил Кордобу.

Позднее различные отряды конкистадоров дрались между собой и против индейцев за обладание Никарагуа – эта короткая эпоха вошла в историю страны как «война капитанов». Полностью завоевание Никарагуа (в основном западной и центральной части страны) испанцами было завершено к 1529 году. С 1523 года завоеванные земли подчинялись испанским властям на Санто-Доминго, а с 1539-го – администрации в Панаме⁴.

Столицей новой территории испанской короны стал город Леон, куда помимо светских властей приехал и католический епископ. В 1527 году Педрариас стал губернатором Никарагуа и через год самолично посетил свои новые владения. Вместе с его отрядом в Никарагуа прибыли сельхозинвентарь и семена новых для индейцев растений – прежде всего пшеницы. Привели с собой конкистадоры также коров, свиней, овец и мулов. Поскольку испанцы так и не нашли в Никарагуа Эльдорадо, они решили сделать запад страны житницей своих центральноамериканских колоний.

К индейцам Педрариас относился куда менее бережливо, чем к домашним животным. Любое неповиновение (например, отказ бесплатно работать на новых господ) каралось жестокой смертью. Неслучайно аборигены прозвали Педрариаса «Бичом божьим». Своим главным бизнесом Педрариас сделал экспорт индейцев-рабов на рудники и плантации Панамы и Перу, где «товар» быстро умирал от голода и непривычного климата. По некоторым оценкам, колонизаторы «вывезли» с территории Никарагуа в 1527-1542 годах около полумиллиона человек.

К 1581 году индейцы запада Никарагуа фактически вымерли от болезней, репрессий и непосильного труда – в живых осталось около 60 тысяч⁵. Только в 1550 году работорговля прекратилась, якобы по настоянию человеколюбивого епископа Леона, но на самом деле сама собой – живого товара больше в наличии не было.

Ограбив дочиста Никарагуа, в 1530 году люди Педрариса присоединились к отряду Писарро, который с крайней жестокостью сокрушил империю инков. В следующем году, к радости индейцев, «Бич божий» скончался, и новым губернатором Никарагуа стал Франсиско де Кастанеда. Но и новый губернатор, правивший три года, не уступал по жестокости своему предшественнику. Даже в далекой Испании были неприятно удивлены зверствами Кастанеды – губернатора отрешили от должности и отдали под суд. «Новая метла» – Родриго де Контрерас – попытался несколько смягчить политику по отношению к остаткам коренного населения. К этому призывала и церковь – у нее почти не осталось паствы.

В 1542 году испанская корона издала ряд законов, призванных ослабить произвол в отношении индейцев Нового Света. Отныне запрещалось обращать их в рабство и принуждать выполнять функции носильщиков в многочисленных экспедициях, в которых коренные жители погибали тысячами от голода и непосильной ноши.

Однако Испания с ее благими намерениями была далеко. Поэтому и новый губернатор Никарагуа Контрерас в свое время был отдан под суд за жестокость по настоянию епископа

⁴ Латинская Америка. Энциклопедический справочник. Том 2. М., 1982. С. 258.

⁵ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 15.*

Леона. В 1548 году Контрерас отбыл в Испанию, чтобы оправдаться и получить назад конфискованные земельные владения⁶. Жена опального губернатора подговорила своих сыновей Эрнандо и Педро отнять власть у собственного отца. Их охотно поддержали вернувшиеся из Перу конкистадоры, не умевшие ничего иного, кроме как убивать людей и грабить первого встречного. Эрнандо Контрерас в 1550 году убил епископа Леона Вальдивесу, и братья отправились в Панаму, где разбили местные испанские силы. Однако панамцы подняли восстание и убили непрошенных гостей.

В 1543 году Испания приступила к административно-территориальному упорядочению своих огромных колоний в Америке. Было создано вице-королевство Новая Испания со столицей в Мехико, простиравшееся от прерий современных США до Панамы. В него вошла и часть современной Венесуэлы. Вице-королевство разделили на аудиенсии (то есть судебные и административные округа). Аудиенсии управлялись генерал-капитанами, поэтому их называли еще и генерал-капитанствами. В 1570 году часть Центральной Америки к югу от Мексики стала генерал-капитанством Гватемала⁷, а Никарагуа, в свою очередь, – частью этой административной единицы, причем частью глухой и глубоко провинциальной. Столицей Никарагуа был город Леон, разрушенный в 1610 году во время извержения вулкана Момо-томбо. Столицу пришлось возрождать заново.

Но если испанцы не нашли в Никарагуа ни золота, ни серебра, то уже в первой трети XVI века они задумались над возможностью сооружения судоходного канала между Атлантическим и Тихим океанами. Ведь основную часть золота Испания добывала в Перу. Оттуда его везли судами к панамскому перешейку, там перегружали и доставляли по суше на атлантическое побережье, где ценный груз уже поджидала армада галеонов. Канал позволил бы резко сократить транспортные расходы при транспортировке золота. В 1539 году испанцы установили, что река Сан-Хуан течет прямо из озера Никарагуа в Атлантический океан. Таким образом, основную часть трансокеанского канала создала сама мать-природа. Оставалось прорыть всего 20 километров от озера до Тихого океана. Идею представили императору Карлу V из династии Габсбургов. Но того больше интересовала борьба против Франции и «безбожников» протестантов за гегемонию в Европе.

Сын Карла Филипп II, при котором испанская империя достигла максимальных размеров, приказал изучить возможность строительства канала. Однако, подумав, в 1567 году решил отказаться от этого плана. Король опасался, что канал даст возможность португальцам, а также французским и английским пиратам нападать на испанские галеоны с золотом уже в Тихом океане, а не у берегов Кубы, как обычно. К тому же истовый католик Филипп считал, что нельзя без нужды вмешиваться в созданную всевышним природу, – и был не так уж и неправ.

Дважды, в 1658 и 1660 годах, пираты разоряли главный торговый центр Никарагуа – Гранаду.

Без канала генерал-капитанство Гватемала было обречено на прозябание. Не мог себя содержать даже колониальный аппарат управления, вследствие чего приходилось пересылать деньги из Мехико в Гватемалу. Причиной крайней бедности Центральной Америки при испанцах являлось не только и не столько отсутствие крупных месторождений драгоценных металлов (за исключением небольших залежей золота в Гондурсе). Главным бичом была жесткая экономическая политика испанских властей. Мадрид запрещал колониям иметь свой флот и торговать друг с другом. Подавлялось развитие местной промышленности. Центральная Америка должна была поставлять испанской короне аграрную продукцию (какао, индиго, шкуры животных), причем по низким ценам, а взамен приобретать не очень каче-

⁶ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 16.*

⁷ Территория генерал-капитанства составляла около 550 тысяч квадратных километров.

ственную промышленную продукцию метрополии, но уже по заоблачным ценам. Например, женский костюм стоил 100-200 песо, а корова – 6 песо⁸. Испания запрещала выращивать в колониях оливковые деревья и изготавливать оливковое масло, чтобы в зародыше задуть любую возможную конкуренцию для метрополии. Даже крайне прибыльный в то время кофе был завезен в Центральную Америку с Кубы лишь в 1808 году.

Для Центральной Америки отсутствие флота было особенно плачевным, так как нормальных дорог в этом регионе не существовало⁹. Поэтому будущие республики были оторваны друг от друга, что поощряло патриархальное местничество и сепаратизм. Даже о событиях в столице вице-королевства – Мехико – жители Никарагуа узнавали спустя недели, а то и месяцы.

Колониальная администрация обирала генерал-капитанство Гватемалу еще и с помощью порченной монеты. Серебряные песо чеканились в Мексике (где были огромные залежи серебра), а после того как они в обращении стирались и теряли часть веса, их сплавляли в Гватемалу. Тамошние жители протестовали, однако власти заставляли принимать неполноценные деньги специальными указами.

Чем дальше от Мехико, тем меньше людей жило на перешейке между океанами и тем беднее они были. По данным на 1824 год, в Коста-Рике («богатый берег» по-испански) проживало не более 70 тысяч человек. Туда ссылали проштрафившихся чиновников. Там же приобретали надельные земли те, кто не имел денег, чтобы вернуться в Испанию. В Никарагуа в том же году жили примерно 207 тысяч человек¹⁰, 40 % из которых были индейцами, остальные – белыми, креолами (испанцы, родившиеся в Америке), метисами.

В Никарагуа, как уже упоминалось, было два крупных города, постоянно соперничавших друг с другом. Богатая Гранада экспортировала свою аграрную продукцию через озеро Никарагуа и реку Сан-Хуан. Люди там были побогаче, и местные землевладельцы придерживались консервативных взглядов. В Леоне было много лиц свободных профессий (адвокаты, мелкие торговцы, учителя, студенты), и город гордился либеральным мировоззрением. Леон торговал продуктами животноводства, прежде всего шкурами.

Индейцы жили практически так же, как и до испанского завоевания. Они владели землей сообща. Периодически местные органы власти наделяли отдельные семьи землей из общинного фонда – эхидо. Испанцы защищали общинное землевладение. Так было проще собирать налоги (община была в этом смысле, как и в России, связана круговой порукой). К тому же сами испанцы в ходе Реконкисты¹¹ предпочитали размещать поселенцев общинами на отбитых у арабов землях, поэтому совместное землевладение было им знакомо.

Земли в Никарагуа было много, а свободной рабочей силы не было вовсе. Такое положение дел наряду с превалированием общинного сельского хозяйства у коренных жителей (земли эхидо нельзя было продавать) сдерживало образование крупных латифундий. Самые богатые семейства Никарагуа поражали европейских путешественников довольно бедной обстановкой своих домов, лишенных такой привычной для магнатов Старого Света роскоши.

Общество было сельским, патриархальным. Государственная власть находилась в далекой Гватемале, поэтому главной опорой был глава семейного клана. Сыновья, даже женившиеся и имевшие собственных детей, должны были беспрекословно подчиняться отцу. У женщин никаких прав не было вовсе, и они редко покидали дом. Даже на семейных

⁸ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 7.

⁹ От северной до южной границы генерал-капитанства было около полутора тысяч километров бездорожья.

¹⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 6.

¹¹ Так назывался процесс отвоевания христианами земель у мавров на Пиренейском полуострове в VIII–XV веках.

трапезах они часто сначала обслуживали главу клана, а сами потом ели и пили отдельно. Католическая церковь всячески поддерживала такой порядок вещей.

Колониальное общество было кастовым, и в нем царил неприкрытый расизм. Высшие должности в госаппарате могли занимать только испанцы. Они же доминировали среди высшего духовенства. Креол мог дослужиться до заместителя мэра (алькальда) крупного города или до среднего офицерского чина в армии. Метисы занимались бизнесом, в основном аграрным. Кто-нибудь из них мог стать мэром небольшого поселка или деревни. Интересно, что метисы ненавидели индейцев, и эта ненависть была взаимной. Первые причисляли себя к потомкам завоевателей. Вторые презирали полукровок за отказ от традиционных индейских ценностей и подбодрение перед белыми пришельцами. Испанцы использовали расовую вражду в своих целях, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Почти весь XVIII век Испания воевала, причем очень неудачно. По Утрехтскому миру (по которому британцы захватили Гибралтар) Англия получила право раз в год посылать в испанские колонии в Америке корабль для коммерческой торговли¹². Таким образом, монополия Мадрида на торговлю с собственными колониями была сломлена. На самом деле кораблей с туманного Альбиона было значительно больше, и на всем центральноамериканском побережье расцвела контрабандная торговля с англичанами.

На атлантическом берегу Никарагуа белых поселенцев практически не было. Редко заглядывали туда и представители властей. За тяжелый тропический климат эти земли прозвали Берегом Москитов, или Москитией¹³. Тамашние индейцы продолжали жить своей жизнью, пока этой негостеприимной землей в XVII веке не заинтересовались англичане. Они организовали из местных индейцев «королевство», быстро признали его и в 1678 году установили над этим «государством» свой протекторат. Британцы стали активно завозить в Москитию чернокожих рабов с Ямайки и других Антильских островов и вскоре на Берегу Москитов образовалась особая этническая группа – самбо (потомки от смешанных браков индейцев и негров). Жители «королевства» говорили на ломаном английском и занимались в основном заготовкой ценных пород древесины для Британии. Англичане упорно игнорировали все протесты испанских властей, возмущенных активной деятельностью своих исконных врагов на побережье Никарагуа. В 1740 году англичане основали в Москитии крупные опорные пункты – Блуфилдс и Сан-Хуан-дель-Норте, заселив их ямайскими неграми. Сан-Хуан-дель-Норте фактически контролировал устье реки Сан-Хуан и тем самым почти всю экспортную торговлю Никарагуа.

После проигранной Испанией Семилетней войны по Парижскому миру 1763 года Мадриду пришлось признать право англичан заготавливать древесину в Москитии.

В 1749 году новая испанская королевская династия Бурбонов решила вдохнуть жизнь в экономику своих колоний и ослабить жесткую хватку метрополии. В рамках генерал-капитанства Гватемала были учреждены интендантства, призванные поощрять торговлю и собирать налоги для казны. Бурный рост легального бизнеса обогатил многие креольские семьи, которые теперь хотели быть допущенными и к политической власти. В 1778 году испанский король Карл III, наконец, разрешил колониям торговлю друг с другом и с любым испанским портом. В 1797 году было разрешено торговать со всеми государствами, которые не находились в состоянии войны с Испанией.

Испанцам досаждали, прежде всего, англичане. Молодой британский капитан Горацио Нельсон попытался в 1780 году захватить никарагуанские города Гранаду и Леон. Будущий герой Трафальгара на этот раз потерпел неудачу. Вместе с Францией и плохо дисциплини-

¹² *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 19.*

¹³ По другой версии, название произошло от индейского племени мискито. Но в любом случае для европейцев Москития ассоциировалась с лихорадкой и тяжелым влажным климатом.

рованными восставшими американскими колонистами во главе с Джорджем Вашингтоном испанцы вскоре смогли взять реванш. Версальский мир 1782 года был для англичан невыгодным. Им пришлось уйти из Мосkitии в обмен на обязательство Испании гарантировать автономию этого региона¹⁴. К тому времени торговля древесиной замерла, и британцы покинули «королевство» без особой скорби.

Генерал-капитанство Гватемала королевским указом 1786 года было разделено на четыре интендантства – Гондурас, Сан-Сальвадор, Никарагуа и Чьяпас. Именно границы интендантств и стали позднее границами независимых государств Центральной Америки¹⁵. Столицей никарагуанского интендантства был Леон, что вызывало жгучую ревность Гранады.

Время от времени опять всплывала столь очевидная идея постройки трансокеанского канала через Никарагуа. В 1777 году вопрос прорабатывали британцы, а в 1779-м – испанский король. В 1788 году предложил прорыть канал французский герцог де Сегюр, а в 1804-м – знаменитый немецкий ученый Александр фон Гумбольдт. Но Европа погрузилась в бесконечную войну с революционной Францией, и ей было не до заокеанских проектов.

В 1808 году Наполеон оккупировал Испанию, вывез во Францию совсем выродившихся испанских Бурбонов и посадил на трон в Мадриде своего брата Жозефа. Против французов началось мощное народное восстание, которое сначала возглавили местные комитеты – хунты. Затем они выдвинули из своих рядов единый орган власти – Центральную хунту. Испанские колонии в Америке были в полном замешательстве. Однако очень влиятельная в идеологическом смысле католическая церковь была настроена решительно против безбожных французов, пытавшихся проводить на Пиренейском полуострове либеральные реформы.

В 1809 году представителей американских колоний официально пригласили прибыть в Испанию и занять места в Центральной хунте. Впервые креолы получили возможность участвовать в решении судьбы своей некогда гордой метрополии. Однако кортесы, созданный испанскими повстанцами парламент, не вызвали у креольской аристократии больших симпатий, так как высказались против свободы торговли для колоний. Да и мест в кортесах для представителей Нового Света выделили явно недостаточно.

На этом фоне в Америке все чаще стали думать о полной независимости от Испании. В апреле 1810 года началось антииспанское восстание в Каракасе, в мае – в Буэнос-Айресе.

5 ноября 1811 года восстали жители самой передовой и экономически развитой колонии Центральной Америки – Сальвадора. Они отказались платить налоги в испанскую казну и провозгласили независимость. Испанский губернатор Сан-Сальвадора был вынужден сдать власть повстанцам под угрозой применения силы¹⁶. Но уже в декабре восставшие сложили оружие, опасаясь вооруженной интервенции из столицы генерал-капитанства – Гватемалы.

В Никарагуа первым восстал против испанцев небольшой южный город Ривас. Но испанские войска из соседней Коста-Рики жестоко расправились с бунтовщиками.

10 ноября 1811 года под влиянием событий в Сальвадоре восстал никарагуанский город Леон, где тоже сместили интенданта Никарагуа Хосе Сальвадора. Этого интенданта, который правил уже 18 лет, за деспотизм ненавидело почти все население. Однако испанские войска уже 14 ноября подавили это выступление.

Жители самого большого города Никарагуа Гранады оказались куда упорнее. 22 декабря под лозунгом борьбы против налогового гнета они взялись за оружие и потребо-

¹⁴ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 20.

¹⁵ Чьяпас впоследствии стал частью Мексики.

¹⁶ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 11.

вали сместить всех чиновников колониальной администрации. После 16 дней вооруженной борьбы под руководством Мигеля Лакайо горожане захватили цитадель испанцев – крепость Сан-Карлос. Состоявшие из индейцев колониальные войска взбунтовались против своих офицеров-испанцев и перешли на сторону повстанцев¹⁷. Испанцы поспешно отступили в город Масайя вместе со своими семьями¹⁸.

Характерно, что новым индендантом провинции Никарагуа восставшие признали епископа Гарсию Хереса, которого до этого назначили повстанцы в Леоне¹⁹. Никарагуанская церковь была тесно связана с народом (точнее, его богатой верхушкой). Такого жесткого кастового расслоения, как, например, в Мексике, в отсталой патриархальной Никарагуа не было. Церковь там относилась к нуждам большинства «просвещенного» населения внимательно, так как от этого зависело материальное положение самого клира. Тем не менее независимости от Испании церковь не хотела, и епископ возглавил восстание с целью не допустить его излишней радикализации. В результате повстанцы требовали только ослабления налогового пресса.

10 января 1812 года выборный муниципальный орган власти Гранады (аюнтамьенто), состоявший из креолов, торжественно провозгласил отмену рабства, сделав это на четыре года раньше Боливара. При этом рабов-негров в Никарагуа имелось не более 1000 человек, и все они были домашней прислугой. Так что акт имел скорее символическое значение, показавшее всему миру прогрессивный характер гранадского восстания.

В апреле 1812 года испанцы собрали карательный отряд численностью около тысячи человек и выступили в поход на Гранаду. Генерал-капитан Гватемалы мобилизовал против никарагуанцев королевские контингенты в Сальвадоре, Коста-Рике и Гондурасе. По никарагуанским меркам это была огромная армия.

Но жители Гранады тоже не сидели сложа руки и хорошо подготовились к обороне. Были отрыты траншеи, повстанцы располагали артиллерийской батареей из 10 орудий. Два дня боев не дали решающего перевеса ни одной из сторон. Ударными частями испанцев являлись англоязычные негры с Карибского побережья, которые должны были внушить осажденным ужас уже своим внешним видом. Негры с ведома испанцев активно грабили местное население. Однако после ожесточенной перестрелки нападавшим пришлось отойти за пределы города.

Тогда испанцы прибегли к обману и предложили полную амнистию в обмен на капитуляцию инсургентов. Мэрия города сохранялась в своем прежнем, революционном составе. Командующий испанскими войсками дал слово чести от имени короля. 28 апреля 1812 года жители Гранады сдали оружие. Церковь 1 мая отслужила испанским войскам благодарственную мессу. Но после этого богатые землевладельцы-креолы, руководившие выступлением, были по одному арестованы в своих имениях. Их отдали под суд, длившийся почти два года, и приговорили 16 человек к смертной казни, а девять – к пожизненному заключению. 133 повстанца отделались различными тюремными сроками, причем часть заключенных отправили на Кубу и в Испанию. Генерал-капитан Гватемалы Бустаманте-и-Герра отменил подписанное с повстанцами соглашение на том основании, что испанский король не ведет переговоров с мятежниками.

Характерно, что репрессии было поручено провести все тому же епископу Гарсии Хересу, и тот не замедлил продемонстрировать свое рьяное служение королевской власти.

¹⁷ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 146.

¹⁸ Испанцев в Никарагуа называли «пенинсуларес» – «жители полуострова» (имелся в виду Пиренейский полуостров).

¹⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 12.

Интересно, что во время гранадского восстания другой крупный город Никарагуа, Леон, сохранил лояльность испанской короне. При этом Гранада, как уже упоминалось, была бастионом консерватизма, а Леон считал себя знаменосцем прогрессивных идей в духе французской революции. Главную роль в таком странном развитии событий играло все то же историческое соперничество между двумя ведущими городами Никарагуа, которое затмевало все остальное – даже судьбоносный вопрос о независимости страны.

Таким образом, первые выступления против Испании в Никарагуа были подавлены. После этого на десять лет в Центральной Америке воцарилось призрачное спокойствие.

В 1820 году в Испании победила революция, что опять привело к взрыву антииспанских настроений в Мексике и Центральной Америке. В сентябре 1821 года в Гватемале узнали, что власти вице-королевства в Мехико намерены провозгласить независимость. На самом деле восстание в Мехико началось уже в феврале 1821-го, но все это время власти генерал-капитанства еще колебались. 15 сентября, наконец, собралось тайное совещание верхушки колониальной администрации Гватемалы, которое должно было определить дальнейшую судьбу всей Центральной Америки. Обсуждался акт о независимости генерал-капитанства, но участники совещания никак не могли его одобрить, опасаясь репрессий Мадрида. Дело кончилось тем, что жена одного из участников совещания Мария Долорес Бедойя на свои средства пригласила музыкантов и устроила праздничный фейерверк для народа²⁰. Люди шумно и радостно отмечали независимость, и самому совещанию пришлось постфактум признать ее тоже.

Акт по этому поводу был, правда, составлен довольно осторожно. В нем говорилось, что впредь до окончательного определения отношений с Испанией временно провозглашается независимость генерал-капитанства и генерал-капитан Габино Гаинса переименовывается в «политического руководителя». Термины «президент» или «глава государства» не употреблялись намеренно – сам Габино Гаинса говорил, что был вынужден пойти на провозглашение независимости только для того, чтобы не дать народу самому ее провозгласить.

Далее акт предписывал провести по всей Центральной Америке выборы в конгресс (один депутат от 15 тысяч человек), который должен был выработать текст конституции нового государства. Вплоть до решений конгресса сохраняли свои посты чиновники колониальной администрации. В акте также особо подчеркивались незыблемые права католической церкви, в том числе и имущественные.

Следует подчеркнуть, что на самом совещании 15 сентября 1821 года присутствовали в основном представители Гватемалы. Другие части генерал-капитанства представляли люди, случайно оказавшиеся в столице и не имевшие абсолютно никаких полномочий.

Неудивительно, что либеральный город Леон немедленно провозгласил собственную независимость от Гватемалы, в то время как консервативная Гранада сохранила лояльность.

Между тем события в Центральной Америке развивались стремительно и без всякого участия местного населения. В ноябре 1821 года власти Гватемалы получили письмо от мексиканского генерала Итурбиде, который провозгласил себя императором Августином I. Итурбиде предлагал бывшему генерал-капитанству вступить в состав Мексики, пророчески заметив, что в противном случае Центральная Америка «станет объектом вожделения иностранных держав»²¹. Габино Гаинса вполне разделял мысли Итурбиде, однако среди местных элит Центральной Америки единства по вопросу присоединения к Мексике не было. Многие не хотели входить в состав не только Мексики, но и самой Гватемалы.

Было решено провести опрос местных органов власти. 157 из 237 высказались за мексиканский вариант. Леон и Гранада оказались здесь единодушны – они хотели присоеди-

²⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 15.

²¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 17.

ния к Мексике. Местные олигархи решили, что только твердая власть Итурбиде поможет им сохранить собственность от возможных народных восстаний. Правда, против империи Итурбиде в июне, а затем в августе 1822 года восстали индейцы и леонские студенты. В октябре 1822-го и январе 1823 года против мексиканцев поднималась Гранада²².

В июне 1822 года мексиканский отряд генерала Филисолы вступил в Гватемалу. Генерал писал позднее: «Собственники были готовы пойти на любые жертвы для содержания моего отряда, чтобы сохранить тем самым гарантию своей собственности»²³. «Плебеев» же Гватемалы генерал считал «задиристыми».

Между тем в Мексике в марте 1823 года свергли Итурбиде. Перед Центральной Америкой опять встал вопрос: как жить дальше? Филисола предложил гватемальцам созвать конгресс и провозгласить независимое центральноамериканское государство, заявив, что у Мексики полно своих проблем и Гватемала является для мексиканцев обузой.

В целом период 1824–1847 годов вошел в историю Никарагуа как эра анархии. Государственный строй практически не существовал. Но если во времена испанского владычества государство хотя бы охраняло элементарный порядок и мир, то теперь наступил период перманентной гражданской войны всех против всех. В Никарагуа то и дело то Леон, то Гранада снаряжали друг против друга «армии», которые грабили всех, кто попадался на пути. Опасаясь бесконечных призывов на очередную гражданскую войну, мужчины подолгу скрывались в горах и лесах. В стране пышным цветом расцвел бандитизм, как политический, так и уголовный. Торговля могла происходить только под защитой вооруженной охраны.

Как только до Никарагуа докатилась весть о падении империи Итурбиде, Леон направил против Гранады вооруженный отряд, чтобы предотвратить провозглашение в городе-конкуренте независимой республики²⁴.

24 июня 1823 года в Гватемале собралась Национальная учредительная ассамблея Центральной Америки. Из 64 депутатов 28 были гватемальцами, 13 – сальвадорцами, 11 – гондурасцами и только восемь никарагуанцами. Меньше делегатов было только у богом забытой Коста-Рики – четыре. 1 июля ассамблея приняла декрет о полной независимости Центральной Америки. Новое государство стало называться Соединенными провинциями Центральной Америки. 17 апреля 1824 года в новой стране было торжественно отменено рабство. Еще раньше были упразднены все дворянские титулы.

В Соединенных провинциях жили примерно 1,6 миллиона человек²⁵. Подушевой ВВП в новых независимых странах Латинской Америки был почти таким же, как в США: 245 долларов в год (в ценах 1960 года), а в Соединенных Штатах – 239 долларов. Конечно, страны Латинской Америки сильно отличались друг от друга уровнем экономического развития, так что средний показатель вряд ли применим именно к Центральной Америке – одной из самых бедных провинций испанской империи.

Местные элиты, в том числе в Никарагуа, восприняли новое государство как излишне либеральное и революционное. Поэтому все консерваторы стали сторонниками отделения от федерации, в то время как либералы стояли за сохранение единства. На стороне консерваторов был мощный экономический фактор – части федерации практически никак не связывались друг с другом единым рынком.

22 ноября 1824 года была принята конституция нового государства. Либералы стояли за максимальный централизм, который должен был соединить пока еще сильно разоб-

²² Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 146.

²³ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 19.

²⁴ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 21.

²⁵ Bulner-Thomas V. T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P. 21.

ценные экономически бывшие провинции генерал-капитанства. Консерваторы лицемерно выступали за подражание США с их слабой тогда центральной властью и за передачу основных полномочий государствам – членам федерации. Конституция переименовала Соединенные провинции в Федеративную Республику Центральной Америки. Либералы считали это своей победой.

Правда, большинство полномочий по новой конституции отходило к членам федерации, а избирательное право предоставлялось только мужчинам, владевшим солидным имуществом. Католическая церковь сохранила все свои привилегии. Первым президентом страны 29 апреля 1825 года был избран сальвадорец Мануэль Хосе Арсе, человек довольно консервативных взглядов. Президента на четыре года выбирали по многоступенчатым выборам с помощью коллегий выборщиков. Как и его коллега в США, центральноамериканский президент мог быть переизбран еще на один четырехлетний срок.

Конституция предусматривала (опять же по американскому образцу) строительство новой столицы. Но для этого были нужны деньги. Субсидий из Мексики больше не поступало. Поэтому пришлось вводить федеральные налоги (например, на торговлю табаком). За собой федерация оставила и таможенные сборы, что, естественно, не понравилось многим экспортно ориентированным латифундистам на местах, в том числе и в Никарагуа. Пришлось занять деньги у англичан на бесстыдно кабальных условиях.

В стране немедленно началась гражданская война. Федеральный президент Арсе рассорился даже с правительством своего места пребывания – Гватемалы.

Яркой политической фигурой Центральной Америки того беспокойного периода был гондурасец Франсиско Морасан, родившийся 3 октября 1792 года в столице нынешнего Гондураса Тегусигальпе в семье креольского торговца и спекулянта земельными участками. Дед будущего героя Центральной Америки был корсиканцем. Учился Морасан в католической школе (других тогда не было) и много занимался самообразованием. Выучив французский язык, Морасан познакомился с трудами гениев Просвещения – Руссо, Дидро, Монтескье. С тех пор он твердо считал себя сторонником прогресса. Получив частное юридическое образование, Морасан в 1821 году вступил в милицию Гондураса в чине лейтенанта. Был сторонником независимости Гондураса от империи Итурбиде и в 1825-м стал председателем парламента Гондураса.

Разогнав либеральное правительство Гватемалы и федеральный конгресс, Арсе в 1827 году направил карательные войска в Сальвадор и Гондурас. Морасан, человек стойких либеральных убеждений, возглавил отряд в 300 человек для борьбы с федеральной армией, потерпел неудачу и был вынужден бежать в Никарагуа.

В Леоне Морасан встретился с командующим никарагуанской армии Ордоньесом, который снабдил его оружием и предоставил в его распоряжение 135 бойцов. В Никарагуа Морасан сформировал армию из либералов численностью примерно в 500 человек и в ноябре 1827 разгромил федеральные части, заняв Тегусигальпу. 27 ноября 1827 года Морасан стал главой Гондураса.

Весной 1828 года федеральная армия (состоявшая фактически из одних гватемальцев) снова начала военные действия против «мятежников», чьи ряды в основном составляли сальвадорцы и гондурасцы. Морасан с 1400 бойцами бросился на выручку Сальвадору и в октябре 1828-го, разбив части Арсе триумфально вступил в Сан-Сальвадор. Гондурасские и сальвадорские либеральные контингенты были объединены под командованием Морасана в «Союзную армию – защитницу закона». В армию входил и никарагуанский воинский контингент. В апреле 1829 года войска Морасана вступили в город Гватемалу. Реакционная диктатура Арсе была свергнута.

Морасан легко выиграл президентские выборы и в сентябре 1830 года принес присягу как глава федерации. В духе традиций французской революции Морасан попытался исклю-

чить церковь из процесса народного образования. Он основал университеты в Сан-Сальвадоре и никарагуанском Леоне (1830 год). В области внешней политики новый президент был горячим сторонником укрепления независимости Центральной Америки, чтобы оградить ее от экспансии США и Великобритании. Поддерживал Морасан и идею строительства транс-океанского канала через территорию Никарагуа²⁶.

В 1832 году Морасан бросил открытый вызов католическому епископату – он провозгласил в федерации свободу вероисповедания. Против него немедленно выступили реакционеры, и большую часть своего президентства Морасан вынужденно провел в походах и боях с реакционерами и сепаратистами всех мастей. За поддержку оппозиции Морасан выслал из страны архиепископа Рамона Каусаса.

В ноябре 1831 года в Гондурасе неожиданно высадился сильный отряд испанцев с Кубы. На сторону интервентов переметнулся президент Сальвадора. На мексиканской границе готовился вторгнуться в Гватемалу бывший президент федерации Арсе с отрядом в 400 человек. Морасан двинул на север отряд своих войск, и Арсе был разбит. Сам президент федерации возглавил поход против Сальвадора и взял столицу этой страны в марте 1832 года. Затем Морасан выбил испанцев с атлантического побережья Гондураса.

В 1834 году Морасан перенес столицу в Сан-Сальвадор и обещал обеспечить честные президентские выборы, для чего даже покинул свой пост. Выборы действительно были честными – на них победил соперник Морасана консерватор Хосе Сесильо дель Валье. Такой исход был практически предрешенным, так как голосовали только богатые, а они обычно стояли за консерваторов. Однако дель Валье умер, не успев вступить в должность, и новые выборы все же выиграл Морасан, вновь занявший пост президента 2 февраля 1835 года. Генерал немедленно предложил изменить конституцию, чтобы сделать федерацию более сплоченной. На практике это означало ущемление интересов гватемальской олигархии, которая считала Гватемалу «первой среди равных» в молодой стране.

В 1836 году новая редакция конституции была утверждена конгрессом. Отныне государствам-членам федерации запрещалось иметь собственные армии и взимать пошлины с внешней торговли.

Однако вступлению в силу новой конституции помешала неожиданно разразившаяся эпидемия холеры. В одной лишь Гватемале от холеры умерло более 1000 человек.

Священники немедленно объяснили неграмотным индейцам, что бог карает их таким образом за поддержку безбожника Морасана. Церковь даже распускала слухи, что власти нарочно отравляют колодцы, чтобы усилить эпидемию²⁷. Священники говорили, что либералы хотят истребить коренное население, чтобы заселить федерацию революционерами-европейцами. Правительство, между тем, отправило в индейские деревни врачей и студентов-медиков, но при тогдашнем уровне медицины побороть эпидемию было сложно.

Индейцы Гватемалы под влиянием лживой клерикальной пропаганды взялись за оружие, и против них были направлены правительственные войска, которые своими репрессиями привели в лагерь восставших еще больше сторонников. Восставших возглавил 22-летний сержант Рафаэль Каррера, которого церковь объявила народным вождем. Лозунгами его армии были «Да здравствует религия!» и «Смерть иностранцам!». В декабре 1837 года Гватемала попросила помощи федеральной армии, но Морасан ответил, что восставшие обмануты и их надо убеждать, а не принуждать.

Но Каррера воспринял эту позицию как проявление слабости, и 2 февраля 1838 года его полудикие отряды заняли столицу Гватемалы. Очевидцы сравнивали начавшиеся грабежи

²⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 38.

²⁷ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 46.

и разбои с захватом Рима готами Алариха. Характерно, что Каррера въехал в поверженную столицу либералов в мундире испанского генерала.

Между тем о выходе из федерации заявили Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика, возмущенные решением федеральных властей отобрать у них взимание таможенных пошлин. От Гватемалы отделилось государство Лос-Альтос, намеревавшееся сохранить либеральный строй. 5 июля 1838 года Лос-Альтос приняли в разваливавшуюся на глазах федерацию в качестве шестого члена.

В апреле 1838 года Морасан легко разбил отряды Карреры (их остатки скрылись в горах) и вступил в столицу Гватемалы. Жители города, напуганные бесчинствами христолюбивого воинства Карреры, предложили Морасану диктаторские полномочия для восстановления гражданского мира в федерации. За это выступили даже консерваторы. Однако Морасан отказался, заявив, что диктатура противоречит его принципам. К лету 1838-го федеральная армия очистила от мятежников почти всю территорию Гватемалы.

Удар в спину Морасана нанесла Никарагуа, объявившая о своей независимости 30 апреля 1838 года. Похоже, сепаратисты сами не были уверены в своей затее, поэтому новую страну называли не республикой, а более расплывчато – «государством». Да и глава этого государства именовался весьма странно – «верховным директором».

Морасан срочно вернулся в федеральную столицу Сан-Сальвадор, но и там царили развал и анархия. 31 мая 1838 года федеральный конгресс постановил, что любое государство федерации вольно в своем выборе и может стать независимым.

Но Морасан не сдавался. Он вернулся в Гватемалу и продолжил громить мятежников Карреры, которые в конце 1838 года запросили мира. Тогда же по просьбе Морасана конгресс Гватемалы обратился к покинувшим федерацию странам с призывом вернуться в союз. Но те стояли на своем и ответили, что в выборах нового президента федерации участвовать не собираются. Так как 1 февраля 1839 года срок мандата Морасана истек, федерация осталась без легитимного главы государства. Это означало конец союза, поскольку Морасан был его главным связующим звеном.

Однако без дела генерал не остался. В том же феврале 1839 года его назначили главным командующим сальвадорской армией, которая готовилась отразить интервенцию гондурасско-никарагуанских войск. Морасан еще раз подтвердил свое недюжинное военное дарование и в апреле 1839 года разгромил своих противников у местечка Эспириту-Санто («святой дух» по-испански; бог явно благоволил Морасану!). После этой блестящей победы Морасан был избран 13 июля 1839 года президентом Сальвадора.

Избрание Морасана реакционеры Центральной Америки расценили как попытку возродить ненавистную им либеральную федерацию. 24 июля 1839 года Гватемала (где заправлял Каррера) и Никарагуа подписали договор о военном союзе против Сальвадора. Морасан пытался перейти в контрнаступление и восстановить федерацию, но сил Сальвадора для этого было явно недостаточно. Предпринятая Морасаном военная экспедиция в Гондурас в августе 1839 года потерпела поражение²⁸. Каррера, в свою очередь, призвал народ Сальвадора к восстанию против Морасана, но последний быстро подавил отдельные очаги мятежа.

25 сентября 1839 года на территорию Сальвадора вторглась объединенная никарагуанско-гондурасская армия. Но Морасан, с отрядом всего лишь из 600 бойцов, наголову разбил 2000 интервентов, и те позорно бежали, оставив на поле боя более 300 убитых.

Морасан понимал, что душой консервативно-сепаратистских сил является Каррера. Поэтому в марте 1840 года он с небольшими силами неожиданно вторгся в Гватемалу и занял столицу страны. Морасан ранее всегда побеждал Карреру на поле боя, и казалось, что так будет и на сей раз. Но Каррера обхитрил противника. Он увел свои войска из столицы, а

²⁸ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 51.

когда Морасан занял город, окружил сальвадорцев пятитысячной армией. В войну на стороне Гватемалы вступили Никарагуа и Гондурас.

Во время ожесточенного боя с индейцами-фанатиками, скандировавшими «Смерть Морасану!» и певшими псалмы, у войск Морасана кончились боеприпасы. Ему едва удалось с небольшим обрядом вырваться из кольца окружения.

27 марта 1840 года Морасан отказался от поста президента Сальвадора, чтобы, как он заявил, положить конец кровопролитию. Таким образом, участь центральноамериканской федерации была предрешена. Характерно, что США и Великобритания благоприняли известие о поражении Морасана. Закабалить отдельные слабые центральноамериканские республики было куда как проще, чем иметь дело с сильной федерацией, к которой стремился Морасан.

Летом 1839 года в Центральную Америку прибыл дипломатический представитель США Стефенс, который должен был разорвать отношения между Вашингтоном и федерацией под предлогом хаоса, царящего в Центральной Америке²⁹. Но на самом деле уже тогда американцев интересовала только возможность прорытия канала через территорию Никарагуа. И канал этот они намеревались контролировать единолично. Государственный секретарь США Ливингстон подчеркивал в инструкциях для первого посланника США в Центральной Америке Уильяма Джефферса: «Делом первостепенной важности для нас является соединение двух океанов судоходным каналом...»³⁰

Морасан в апреле 1840 года отправился в изгнание. Коста-Рика не приняла его, и последний президент федерации поселился со своими соратниками в Колумбии (ныне эта территория является частью Панамы). В 1841 году Морасан выехал в Перу, где ему предложили командовать дивизией перуанской армии в войне против Чили. Но генерал отказался, так как считал эту войну ненужной и братоубийственной.

Не прошло и года после кончины центральноамериканской федерации, как начало сбываться пророчество Морасана о неминуемом закабалении бывших республик федерации иностранными хищниками.

Англичане после развала федерации захватили единственный крупный никарагуанский порт Сан-Хуан-дель-Норте и лишили тем самым Никарагуа основного маршрута внешней торговли. Встала реальная угроза британской оккупации всего атлантического побережья Никарагуа и Гондураса. Никарагуа обратилась за помощью ко всем центральноамериканским республикам. Морасан решил, что внешняя угроза поможет воскресить федерацию, и в декабре 1841 года на борту корабля «Крестоносец» покинул Перу с семьей спутниками. В январе 1842 года Морасан высадился в Сальвадоре и предложил свою помощь в борьбе с британцами. К генералу стекались восторженные сторонники, но правительство Сальвадора, опасаясь осложнений с Гватемалой (где правил Каррера), попросило Морасана покинуть страну.

Морасан отплыл в Коста-Рику, где местные либералы только что подавили реакционный мятеж. Президент Коста-Рики Браулио Каррильо выставил против Морасана войска, но тот убедил их перейти на его сторону. 13 апреля 1842 года Морасан без боя вошел в столицу Коста-Рики Сан-Хосе. Многие тогда сравнивали триумфальное возвращение генерала со «ста днями» Наполеона. К сожалению, это сравнение оказалось пророческим, хотя конгресс избрал Морасана президентом Коста-Рики.

В своем первом воззвании к народу Морасан выступил за восстановление центральноамериканской федерации. Флаг и герб распавшегося союза были объявлены национальными символами Коста-Рики. Были амнистированы все политические заключенные.

²⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 54.

³⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 53.

Морасан готовился к походу на север и для этого объявил в Коста-Рике всеобщую воинскую повинность и ввел чрезвычайный налог на собственников. Эти меры заставили местную олигархию вступить на путь борьбы с новым президентом. Да и многие простые костариканцы, только что пережившие гражданскую войну, не хотели умирать вдали от родной земли во имя непонятной для них федерации.

20 июля 1842 года Морасан издал декрет, объявлявший Коста-Рику частью центральноамериканской федерации³¹. Фактически это означало объявление войны всем бывшим членам федерации. К началу сентября 1842 года экспедиционная армия Морасана была готова отплыть в Никарагуа. Но 11 сентября началось восстание против Морасана в Сан-Хосе. Антивоенные лозунги повстанцев привлекли на их сторону широкие массы населения. 400 вооруженных мятежников во главе с португальским генералом атаковали оставленных Морасаном в городе 40 сальвадорцев из его личной гвардии. Несмотря на огромный численный перевес, все атаки мятежников (число которых выросло до 1000) были отбиты. После трех дней ожесточенных уличных сражений Морасан отклонил предложение о капитуляции и с боем вырвался из Сан-Хосе.

Однако один из соратников Морасана, Педро Майорга, к которому генерал поспешил на помощь, просто сдал его в руки мятежников. 15 сентября 1842 года в день 21-й годовщины независимости Центральной Америки Морасан был расстрелян на центральной площади Сан-Хосе. В составленном для своего пятнадцатилетнего сына завещании он писал, что прощает все своим врагам и желает им всего наилучшего. Далее в письме говорилось: «...моя любовь к Центральной Америке умирает вместе со мной. Я обращаюсь к молодежи, которой суждено вдохнуть жизнь в эту страну, покидаемую мною с чувством горечи из-за царящей в ней анархии, и призываю молодежь последовать моему примеру: пусть она предпочтет скорее умереть, чем видеть родину в состоянии хаоса, в каком она, к сожалению, пребывает сейчас»³².

Смерть Морасана означала окончательный крах единого центральноамериканского государства и на долгие десятилетия определила незавидную судьбу народов этого региона, ставших игрушкой в руках сначала Великобритании, а потом США.

Идея федерации, однако, не погибла вместе с Морасаном. В апреле 1842 года Никарагуа, Сальвадор и Гондурас собрали полномочных представителей в никарагуанском городе Чинандега, чтобы воссоздать федерацию. Предполагалось, что править ей станет «верховный представитель» при поддержке совета из полномочных представителей трех государств. В течение шести лет путем ротации главой единого государства должен был побывать посланец от каждой страны. Парламенты трех стран выбирали бы по одному члену в единый судебный орган. Законодательный орган должен был быть сформирован из отобранных правительствами трех стран делегатов.

Правда, федеральные власти не должны были вмешиваться во внутренние дела стран-участниц. Поэтому участь этого образования, существовавшего скорее на бумаге, была предопределена.

Первым верховным представителем стал сальвадорец Каньяс, которого сменил в 1843 году никарагуанец Фруто Чаморро. Общее правительство избрало своей резиденцией город Сан-Висенте в Сальвадоре. Однако все три страны продолжали жить своей жизнью, и, когда срок полномочий Чаморро истек, преемника для него не нашлось. «Федерация Чинандеги» прекратила свое существование.

В 1847 году делегаты трех вышеупомянутых стран собрались снова, на этот раз в гондурасском городе Накаоме, и призвали к восстановлению федерации и выборам в

³¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 60.

³² Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 61.

общий парламент – конституционную ассамблею. 22 июля 1847 года центральноамериканская федерация была формально воссоздана. Гватемалу и Коста-Рику пригласили присоединиться к ней. Но призыв так и остался призывом. Хотя Никарагуа и Гондурас ратифицировали «конвенцию Накаоме», Сальвадор одобрил решения только частично, и федерация опять не состоялась.

В 1853 году либеральный президент Гондураса Кабаньяс созвал в столице страны Тегусигальпе новый конгресс для восстановления центральноамериканской федерации. Однако воплощению идеи в жизнь помешали гражданская война и американская интервенция в в Никарагуа.

После окончательного краха центральноамериканской федерации власть в Никарагуа перешла к местным олигархическим кланам. Статья 17 первой никарагуанской конституции 1838 года прямо делила всех людей на жителей и граждан. Выбирать могли только граждане – мужчины старше 20 лет (или старше 18, если они были женаты), родившиеся в самой Никарагуа и имевшие солидную собственность³³. «Жители», к которым относились практически все индейцы, никаких избирательных прав не получили. Но даже такие «выборы» были многоступенчатыми. Депутатов парламента выбирали выборщики, которых сначала выбирали граждане. Сенат выбирали еще сложнее: сначала избирали выборщиков, которые избирали других выборщиков, а уже те – сенаторов.

Конституция 1838 года еще сохраняла положение о защите индейского общинного землевладения.

Пришедшие к власти олигархи столкнулись с дилеммой. Новому государству нужны были деньги. Надо было создать более или менее регулярную армию, так как на восточное побережье страны все время зарились англичане. Да и от соседей добра ждать приходилось не всегда. В 1845 году сальвадорско-гондурасские войска захватили и ограбили ведущий город Никарагуа – Леон. Интервентам помогли консерваторы из Гранады, желавшие вырвать власть из рук леонских либералов.

Прямое налогообложение граждан и жителей Никарагуа было делом бесперспективным, поскольку развитых товарно-денежных отношений в стране не существовало, а большинство людей вообще редко видели деньги. Оставались, конечно, таможенные пошлины – но ведь олигархи сами поднялись против Морасана, чтобы вести как можно более свободную от пошлин внешнюю торговлю. Никарагуанские богачи делали деньги в основном на экспорте шкур крупного рогатого скота, а также на сахаре, хлопке, кофе и табаке. Делиться доходами они не желали. Оставалось только косвенное налогообложение, которое не зря называют «политикой Робина Гуда наоборот». Деньги изымались у бедных и передавались богатым – тем, кто производил товары народного потребления.

Беда была в том, что большинство людей обеспечивали себя едой сами. В эпоху анархии, с 1821 года, многие крестьяне, особенно в отдаленных районах, вообще не платили никаких налогов, так как подчас их просто некому было собирать.

Но в 1845 году министра финансов нового консервативного правительства, представителя одного из самых мощных олигархических кланов страны Фруто Чаморро³⁴ посетила гениальная идея. Он решил ввести налог на популярную среди населения «огненную воду» – крепкий спиртной напиток фабричного или кустарного производства. Конечно, Чаморро и его соратники-консерваторы объясняли новый налог высокими моральными соображениями: мол, никарагуанцы (особенно из низших слоев общества) слишком много пьют, чем мешают прогрессу страны.

³³ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 79.

³⁴ Чаморро родился в 1804 году в Гватемале, куда на учебу выехал его отец. Отец Фруто являлся одним из основателей консервативной партии Никарагуа и в 1839-1842 годах был сенатором.

К 1852 году налог на «огненную воду» стал самой важной статьей пополнения никарагуанского бюджета – 109 тысяч песо из 296 тысяч общей суммы доходов. Таможенные пошлины давали только 75 тысяч песо³⁵. Стоявшие у власти олигархи активно закрывали небольшие ликеро-водочные предприятия, чтобы их коллеги-олигархи из той же сферы бизнеса получали побольше прибыли. Консервативное правительство раздавало своим сторонникам монополии по обеспечению «огненной водой» отдельных городов и районов. Например, в 1845-м сенатор Бернардо Венерио получил монополию на четыре года по снабжению крепким зельем Леона.

Естественно, новая мера властей вызвала широкое недовольство в стране именно своей несправедливостью. Спиртное местного приготовления пили в основном бедняки – люди вроде Фруто Чаморро предпочитали импортные вина или виски и никаких налогов не платили.

Помимо «огненной воды» консерваторы стремились уничтожить общинное землевладение, скупить земли эхидо и заставить вчерашних собственников пойти к ним на плантации простыми рабочими. В разработанном консерваторами в 1848 году проекте новой конституции уже не было упоминания о защите коллективного землепользования.

В стране началось активное повстанческое движение против консервативного правительства, которое, естественно, поддержала партия либералов. Одним из популярных в стране «разбойников-джентльменов» был Бернабе Сомоса, выходец из семьи, сыгравшей в истории Никарагуа зловещую роль³⁶.

Отец Бернабе Фернандо Сомоса владел в городке Хинотепе небольшим поместьем и принадлежал к демократам (то есть либералам), противникам испанского владычества. Но основной доход Фернандо извлекал из того, что был самозванным врачом-шарлатаном. Конкурентом в этом ему составлял некий Матус, который принадлежал к партии легитимистов – сторонников сохранения колониального статус-кво. Когда Матус стал мэром, он попытался посадить Сомосу в тюрьму, обвинив его в появлении на улице после 18:00 с мачете, длина которого превышал разрешенные законом размеры (22 дюйма). Бернабе Сомоса вступился за честь отца и вызвал Матуса на дуэль. Последний завел против семьи Сомосы уголовное дело.

Семья Сомосы бежала в Сальвадор, примкнула там к либеральной партии Морасана и принимала участие в нескольких сражениях в рядах сторонников федерации.

В сентябре 1844 года в Сальвадоре был подавлен путч против президента-консерватора Франсиско Малеспина. Путчисты бежали в Никарагуа. Малеспин потребовал выдачи беглецов, но никарагуанское правительство либералов ответило отказом.

Тогда Малеспин собрал армию и вторгся в Никарагуа, чтобы разбить тамошних либералов и поставить у власти своих сторонников-консерваторов. Сальвадор заключил военный союз с Гондурасом. Мирные переговоры в ноябре 1844 года закончились провалом. 21 ноября 1844 года войска антиникарагуанской коалиции (к которой, как уже упоминалось, примкнули консерваторы из Гранады) стояли лагерем в одном из горных ущелий. Один из генералов круто обошелся с пьяными дезертирами, после чего почти половина армии разбежалась. 26 ноября интервенты все же подошли к Леону и обстреляли город из пушек. В защите Леона участвовала и семья Сомосы. 27 ноября, находясь в изрядном подпитии, Малеспин приказал штурмовать Леон. Атака была отбита с большими потерями для нападавших.

³⁵ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 147.

³⁶ Бернабе Сомосу прозвали в народе «семь платочков», так как, согласно поговорке, ему не хватило бы и семи платков, чтобы смыть кровь со своих рук.

Никарагуанские демократы закупили за границей 1000 мушкетов, 200 ружей, 200 бочек пороха, 100 кг свинца для пуль и 12 тысяч кремней. Весь груз пришел в никарагуанский порт Реалехо, но британский вице-консул в Леоне Маннинг сообщил о нем Малеспину, и оружие оказалось в руках интервентов.

Малеспин назначил новым «верховным директором» Никарагуа представителя консервативной партии Сильвестре Сельву Сакасу. Взбешенный неудачным штурмом Леона, Малеспин сам повел свою армию в атаку, но и она была отбита после ожесточенного боя. В рядах осажденных не было единого командования, и жители города очень сильно страдали от постоянного артиллерийского обстрела. 24 января 1845 года Леон капитулировал, и Малеспин отдал его на разграбление своим солдатам, приказав расстрелять несколько самых видных горожан.

Бернабе Сомоса попал под суд, и консервативное правительство «верховного директора» Хосе Леона Сандовала бросило его в тюрьму. Но Сомоса бежал и в июле 1845 года вместе с другими либералами объявил о создании народной армии для свержения навязанного стране силой правительства консерваторов. Армия либералов вошла в города Чинандега, Эль-Вьехо и Леон. Со временем Бернабе сосредоточился на контрабанде и различного рода «экспроприациях».

18 марта 1846 года он во главе отряда из тридцати вооруженных людей он напал на поместье упоминавшегося выше монополиста «огненной воды» сенатора Венерио и убил его³⁷. Отряд Бернабе, убивая по пути помещиков, двинулся на Чинандегу, где были казнены три крупных торговца. Сомоса стал в Никарагуа довольно популярной личностью, и либералы важного города Ривас избрали его своим предводителем. Первый посланник США в Никарагуа Сквайер описывал Бернабе Сомосу как «стройного, грациозного мужчину с пером в шляпе и в красном испанском плаще». Именно Сквайер назвал Бернабе «разбойником-джентльменом».

Пока в стране бушевала гражданская война, консервативное правительство решило принять новую конституцию, чтобы «покончить с анархией». Согласно проекту основного закона 1848 года существенно расширились права «верховного директора». Либералы решительно протестовали против этой новации, равно как и против исключения из конституции положения о защите общинного землевладения. Интересно, что обычно в Латинской Америке того периода либералы стояли за свободный оборот земель, так как считали общинное сельское хозяйство отсталым и малопродуктивным. Их идеалом был американский фермер. И только в Никарагуа либеральная партия твердо стояла на стороне большинства населения.

Гражданская война 1845-1849 годов велась на всей территории Никарагуа с небывалым ожесточением. Пришла в упадок не только экономика – позабылись основные правила человеческого общежития. Людская жизнь ничего не стоила, никакой охраны порядка не существовало. В 1838-1854 годах в стране сменилось 24 «верховных директора»³⁸.

Сумятицей в стране, естественно, решили воспользоваться внешние силы. В 1847 году Великобритания взяла под свой протекторат «королевство Москитию». Англичане вновь оккупировали Сан-Хуан-дель-Норте и переименовали его в Грейтаун («Серый город»). Грейтаун должен был стать отправной точкой будущего трансокеанского канала. США аннексировали Техас и в 1848 году отторгли у Мексики больше половины ее территории. Зловещее предсказание Морасана начинало сбываться.

Между тем Сомоса приобрел среди простых никарагуанцев такую популярность, что и консерваторы, и либералы (водители этих партий были людьми богатыми) стали рассматри-

³⁷ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 148.

³⁸ Staten C. L. The History of Nicaragua, Greenwood Publishing Group, 2010. P. 22.

вать его как серьезную угрозу самому понятию частной собственности. Генерал либералов Муньос в июне 1849 года объединился с консерваторами во главе с Фруто Чаморро и начал атаку на Сомосу в Ривасе, откуда все богатые фамилии сбежали перед этим в Коста-Рику. 14 июля Сомоса сдался и 17-го был расстрелян по приговору военного суда (а фактически без всякого суда)³⁹.

Характерно, что адвокатом Сомосы выступал его противник на полях гражданской войны консерватор Фруто Чаморро, а обвинителем – бывший соратник по армии либералов Муньос. Сомоса пытался доказать, что действовал как генерал армии либералов под руководством того же Муньоса. Он даже предоставил суду военные карты, на которых были зафиксированы приказы Муньоса. Но последний отказался признать карты в качестве доказательств, и Бернабе Сомоса был казнен как мятежник и бандит.

Казнь Сомосы была подана общественности как триумф цивилизации над варварством. Однако объединившаяся против собственного народа никарагуанская элита чувствовала, что победа непрочно. Олигархи срочно искали нового внешнего покровителя и не нашли ничего лучшего, как обратить свой взор в сторону Вашингтона. Новое консервативное правительство Никарагуа заверило, что в стране больше не будет эксцессов против «наших братьев североамериканцев». Победившая олигархия обратилась к идее постройке трансокеанского канала и решила, что лучше доверить это дело американцам, которые, помимо всего прочего, выгонят из Москитии назойливых англичан.

Для беспокойства в отношении Лондона были все основания. Сразу же после обретения Центральной Америкой независимости от Испании английская фирма «Барклай энд Компани» начала изучать возможность постройки канала через территорию Никарагуа. В 1830 году концессию на строительство канала получила голландская компания. В Париже в 1833-м вышел довольно популярный памфлет, излагавший все преимущества будущей водной артерии между Тихим и Атлантическим океанами.

Не дремали и в Вашингтоне. Уже в 1826 году конгресс США обсуждал сооружение канала в Центральной Америке. В 1835-м сенаторы предложили заключить с центральноамериканской федерацией соответствующий договор⁴⁰. Вопрос канала опять поднимался в сенате США в 1839-м и 1846 годах. Уже тогда в соответствии с пресловутой доктриной Монро США считали, что только у них есть право вмешиваться во внутренние дела своих соседей по Западному полушарию.

Но самым знаменитым пропагандистом канала оказался племянник Наполеона Луи Бонапарт, ставший позднее императором Франции Наполеоном III. В 1846 году он писал в памфлете «Никарагуанский канал: проект соединения Атлантического и Тихого океанов посредством канала»: «Так же как Константинополь был центром античного мира, так и город Леон или, скорее, Масайя станет центром мира нового; и если полоска земли, отделяющая два (никарагуанских) озера от Тихого океана, будет перерезана, она (Масайя) будет владычествовать над всем побережьем Северной и Южной Америки. Как и Константинополь, Масайя расположена между двумя естественными гаванями и может служить убежищем для самых больших флотов, защищая их от нападения. Государство Никарагуа может стать даже лучшим, чем Константинополь, маршрутом для великой мировой торговли»⁴¹.

³⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 158.

⁴⁰ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 161.

⁴¹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 161.

Конечно, будущий император французов был личностью очень противоречивой и увлекающейся. Но пассаж из его произведения ясно говорит о том, что никарагуанский канал владел в середине XIX века умами всей мировой общественности.

Тема канала перешла из умозрительной в практическую после 24 января 1848 года, когда некто Джеймс Маршалл нашел в только что отторгнутой американцами у Мексики Калифорнии золото. В новый штат хлынули десятки тысяч искателей приключений и легкой наживы. С 1848-го по 1852 год в Калифорнию приехали более 200 тысяч человек. Но железной дороги между восточным и южным побережьем США тогда не было и путь из Нью-Йорка до Сан-Франциско занимал много недель, к тому же пролегая по населенной воинственными индейцами территории. В этих условиях взоры США обратились сначала к Панаме – давнишнему естественному перешейку между Тихим и Атлантическим океанами, – а затем к Никарагуа.

Таким образом, если в XVI веке золото привело испанскую империю в Никарагуа, то в XIX веке тот же самый металл сделал Никарагуа мишенью интересов другой империи – американской.

Консервативное правительство Никарагуа решило использовать неожиданно вспыхнувший американский интерес для противодействия англичанам, никак не желавшим покидать Москитию. Британия посредством марионеточного «королевства» предъявила претензии на все атлантическое побережье Центральной Америки от Мексики до Панамы. Это означало бы смерть для всей никарагуанской внешней торговли. И угроза эта была весьма реальной. Негритянское население Москитии говорило по-английски, и вместо католической там прочно господствовала англиканская церковь. В 1848 году в Москитию прибыли и протестанты – моравские братья. Поэтому население Москитии не считало никарагуанцев соотечественниками и не было связано с остальной территорией страны какими-либо экономическими узами.

В 1841 году, как уже упоминалось, британцы на военном корабле привезли в Сан-Хуан-дель-Норте «короля» Москитии Роберта I, который и предъявил претензии своего «государства» на этот важнейший для Никарагуа город. Когда никарагуанский комендант порта заявил протест, британцы попросту арестовали его и выгнали из города. Годом раньше англичане организовали «Британскую центральноамериканскую земельную компанию», которая обещала раздать любому желающему подданному британской короны земельные участки в Никарагуа. Правда, компания не нашла денег и проекты так и остались на бумаге, однако ничто не мешало повторить этот вариант в будущем.

Британцы активно осваивали и побережье Гондураса⁴², а также пытались захватить острова в стратегически важном для всех центральноамериканских стран тихоокеанском заливе Фонсека.

При этом англичане, как и предвидел Морасан, использовали в своих интересах разобщенность центральноамериканских стран. Например, Гондурас в 1843 году подписал с Москитией договор о торговле, дружбе и союзнничестве⁴³. В 1844 году Никарагуа отправила в Лондон специальную миссию для разрешения вопроса о Москитии, но никаких результатов переговоры не дали.

Опасность для Никарагуа несло в себе и развитие мировой технической мысли. Появились паровые суда, и теперь из Европы и США вне зависимости от причуд розы ветров можно было быстро доставить к берегам Никарагуа любой груз – в том числе и армию вторжения. В апреле 1847 года конгресс США дал американской компании «Юнайтэд Стейтс

⁴² В этом им сопутствовал успех, и сегодня там расположено англоязычное государство Белиз, бывший Британский Гондурас.

⁴³ Леонов Я. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 84.

Мейл Стимшип Компани» лицензии на транспортировку грузов к атлантическому побережью Центральной Америки. В следующем году британцы открыли прямое пароходное сообщение между Саутхэмптоном и Сан-Хуан-дель-Норте⁴⁴. Мнения никарагуанцев по этому вопросу никто не спрашивал.

«Золотую лихорадку» в Калифорнии «сильный человек» из стана правящих консерваторов Фруто Чаморро воспринял как благоприятную возможность для привлечения американских инвестиций. Он говорил о «революции», которую наконец-то привнес в Никарагуа прогрессивный американский капитализм. В марте 1849 года никарагуанцы действительно увидели эту «революцию» – в лице первой группы американских золотоискателей, решивших добратся в вожделенную Калифорнию через Никарагуа. 136 человек под руководством некоего Джорджа Гордона отправились из Нью-Йорка 20 февраля 1849 года, прибыли в Сан-Хуан-дель-Норте 19 марта и отплыли из тихоокеанского никарагуанского порта Реалехо 20 июля, прибыв в Сан-Франциско 5 октября. Таким образом, путешествие заняло семь месяцев, но главным образом потому, что золотоискатели долго ожидали попутных судов и дилижансов.

«Прогрессивные» американцы запомнились в Никарагуа бесконечными пьяными драками и активным интересом к местным женщинам. У многих никарагуанцев (которые сначала встретили янки очень радушно) зародились обоснованные сомнения в дружелюбности гринго.

Тем не менее консервативное правительство решило с помпой встретить дипломатического представителя США в Никарагуа – 28-летнего Сквайера, который прибыл в страну 22 июня 1849 года. Сквайер проследовал триумфальной процессией в сопровождении сливок никарагуанского общества через празднично украшенную Гранаду и прибыл в столицу Леон, где его приветствовали орудийным салютом и перезвоном колоколов. Один из лучших офицеров никарагуанской армии подполковник Селайя торжественно вез рядом с американским дипломатом «победоносный стяг» США (так писали об этом местные газеты). Официальный орган правительства газета «Болетин Офисьяль» провозгласила день прибытия Сквайера «днем величайших надежд для Никарагуа»⁴⁵. Сам Сквайер был потрясен таким торжественным приемом, радушием обывателей и тем, что в столице Никарагуа оказывается есть и мощные улицы.

Американский посланник (которого никарагуанские газеты считали «горячим сторонником счастья Никарагуа») был откровенен и раскрыл цель своей миссии прямо на вручении верительных грамот главе государства – события обычно чисто протокольным. Во-первых, он подтвердил доктрину Монро, заявив, что «Американский континент принадлежит американцам» и что любая попытка посягнуть на интересы любой американской страны будет восприниматься как угроза США. Наверное, никарагуанцам слышать это было приятно – наконец-то, надеялись они, «дядя Сэм» поставит на место «Джона Буля». Но прибыл Сквайер в Никарагуа все же не за этим: «Одной из целью моей миссии является содействие предприятию, важному для всего мира – предприятию, успешное осуществление которого может дать этой стране возможность достичь степени процветания, равной которой не будет в целом мире»⁴⁶. Конечно, Сквайер имел в виду канал и с «радостью» сообщил никарагуанцам, что «инициатива» в этом направлении уже предпринята.

⁴⁴ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 165.

⁴⁵ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 171.

⁴⁶ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 173.

«Верховный директор» ответил, что дружба к США переполняет сердце каждого никарагуанца.

Миссия Сквайера и правда оказалась более чем успешной. 26 августа 1849 года при активном содействии американского дипломата правительство Никарагуа подписало с группой американских бизнесменов во главе с Корнелиусом Вандербильт⁴⁷ соглашение о передаче эксклюзивных прав на строительство трансокеанского канала. Компания должна была заплатить никарагуанскому правительству 10 тысяч долларов сразу же после подписания этого соглашения и выплачивать такую же сумму ежегодно вплоть до введения канала в эксплуатацию. Вандербильту отводилось 12 лет на привлечение инвестиций и постройку канала. Американцы получили и эксклюзивное право на строительство обычных и железных дорог в зоне канала, а также на организацию пароходного сообщения по никарагуанским рекам и озерам. После постройки канала компания Вандербильта гарантировала никарагуанскому правительству 10 % чистой годовой прибыли.

Однако договор с самого начала оказался для Никарагуа невыгодным, хотя и вызвал крайне негативную реакцию Лондона. Вандербильту не удалось собрать необходимые средства. Он оправдывался тем, что озеро Никарагуа якобы недостаточно глубоко, чтобы принимать современные пароходы. Денег никарагуанцы так и не получили. Вандербильт добился от консервативного правительства выделения положений договора о наземном и речном сообщении в отдельную главу. Это означало, что американцы будут не строить канал, а зарабатывать деньги на перевозке людей по существующим рекам и дорогам. Согласившись и на это, Фруто Чаморро 1 мая 1851 года подписал с компаньоном Вандербильта Джозефом Уайтом договор об образовании новой компании «Аксесори Транзит Компани».

Однако далеко не все в Никарагуа разделяли оптимизм консерваторов относительно светлого будущего, основанного на долларах Вандербильта (пока чисто гипотетических). Лидер никарагуанских либералов того времени Франсиско Кастельон был крайне возмущен разнузданным поведением первой группы американцев, появившихся в Никарагуа в 1849 году. Он писал, что сама независимость Никарагуа поставлена под вопрос⁴⁸.

Но казалось, что, по крайней мере, сбывается сценарий успешной борьбы с Лондоном руками Вашингтона. Американцев, облюбовавших Никарагуа для себя, не устраивало какое бы то ни было присутствие англичан в Москитии и тем более в Сан-Хуан-дель-Норте – ключевом порту для компании Вандербильта. 19 апреля 1850 года американский представитель Джон Клейтон подписал с британским представителем Генри Литтоном Бульвером договор. Согласно этому документу обе стороны отказывались от любых территориальных приобретений, «оккупации, строительства укреплений, колонизации» и «доминирования» над Никарагуа, Коста-Рикой, Берегом Москитов и любой иной части Центральной Америки, в том числе и посредством установления протектората или военного союза.

Обе стороны также отказывались от эксклюзивных прав на будущий канал через никарагуанскую территорию, который должен был быть свободен для судов всех стран (причем даже в том случае, если бы США и Великобритания начали войну друг против друга).

Договор Клейтона – Бульвера знаменовал полную капитуляцию Великобритании перед молодым североамериканским хищником. Однако перед ратификацией договора британский премьер Пальмерстон сделал оговорку, что документ не касается британских владе-

⁴⁷ Вандербильт родился в 1794 году. Уже в 16 лет он занялся бизнесом, получив от матери взаймы 100 долларов за то, что вспахал ей 8 акров земли. Так Вандербильт приобрел первую собственность – баржу «Быстроходная», на которой он перевозил пассажиров, беря 18 центов с каждого. Через год сын вернул матери долг. В 22 года у Вандербильта уже было несколько судов и огромный по тем временам капитал в 9 тысяч долларов. Со временем Вандербильт стал крупнейшим судовладельцем США и организатором первых линий регулярного пароходного сообщения.

⁴⁸ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 178.

ний в Гондурасе и их «периферии». Клейтон тоже сделал оговорку, в которой США подтверждали права Лондона на британский Гондурас, под периферией одного понимали только небольшие острова у побережья страны, но никак не территорию любого другого центральноамериканского государства. К тому же Клейтон объявил, что и та и другая оговорки все равно не имеют никакой юридической силы, так как не будут ратифицированы сенатом США.

Никарагуанцев потрясло в договоре Клейтона – Бульвера то, что насчет их страны договаривались без ее участия. К тому же никаких денег компания Вандербильта в никарагуанский бюджет не переводила. Зато для самого Вандербильта Никарагуа стала золотой жилой, которая не снилась ни одному калифорнийскому золотоискателю.

Уже в ноябре 1850 года американцы добирались через территорию Никарагуа за 12 дней (из которых шесть уходило на наземный путь). Такой срок был связан с тем, что первоначально от озера Никарагуа путь золотоискателей лежал в Гранаду и тихоокеанский порт Реалехо, расстояние между которыми составляло около 200 километров, но затем было принято логичное решение переориентировать транспортный поток на гавань Сан-Хуан-дель-Сур. От нее до озера Никарагуа было всего 20 километров. Всего от атлантического Сан-Хуан-дель-Норте до тихоокеанского Сан-Хуан-дель-Сур было 200 миль (примерно 320 километров).

1 января 1851 года на озере Никарагуа появился первый пароход Вандербильта «Директор». Уже в конце года территорию Никарагуа можно было пересечь всего за 24 часа, заплатив за это компании Вандербильта 40 долларов⁴⁹. 14 июля 1851-го Вандербильт торжественно открыл бесперебойное пароходное сообщение между Нью-Йорком и Сан-Франциско. 10 дней занимало морское путешествие от Нью-Йорка до Сан-Хуан-дель-Норте. 20 дней уходило на пересечение Никарагуа (главным образом из-за пересадок, которых надо было ждать по несколько дней). 15 дней пароход шел от Сан-Хуан-дель-Сур до Сан-Франциско (с заходом в мексиканский порт Акапулько). Таким образом, весь маршрут занимал 45 суток (и стоил при самой дешевой каюте 180 долларов), но Вандербильт поклялся, что вскоре сократит его до 25 дней. В августе 1853 года Вандербильт превысил установленную им самим планку, уложившись в 22 дня и 3 часа, а годом позже добраться от Нью-Йорка до Сан-Франциско можно было ровно за три недели.

В 1854 году через Никарагуа каждый месяц переправлялись уже больше тысячи американцев. Причем все они отмечали очень теплое и радушное отношение к ним местного населения.

Однако никарагуанское правительство не получило ни капли из того золотого дождя, который пролился на Вандербильта и в конце концов позволил ему отойти от дел и купить себе роскошную яхту. Служащие компании вообще игнорировали никарагуанских чиновников, ведя себя на территории суверенной страны как дома. 24 апреля 1854 года министр иностранных дел Никарагуа в официальной ноте правительству США жаловался на то, что «служащие компании обращаются с властями республики без должного уважения и приличия... они третируют правительственных чиновников»⁵⁰.

О поведении янки на территории Никарагуа свидетельствует следующий эпизод. В 1854 году на пароходе, шедшем по реке Сан-Хуан, один американец в присутствии консула США в Сан-Хуан-дель-Норте Борланда убил никарагуанца. Однако Борланд заявил, что у полиции города Сан-Хуан-дель-Норте нет никакого права арестовать гражданина США. Не успокоившись на этом, консул попросил президента США прислать в порт военный корабль

⁴⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 180.

⁵⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 89.

для защиты американских граждан (!). В июле 1854 года американский корабль обстрелял город из орудий после того, как никарагуанцы отказались выплатить США репарации⁵¹. Это был первый, но, увы, не последний пример пресловутой американской «дипломатии кано-нерок».

Но власти США, которые в 50-е годы находились под полным контролем политиков из южных штатов, уже решили для себя, что зона будущего канала слишком важна для национальных интересов Америки, чтобы принадлежать какой-то там Никарагуа. К тому же американские транзитеры считали, что столь благодатная земля, которой Всевышний одарил Никарагуа, требует колонизации северной расой и введения рабства. Затем по образцу Техаса можно было бы присоединить наполненную американскими колонистами и их рабами землю к США.

Новый американский посланник в Никарагуа Солон Берланд при вручении верительных грамот 14 сентября 1853 года говорил уже совсем по-другому, чем Сквайер: «Нация, которая занимает такое выгодное географическое положение, не может... владеть этим богатством только и исключительно в своих интересах, закрывая доступ всем остальным»⁵².

В начале 1854 года американцы заставили Никарагуа подписать договор, по которому США получали право на провод своих войск через территорию страны.

В этом же году американцы по образцу вытесненных ими британских коллег попытались приступить к колонизации Никарагуа, хотя договор Клейтона – Бульвера это запрещал. Участник войны против Мексики 1846-1848 годов полковник Уильям Кинней создал «Компанию колонизации Центральной Америки», которая купила у короля Москитии 30 миллионов акров земли в устье реки Сан-Хуан. При этом «короля», который был британской марионеткой, нагло обманули, заключив с ним договор через третьих лиц, так что он и не подозревал, что продает землю американцам.

Правительство Никарагуа в марте 1854 года униженно умоляло США вспомнить о «горячей дружбе» между двумя странами и пресечь деятельность Киннея. Просили никарагуанцы встать на их сторону и своих центральноамериканских соседей. Откликнулась Коста-Рика, которая сама претендовала на устье реки Сан-Хуан. В декабре 1854 года костариканский посланник в Вашингтоне вручил госсекретарю ноту протеста. В ней говорилось, что Коста-Рика не признает никаких индейских королевств и считает любые заключенные ими договоры ничтожными. Костариканцы грозили выгнать любых колонистов силой оружия.

Госсекретарь сообщил, что правительство США не несет ответственности за деятельность частных предприятий.

В этих условиях никарагуанцы решили разыграть карту Лондона против Вашингтона и предложили Великобритании заключить двусторонний договор, по которому принадлежность Берега Москитов пока оставалась неопределенной (Никарагуа надеялась, что тамошние индейцы все равно добровольно присоединятся к республике), а Сан-Хуан-дель-Норте (или Грейтаун, по версии англичан) превращался в свободный порт, открытый для торговли всех стран. Однако Лондон отказался подписывать с Никарагуа какой бы то ни было документ, не упоминавший о Москитии. Правда, встревоженные активностью Киннея англичане побудили свою марионетку «короля» Москитии расторгнуть договор с «Компанией колонизации Центральной Америки».

Сам Кинней получил от правительства США предупреждение, что в случае его конфликта с Великобританией или Никарагуа компания не может рассчитывать на помощь официального Вашингтона. Кинней откровенно лгал, когда утверждал, что на территорию его

⁵¹ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 23.

⁵² *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 90.

компании придут только мирные колонисты. На самом деле он обещал каждому колонисту 640 акров земли в обмен на обязательство военной службы в течение 12 месяцев. В январе 1855 года Кинней писал одному из будущих колонистов: «Я не думаю, что придется сражаться с оружием в руках, но мы полагаем, что организация такой колонии в этой части мира через несколько лет приведет к контролю над всей Центральной Америкой со стороны американского народа»⁵³. Своему другу Кинней говорил, что ему нужна всего пара сотен американцев, предпочтительно техасцев, чтобы захватить всю Никарагуа⁵⁴.

Упомянутое выше письмо попало в газеты, что вызвало протест никарагуанского правительства. Властям США пришлось начать официальное расследование деятельности Киннея, который обвинялся в подготовке вооруженного нападения на Никарагуа. Тем самым он нарушал закон США о нейтралитете, так как Соединенные Штаты не находились в состоянии войны с Никарагуа. В апреле 1855 года дело было передано в суд, полностью оправдавший бывшего полковника. Однако под давлением никарагуанцев правительство США обязалось силой воспрепятствовать отплытию группы Киннея в сторону Никарагуа. Тем не менее полковник обманул бдительность американских ВМС и сбежал на Ямайку.

Следует подчеркнуть, что мысли Киннея относительно неполноценности всех латиноамериканцев и необходимости для США колонизовать Центральную Америку высшей белой расой разделял весь политический истеблишмент тогдашних США, особенно на рабовладельческом юге страны. Законы США запрещали распространение рабства на северные штаты страны, поэтому плантаторы-южане были ярыми пропагандистами аннексии Кубы и Центральной Америки. Но если Куба находилась под властью европейской державы – Испании, то слабые центральноамериканские страны были, по мнению Вашингтона, легкой добычей.

Посланник США в Никарагуа Джон Хилл Уилер записал в своем дневнике: «Страна должна быть под американским влиянием». Другой американец, Николас Кэрролл, проехавший через Никарагуа в 1855 году, писал в газете «Сакраменто Дейли Юнион», что ему не понравилось в этой благодатной стране только одно: «...неполноценная раса, населяющая ее, которая разорила этот рай. Но теперь грядет другая эпоха – свежие, молодые и энергичные люди той расы, которая везде оставила свой след, и везде этот след хороший»⁵⁵. Через девять дней после написания этого письма «энергичный и свежий» 35-летний Кэрролл умер в Никарагуа от холеры.

Газета «Нью-Йорк Таймс» полностью встала на сторону полковника Киннея с его благородной цивилизаторской миссией: «Центральной Америке предназначено занять влиятельное место среди семьи наций мира, если ее преимущества местоположения, климата и почвы будут облагорожены нордической расой, которая заменит темнокожую, нечистокровную и находящуюся в упадке расу, которая сейчас является для этой земли проклятием»⁵⁶. Газета желала успехов «полковнику Киннею и его друзьям». Как видно, взгляды Адольфа Гитлера появились отнюдь не на пустом месте.

Мнение газет и всякого рода «путешественников» разделял и президент США Пирс, хотя высказывался он, конечно, более обтекаемо: «Сложно предложить любой другой объект

⁵³ *Williams W. M. Anglo-American Isthmian diplomacy, 1815-1915.* См.: <http://www.ebooksread.com/authors-eng/mary-wilhelmine-williams/anglo-american-isthmian-diplomacy-1815-1915-hci/page-15-anglo-american-isthmian-diplomacy-1815-1915-hci.shtml>.

⁵⁴ *Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858.* President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186.

⁵⁵ *Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858.* President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186.

⁵⁶ *Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858.* President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186–187.

для интереса внутреннего и внешнего, более важный для Соединенных Штатов, чем транспортное сообщение и коммуникация между восточным и западным побережьем (США)»⁵⁷.

Неудивительно, что американские посланники в Никарагуа в начале 50-х годов стали сообщать в Вашингтон о враждебности к США никарагуанского правительства и большинства населения.

Но на руку американцам играла сохранявшаяся политическая нестабильность в Никарагуа, где либералы (их называли еще демократами, или Народной партией) и консерваторы (легитимисты) продолжали соперничать друг с другом. Чтобы покончить со старинной враждой между либеральным Леоном и консервативной Гранадой, верховный директор, консерватор Хосе Пинеда в 1852 году перенес столицу из Леона в Манагуа⁵⁸. Однако народное восстание под руководством либералов вернуло столицу на прежнее место. Пинеда подавил восстание с помощью войск из Гондураса.

В 1853 году консерватор Фруто Чаморро, лидер гранадской олигархии, был избран верховным директором. Либеральная партия не признала результатов голосования ввиду многочисленных подлогов и фальсификаций. В ответ Чаморро попросту выслал лидеров либералов, в том числе и своего соперника на выборах Франсиско Кастельона, из страны.

22 января 1854 года Чаморро опять предложил изменить конституцию 1838 года и расширить полномочия верховного директора, которого предлагалось переименовать в президента, а государство Никарагуа – в Республику Никарагуа. Срок полномочий главы государства продлевался с двух до четырех лет. Но главное – президент получал право ликвидировать гражданские свободы в случае угрозы внутренней безопасности государства. К тому же по новой конституции увеличивался имущественный ценз для избирателей, что лишало права голоса тысячи никарагуанцев⁵⁹. Наконец, в новом проекте конституции уже не содержалось положения о защите общинного землевладения.

Либералы, в общем справедливо, расценили эти новации как попытку установления постоянной диктатуры консерваторов. Возражали либералы и против переименования страны. В их рядах было много последователей Морасана, мечтавших о восстановлении сильной и единой центральноамериканской федерации. Эта идея казалась тем более актуальной на фоне предсказанного Морасаном роста экспансионизма США в Латинской Америке. Переименование же Никарагуа в республику означало окончательное закрепление независимости и отказ от всех планов по восстановлению центральноамериканского единства. Причем именно так изменение названия страны и обосновал Чаморро.

28 февраля 1854 года парламент Никарагуа санкционировал изменение названия главы государства. 30 апреля Чаморро подписал закон о введении новой конституции в силу. Либералы ответили на это призывом к общенародному восстанию против правительства.

5 мая группа либералов во главе с ветераном гражданской войны 1845-1849 годов генералом Максимо Хересом высадилась в порту Реалехо. В этот же день северную границу страны перешел со своим отрядом Франсиско Кастельон, объявивший себя законным президентом страны. Никто не ожидал, что новая война затмит по ожесточенности все предыдущие сражения и что сама независимость Никарагуа окажется в смертельной опасности.

Солдаты армии либералов имели в качестве знака отличия красные ленты, консерваторы – белые.

К началу войны в Никарагуа, по данным бывшего посланника США Сквайера, жили примерно 300 тысяч человек, 30 тысяч из которых были белыми, 18 тысяч – неграми, 96

⁵⁷ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 187.

⁵⁸ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 23.

⁵⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 190.

тысяч – индейцами и 156 тысяч – метисами⁶⁰. В самом большом городе страны Леоне насчитывалось 35 тысяч жителей, в Гранаде – 15 тысяч, в Ривасе – 4 тысячи.

Максимо Херес выпустил манифест, в котором объявлял президента Чаморро низложенным, а новую конституцию отмененной.

Участие иностранцев в никарагуанских гражданских войнах было делом обычным, причем, как правило, интервенты поддерживали консерваторов. Вот и теперь Чаморро призывал на помощь гватемальские войска уже упоминавшегося выше диктатора Карреры. Но на сей раз прибегнуть к внешнему содействию решили и либералы.

В декабре 1854 года Кастельон подписал соглашение с американским журналистом Байроном Коулом, которого финансировали два агента компании Вандербильта. Коул обязался предоставить в распоряжение либералов 200 вооруженных американцев, которым после победы либералов гарантировались земельные участки в северных департаментах Сеговия и Матагальпа. Эти департаменты были малонаселенны и покрыты труднопроходимыми лесами, и Кастельон рассчитывал, помимо всего прочего, на то, что американцы примут участие в их освоении⁶¹.

Американские наемники должны были прибыть в Никарагуа через 40 дней после подписания соглашения. Либералы гарантировали для каждого американца ежедневное питание, включая мясо. С юридической точки зрения американцы должны были рассматриваться как никарагуанские граждане и подчиняться всем законам страны.

Коул обратился к уже известному тогда своими «подвигами» американскому флибустьеру Уильяму Уокеру.

Уокер был южанином не только по рождению, но и по убеждению. Он родился 8 мая 1824 года в Нэшвилле (штат Теннесси) в семье банкира. Уокер был человеком явно талантливым и уже в 14 лет с отличием окончил университет Нэшвилла. Потом в течение двух лет он обучался медицине в лучших университетах Европы – Эдинбурге (его дед был шотландцем), Геттингене, Гейдельберге и Париже. Во время пребывания юноши в Европе Старый Свет захлестнула волна революций 1848 года, которые побудили Уокера заинтересоваться политикой. Он читал Гарибальди, Мадзини, Маркса и Луи Блана. Именно с тех пор Уокер стал восхищаться смелыми одиночками вроде Гарибальди, которые с небольшой группой соратников могли изменить судьбы целых народов.

В 19 лет Уокер получил диплом врача, но, видимо, участь чеховского Ионыча его не привлекала, и он отправился в Новый Орлеан учиться праву. Там же он подвизался на журналистском поприще вместе с Уолтом Уитменом. Так же как и многие другие, не нашедшие себя в этой жизни американцы, Уокер в 1849 году перебрался в Калифорнию. Золота там он не добыл, зато поучаствовал в трех дуэлях, в двух из которых его ранили.

В Калифорнии Уокер решил повторить подвиг Гарибальди и завоевать приграничные с США мексиканские штаты Нижняя Калифорния и Сонора. Там он хотел создать свое государство и заселить его американскими колонистами. Потом по образцу Техаса 1836 года новую республику, причем обязательно рабовладельческую, можно было присоединить к США.

Сама идея казалась привлекательной – только что Мексика проиграла войну в США, и в ней, как и в Никарагуа, воевали между собой либералы и консерваторы.

В 1853 году президент США Пирс⁶² потребовал у Мексики уступки еще одной порции территории, по которой должна была проходить трансконтинентальная железная дорога

⁶⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 37.

⁶¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 97–98.

⁶² Пирс имел к Латинской Америке непосредственное отношение. Он пошел добровольцем на войну против Мексики в 1846 году и получил чин бригадного генерала. Будущий президент участвовал в штурме Мехико, где его свалила дизентерия. Был избран президентом в 1852 году от Демократической партии, выступавшей тогда за сохранение и распростра-

между западным и восточным побережьем Соединенных Штатов. Под угрозой войны мексиканцам пришлось продать за 10 миллионов долларов 45 тысяч квадратных миль.

Уокер решил не отставать от своего президента и приехал в Мексику, чтобы попросить у ее правительства разрешения на заселение северных штатов страны американскими колонистами, якобы для предотвращения набегов индейцев на южные штаты США. Получив отказ, Уокер вернулся в Калифорнию и решил захватить Нижнюю Калифорнию и Сонору силой.

15 октября 1853 года он с 45 добровольцами высадился в Нижней Калифорнии и захватил столицу штата Ла-Пас. Там Уокер провозгласил создание независимой Республики Нижняя Калифорния, а себе присвоил титул президента. В новой «республике» были введены законы штата Луизиана, включая рабовладение. Получив подкрепление из числа незадачливых золотоискателей и авантюристов, Уокер пытался завладеть и Сонорой, что ему не удалось.

Мексиканское правительство перебросило из Акапулько части федеральной армии с артиллерией. С февраля 1854 года флибустьерам пришлось вести тяжелые оборонительные бои против регулярной армии и мексиканского ополчения.

8 мая вместе с 33 уцелевшими спутниками Уокер бежал на территорию США. Его отдали под суд, но, естественно, оправдали. Зато Уокер добился, наконец, того, о чем мечтал всю жизнь, – всеамериканской славы. О нем восторженно писали газеты и даже ставились театральные пьесы.

Именно к этому человеку и обратился от имени никарагуанских либералов Коул в декабре 1854 года.

3 мая 1855 года Уокер с 58 флибустьерами отплыл из Сан-Франциско в Никарагуа. Свое воинство он гордо именовал «Американской фалангой» (явно сравнивая себя с Александром Македонским) или «Бессмертными» (так называлась гвардия противника греков и македонцев персидского царя Дария). 13 июня 1855 года (по другим данным – 10 июня) уокеровцы высадились в тихоокеанском порту Реалехо, где выпили все запасы спиртного. Их, естественно, потянуло на женский пол, и еще долго в Реалехо рождались светловолосые дети.

Правительство либералов пожаловало Уокеру участок в 52 тысячи акров.

Газета «Нью-Йорк Геральд» писала: «Благодаря полковнику Уокеру⁶³ мы скоро отделаемся от многих бесполезных бездельников. Вот уже два года как на углах главных улиц Нью-Йорка и около общественных зданий собираются толпы бродяг и лоботрясов, приехавших из разных концов страны. Эта порочная толпа состоит из директоров лопнувших банков, отставных генералов и разложившихся попов. На их лицах застыл ужас, который им внушает честный труд. Эти люди без благородных намерений, без энергии, без профессии... обивают углы, как голодные волки, в надежде, что вспыхнет мятеж или пожар, чтобы дать волю своим грабительским инстинктам»⁶⁴.

Конечно, Уокера меньше всего интересовала победа никарагуанских либералов. Один из его спутников говорил, что миссией отряда является спасение никарагуанцев от тирании дикости и невежества. Уокер хотел завладеть не только Никарагуа, но и всей Центральной Америкой. Неслучайно его девизом была фраза «Все пять или ни одной!» (имелись в виду пять центральноамериканских республик).

Первым делом Уокер решил захватить тихоокеанский порт Сан-Хуан-дель-Сур, чтобы поставить под контроль компанию Вандербильта и заставить миллионера поделить дохо-

нение рабства. Став президентом, предложил Испании продать Кубу США за 120 миллионов долларов.

⁶³ Чин полковника никарагуанской армии Уокеру 20 июня 1855 года присвоили либералы.

⁶⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 99.

дами. Под своим началом новоиспеченный полковник собрал около 100 американцев и 170 никарагуанцев. По пути Уокер с согласия Кастельона решил захватить Ривас. Однако консерваторов предупредили (возможно, британский консул в столице либералов – Леоне), и они неплохо подготовились к отражению атаки, соорудив баррикады. 29 июня 1855 года отряд «бессмертных» Уокера численностью чуть более 300 бойцов пошел на штурм Риваса (у консерваторов имелось примерно 500 бойцов), но был отбит.

Обе стороны понесли значительные потери. Были убиты шестеро американцев, двенадцать – ранено. Пятерых раненых пришлось оставить в Ривасе, где их казнили. Таким образом, сражение стоило Уокеру одной пятой его отряда. Консерваторы потеряли примерно 70 человек убитыми и столько же ранеными⁶⁵.

Следует отметить, что в Ривасе против американцев одинаково героически сражались и местные консерваторы, и либералы. Никарагуанцы из армии либералов, пришедшие вместе с Уокером в Ривас, фактически отказались сражаться и предоставили флибустьеров их собственной судьбе. К тому же на помощь консерваторам из Сан-Хуан-дель-Сур пробились 80 бойцов полковника Аргуэльо, которые отрезали никарагуанских либералов от американцев.

Уокеру пришлось отступить в Сан-Хуан-дель-Сур, но там не оказалось его брига «Веста», и флибустьеры конфисковали костариканскую шхуну, чтобы покинуть порт. В это время два пьяных американца подожгли бараки никарагуанской армии, и Уокер приказал их расстрелять. Одновременно Уокер приятно поразил местных жителей, приказав ухаживать за ранеными солдатами противника.

Уокер подозревал, что консерваторов в Ривасе предупредил командующий либеральной армией Муньос, который не скрывал своей ненависти к наемникам-гринго. 2 июля 1855 года Муньос писал президенту Сальвадора Сан Мартину, что не смирится с американским присутствием в Никарагуа⁶⁶. Но 18 августа 1855 года Муньос неожиданно погиб в бою, причем ходили слухи о покушении. Уокер выдвинулся на лидирующие позиции в командовании либеральной армии, и к нему присоединился даже соратник народного героя Бернабе Сомосы Хосе Мария Валье.

На стороне либералов воевал и прусский офицер Бруно фон Нацмер, давно живший в Никарагуа.

Пока Уокер приходил в себя после поражения под Ривасом, армия консерваторов в количестве не менее 1000 человек под командованием генерала Корралья вышла из Гранады в направлении столицы либералов Леона. Вскоре Корраль достиг Манагуа. До Леона ему оставалось всего два дневных перехода. Казалось, что война уже проиграна, но неожиданно среди солдат Корралья вспыхнула холера, и им пришлось отойти назад к Гранаде.

Но Уокер и не собирался спешить на помощь либералам в Леоне. Главным для него было установить прочный контроль над транзитным трансокеанским маршрутом на юге Никарагуа, ибо только так он мог получать пополнение людьми и боеприпасами из США.

Уокер привык к поражениям, и, пополнив свою армию новыми американскими флибустьерами, он неожиданным для консерваторов маневром с моря занял 29 августа город Сан-Хуан-дель-Сур. На сей раз никарагуанцы под командованием бывшего соратника Сомосы Валье (примерно 170 человек) дезертировать не собирались и рвались в бой.

Далее Уокер двинулся на городок Ла-Вирхен, где нанес консерваторам первое поражение. На сей раз он сам поджидал противника в городке на заранее подготовленных оборонительных позициях. Была рассеяна армия в 600 человек (из них 60 погибли), причем Уокер

⁶⁵ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 42.

⁶⁶ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 197.

не потерял ни одного американца убитым, хотя сам был дважды ранен. Также получили ранения три или четыре его сторонника. Среди либералов-никарагуанцев были убиты два и ранены три человека. «Фаланга» захватила 150 ружей. Эта победа подняла военную репутацию Уокера, тем более что он сам вел своих людей в бой и приказал не добивать раненых и пленных, что было для Никарагуа того времени обычным делом.

Тем временем скончался Кастельон и новым временным главой либерального правительства стал Насарио Эското.

После горьких уроков Риваса Уокер решил больше не принимать в свой отряд мобилизованных никарагуанцев, опираясь только на добровольцев. Но таковых было мало, за исключением отряда Валье. К концу сентября у Уокера имелось около 60 американцев, но 3 октября прибыл новый свежий отряд из Калифорнии в количестве 35 человек.

Уокер и далее продолжил воевать скорее маневром, чем прямыми боестолкновениями. Он захватил обычный рейсовый пароход компании Вандербильта и 13 октября 1855 года ударом с озера Никарагуа занял столицу консерваторов Гранаду, в то время как основная армия противника продолжала ждать его в Ривасе. В плен к Уокеру попали почти все правительство и члены семей многих министров. Уокер потребовал немедленной капитуляции армии консерваторов, угрожая расстрелом пленных. Его послание Корралю вызвался передать посланник США в Гранаде Уилер.

После захвата Гранады Уокер в присущем ему цветистом стиле обратился с манифестом к никарагуанскому народу: «Я заинтересован в сохранении интересов государства, в защите интересов рабочих, безопасности граждан, развитии искусства, науки, сельского хозяйства и т. п. и в поддержании порядка... Я продолжу захват других городов страны и предам смерти каждого, кто осмелится оказать сопротивление имперскому маршу моих войск...»⁶⁷ Уокер чувствовал себя теперь увереннее, тем более что к нему прибыли еще 60 американцев из Калифорнии.

Консерваторы решили сорвать зло на компании Вандербильта, так как ошибочно полагали, что Уокер является ее ставленником. Отряд консерваторов вошел в порт Ла-Вирхен и расстрелял трех американцев, служащих компании Вандербильта. В ответ Уокер с неслышанной для того времени жестокостью приказал казнить 22 октября 1855 года попавшего в его руки министра иностранных дел консервативного правительства Матео Майоргу.

Консерваторы, как и все общественное мнение Никарагуа, были так потрясены этим, что предпочли сложить оружие. Либералы предложили Уокеру стать президентом Никарагуа, но тот отказался, зато предложил кандидатуру лидера консерваторов Корраля (предварительно согласованную с американским посланником Уилером). Но Корраль тоже отказался от сомнительной чести.

23 октября 1855 года «миротворец» Уокер продиктовал обеим воюющим сторонам «мирный договор», который вместе с Корралем торжественно поклялся соблюдать, преклонив колени.

Формально новое единое правительство Никарагуа должно было стать непартийным. Пост президента занял известный либерал Патрисио Ривас, а главнокомандующий армией консерваторов Корраль стал военным министром. Обе стороны сокращали свои вооруженные силы до 150 человек. Командующим армией стал сам Уокер. Вместо привычных красных и белых лент противоборствующих сторон солдаты единой армии должны были носить голубые ленты цвета национального флага. Всего в армии насчитывалось примерно 600 человек, включая американцев.

Четыре других министра формально представляли не партии, а департаменты страны.

⁶⁷ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 207.

Пятым министром стал соратник Уокера Паркер Френч, которому доверили финансы. Это было все равно, что назначить известных гангстеров Бонни и Клайда директорами банков. Френча разыскивали в штатах Миссури и Техасе за финансовое мошенничество, в Мексике он был замешан в грабежах. Были у него нелады с законом и в Калифорнии⁶⁸.

Корраль понимал, что пройдет немного времени – и Уокер формально захватит и так фактически принадлежащую ему власть в стране. Он тайно обратился за помощью к президенту Гондураса Гуардиоле. Но письмо было перехвачено агентами Уокера, и старого генерала 8 ноября 1855 года расстреляли по приговору «суда». Даже этот «суд», составленный из наемников Уокера, рекомендовал помиловать генерала, но тщетно. Дочери генерала упали перед Уокером на колени, но и это не изменило участи Корраля.

К Уокеру все время прибывало пополнение из США, и вскоре его «фаланга» превосходила по численности сильно урезанную мирным договором регулярную армию. К ноябрю 1855 года у Уокера было уже 600 бойцов – солидная сила по центральноамериканским меркам.

Уокер быстро испортил отношения с пригласившими его либералами. Он отказался помочь вернуться к власти экс-президенту Гондураса Тринидаду Кабаньясу, который сам ранее помогал никарагуанским либералам. Уокер и не подозревал, что этот шаг будет стоить ему жизни. Подал в отставку с поста министра иностранных дел соратник Морасана, ветеран либеральной партии Максимо Херес.

Председатель консервативной партии Хосе Мария Эстрада призвал продолжить вооруженную борьбу против флибустьеров. Он призвал помочь Никарагуа все остальные центральноамериканские страны.

Между тем Уокер приступил к реализации своих планов по превращению Никарагуа в американскую колонию. 23 ноября 1855 года был издан декрет, который гарантировал всем поселенцам-иммигрантам по 250 акров земли, а семейным – по 350 акров. Уокер открыто говорил, что заставит всех индейцев и метисов покинуть Никарагуа, а их место займут представители высшей белой расы. На белых колонистов, естественно, должны были работать негры-рабы. Уже через три месяца после принятия декрета в стране насчитывалось 1200 американцев. Около 400 человек из них вовсе не собирались заниматься сельским хозяйством и пополнили ряды армии Уокера. Теперь иностранцев в никарагуанской армии было 1300 человек⁶⁹. С такими силами можно уже было затевать агрессию против соседних государств.

Особенно сильно волновалась самая слабая центральноамериканская страна – Коста-Рика. Ее правительство устами посланника в Вашингтоне Луиса Молины официально обратилось с просьбой к Англии, Франции и Испании прислать военные корабли в устье реки Сан-Хуан, чтобы предотвратить возможную высадку флибустьеров на костариканской территории. 10 ноября 1855 года Молина писал своим европейским коллегам: «Вне всяких сомнений, североамериканцы одержимы ненасытной жаждой к захватам и обогащению. Эта страсть постоянно побуждает их к экспансии, и, кажется, всякие представления о справедливости и несправедливости у них либо совсем исчезли, либо искажены до неузнаваемости»⁷⁰. Однако Англия и Франция вели тяжелую Крымскую войну против России, и им было не до Коста-Рики.

Тогда костариканцы решили разделаться с флибустьерами Уокера своими силами, надеясь все же на поддержку других центральноамериканских государств. 20 ноября прези-

⁶⁸ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 198.

⁶⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 104.

⁷⁰ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 42.

дент Коста-Рики Хуан Рафаэль Мора обратился к народу с воззванием, в котором охарактеризовал «бессмертных» Уокера как «банду авантюристов» и «подонков человечества». Мора заявил, что Уокер готовит вторжение в Коста-Рику и необходимо упредить его и дать бой на никарагуанской территории.

Следует отметить, что в то время в Коста-Рике проживали всего около 100 тысяч человек, а бюджет страны не превышал 260 тысяч песо. Поэтому Мора решил создать союз всех центральноамериканских стран против флибустьеров. Он начал переговоры с соседями Никарагуа, и Гватемала сразу пообещала вступить в войну против Уокера вместе с Коста-Рикой. Гондурас и Сальвадор заявили, что если Коста-Рика и Гватемала начнут войну, то они к ним присоединятся.

Посланник США в Никарагуа Уилер был южанином и горячим сторонником идей Уокера. Он систематически дезинформировал госдепартамент, сообщая, что при помощи Уокера в Никарагуа наконец-то воцарился внутренний мир. Через два дня после расстрела Корраля Уилер без согласования с Вашингтоном признал составленное Уокером правительство. Госдепартаменту пришлось срочно дезавуировать своего представителя. Интересно, что поддержала Уокера и католическая церковь, щедро ссужая его деньгами. Один из самых лучших ораторов Гранады падре Аугустин Вихиль назвал Уокера «ангелом-хранителем» Никарагуа и «Северной звездой». В благодарность за это Уокер назначил Вихиля посланником в Вашингтоне.

Уокер основал собственную газету «Никарагуанец», выходившую каждую субботу. Там он тешил свои журналистские амбиции, прославляя себя в третьем лице и скромно величая «светлоглазым человеком Провидения».

Был у Уокера и еще более мощный покровитель – Вандербильт. Именно его компания предоставила Уокеру пароход, на котором была захвачена Гранада. Добровольцев Уокеру из Сан-Франциско Вандербильт перевозил бесплатно. В 1855 году Вандербильт отбыл в Европу. За время его отсутствия служащие компании Гаррисон и Морган прибрали акции компании к своим рукам и нанесли ее владельцу большой финансовый ущерб. Вернувшийся Вандербильт был взбешен и стал угрожать своим бывшим компаньонам полным разорением. В ответ те в декабре 1855-го обратились к Уокеру и предложили, чтобы тот передал им компанию Вандербильта. Предлогом послужило то, что Вандербильт не платил никарагуанскому правительству согласованной в договоре суммы.

18 февраля 1856 года Уокер представил на подпись Ривасу декрет, отзывающий лицензию у компании Вандербильта на том основании, что она задолжала правительству 412489 долларов⁷¹. Имущество компании переходило правительству Никарагуа как залог впредь до уплаты долга. Таким образом, деятельность Вандербильта парализовалась и его место должна была занять новая компания во главе с Морганом и Гаррисоном. Вандербильт был потрясен черной неблагодарностью человека, которому он так помог. Миллионер немедленно прекратил рейсы пароходов в Никарагуа, переключив весь транспортный поток на Панаму. Через шесть недель блокады Уокер почувствовал недостаток в снабжении своих войск.

Морган смог подготовить свой первый пароход к рейсу из Нью-Йорка только 8 апреля 1856 года. Но Вандербильт не успокоился и направил своего агента в Гранаду с указанием всячески способствовать разладу между Уокером и никарагуанским правительством. Тогда Уокер передал все имущество Вандербильта в Никарагуа его конкурентам – Гаррисону и Моргану.

⁷¹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 201.

Между тем уже упоминавшийся выше полковник Кинней перебрался с Ямайки в Сан-Хуан-дель-Норте и провозгласил себя «губернатором» восточного побережья Никарагуа. Однако его люди дезертировали к более удачливому Уокеру. Кинней послал к лидеру «фаланги» эмиссаров с предложением объединить силы. Не страдавший отсутствием самоуверенности Уокер попросил передать «губернатору, полковнику или как он там себя еще называет» Киннею, что если тот попадет ему в руки, то будет немедленно повешен. Посланцы полковника не замедлили присоединиться к «фаланге».

14 февраля 1856 года Киннея выслали из страны по требованию главнокомандующего никарагуанской армией полковника Уокера. Позднее он был убит во время борьбы за пост губернатора Техаса.

Зато угрозу костариканцев уже битый в Мексике Уокер воспринял более чем серьезно. 12 февраля 1856-го он отправил в Коста-Рику мирную делегацию, в задачу которой входило убедить Мору в исключительно благородных намерениях флибустьеров. Но Мора прекрасно понимал, с кем имеет дело, и уже 26 февраля получил у парламента чрезвычайные полномочия на случай войны. Был выпущен чрезвычайный заем на 100 тысяч песо, причем те костариканцы, чей ежегодный доход превышал 100 песо, а также те, кто имел собственный дом, должны были подписаться на этот заем в обязательном порядке⁷².

1 марта Коста-Рика объявила Никарагуа войну, а уже 4 марта костариканская армия численностью 2500 человек перешла границу и двинулась в направлении Риваса. В своем воззвании Мора сказал: «Соотечественники! К оружию! Пришло время, о котором я говорил вам. Мы отправляемся в Никарагуа, чтобы покончить с бесчестным сбродом, который обрек эту страну на мучительное рабство. Мы выступаем, чтобы воевать за свободу наших братьев...»⁷³

Президент Коста-Рики поднял черный флаг – по обычаям того времени, это означало, что пленных брать не будут. Правда, костариканцы обещали жизнь любому флибустьеру, который перейдет на их сторону с оружием в руках.

Костариканская армия фактически представляла из себя необученное ополчение вчерашних мирных граждан. Еще хуже дело обстояло с вооружением. У костариканцев были только кремневые ружья, на перезарядку которых уходило много столь ценного в бою времени. Напротив, у американцев были современные винтовки, и частота их огневых залпов в разы превышала огневую мощь противника. В этих условиях костариканцы могли надеяться в наступлении только на штыковую атаку.

Уокер мог реально положиться только на 600 своих флибустьеров, но его «армия» еще и таяла с каждым днем от эпидемии холеры. 9 марта прибыли еще 250 добровольцев. Многие никарагуанские либералы восприняли действия костариканской армии как агрессию и выразили желание сражаться с интервентами. В ответ на это Уокер перенес столицу страны в либеральный Леон, снова сделал красный флаг либералов национальным стягом армии Никарагуа и 11 марта 1856 года объявил войну консерваторам.

Уокер решил ответить Коста-Рике собственным вторжением и направил к границе батальон, составленный из американцев (две роты), немцев (рота), испанцев и французов (примерно 300 бойцов). Дисциплиной эти четыре роты не отличались и продвигались вперед без всякой разведки. Командовал батальоном «полковник» Луи Шлезингер, которого ранее Коста-Рика отвергла как дипломатического представителя Уокера. Он желал расквитаться с неблагодарными костариканцами как можно быстрее. У местечка Санта-Росас на костариканской территории батальон попал в засаду, устроенную примерно тремя тысячами костариканцев. Бой длился пять минут, после чего напуганный молодецкой штыковой ата-

⁷² Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 45.

⁷³ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 45.

кой костариканцев батальон позорно бежал. Костариканцы расстреляли два десятка пленных. Шлезингер удрал с поля боя и был предан Уокером военному суду.

Расстрел пленных вызвал яростный демарш американского посланника в Никарагуа Уилера, который грозил президенту Коста-Рики Море «решительными мерами» США по защите жизни своих граждан.

Между тем армия Коста-Рики перешла границу и перерезала транзитный межокеанский маршрут. 8 апреля 1856 года три сотни костариканцев во главе с майором Максимо Бланко заняли город Сан-Хуан-дель-Сур. Таким образом, жизненно важная для Уокера артерия снабжения оказалась под контролем противника, и отбить ее стало вопросом жизни и смерти. Хотя Морган и Гаррисон пока еще не смогли наладить пароходное сообщение вместо Вандербильта, но обещали сделать это на днях.

30 марта 1856-го Уокер сконцентрировал всю свою армию в Ривасе.

Глава флибустьеров решил использовать свой излюбленный маневр. Он посадил свой отряд из Риваса на пароход и 5 апреля отплыл прочь в Гранаду, надеясь, что костариканцы воспримут это как попытку вторжения на свою территорию и отведут войска из Никарагуа. После блокады Вандербильта охранять транзитный путь было бессмысленно, а с севера угрожали вторжением гватемальцы.

Но костариканцы подумали, что Уокер вообще решил покинуть Никарагуа, и удвоили усилия. Мора не испугался, и костариканцы заняли Ривас. Причем «бедному» Вандербильту досталось и от них – солдаты Моры сожгли верфи транзитной компании.

Уокеру ничего не оставалось, как отбить Ривас обратно и преградить дорогу врагу у столь несчастливому для него города. Он ускоренным маршем двинул к Ривасу 600 своих американцев и 11 апреля неожиданно напал на спящую костариканскую армию (по данным самого Уокера – примерно 3 тысячи человек, но, по всей вероятности, эта цифра преувеличена). Однако это оказались лишь передовые заслоны. Когда части Уокера ворвались в Ривас, костариканцы уже проснулись и с крыш начали метким огнем отстреливать флибустьеров. Потом они подожгли дома вокруг позиций американцев, и положение уокеровцев стало отчаянным. Бой продолжался около 20 часов.

Национальным героем Коста-Рики и по сей день считается 25-летний солдат-барабанщик Хуан Санта-Мария, который был послан в разведку и погиб, успев поджечь один из укрепленных домов флибустьеров.

Только ночью, потеряв 120 человек (58 убитыми и 62 ранеными) и бросив часть раненых, которых добились костариканцы, части Уокера смогли вырваться из пылающего Риваса.

Советники Моры настаивали на немедленном преследовании, чтобы покончить с Уокером. Но президент решил, что армии надо отдохнуть и с честью похоронить павших, тем более что остальные центральноамериканские страны все еще медлили с реальным началом боевых действий.

Костариканцы потеряли в бою около 600 человек (200 убитыми и 400 ранеными). Мора запретил солдатам писать письма домой, чтобы не волновать мирное население рассказами о реальном положении дел. К тому же неожиданно на помощь Уокеру пришла чума, начавшая косить ряды костариканской армии (первый солдат заболел 20 апреля). Море пришлось отдать приказ об отступлении на свою территорию. Жертвами чумы в мае – июне 1856 года стали примерно 12 тысяч человек – в основном мирных жителей⁷⁴. Погиб каждый десятый костариканец. Против Моры даже возник заговор, но его удалось предотвратить.

Костариканский президент удвоил усилия по привлечению союзников к борьбе против Уокера. Он писал своим посланникам в Гватемале и Сальвадоре: «В Соединенных Штатах уже продаются акции на владение территорией Центральной Америки, которую Уокер

⁷⁴ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 107.

намерен захватить. Во всяком случае, они смогут покорить земли Коста-Рики, лишь когда умрет последний из ее жителей»⁷⁵.

Уокер расценил чуму как «помощь Провидения». Между тем в Леоне зрел заговор против самого Уокера, а костариканцы активно пытались купить оружие в Англии для продолжения войны.

5 мая 1856 года границу Никарагуа перешли гватемальские войска. Армия Гватемалы мирного времени являлась самой крупной в Центральной Америке и насчитывала примерно 1550 человек, а при мобилизации ее легко можно было развернуть в 10-тысячный контингент.

Однако Уокер не волновался: 15 мая его режим фактически признали США. В послании конгрессу США президент Пирс писал: «Поскольку республика Никарагуа в политическом смысле слаба и ее население истощено вследствие длительной гражданской войны между партиями, ни одна из которых не была достаточно сильной для одержания победы или поддержания постоянного внутреннего порядка, одна из борющихся партий республики обратилась за помощью и содействием к небольшой группе граждан Соединенных Штатов в штате Калифорния, появление которой, кажется, положило конец гражданской войне и одновременно восстановило порядок на всей территории Никарагуа... Неизменной политикой Соединенных Штатов было признание всех правительств, не вдаваясь в их происхождение или организацию, а также в средства, с помощью которых правители добиваются власти, если только эти правительства – фактические правительства. Для нас безразлично, содействовала ли победоносной революции иностранная интервенция или нет...»⁷⁶

В тот же день Пирс принял посланника Уокера. Однако костариканский посланник в Вашингтоне организовал мощный бойкот Вихиля, и тому пришлось самому снять с себя все полномочия и покинуть США.

В апреле 1856 года к Уокеру прибыли 220 новых добровольцев из США, что с лихвой возместило потери в Ривасе. Но с севера над Уокером сгустились тучи. Гватемальский диктатор Каррера решил вмешаться в никарагуанскую войну на стороне консерваторов.

4 июня 1856 года Уокер торжественно вернулся в Леон, где многие приветствовали его как избавителя от костариканских агрессоров. Между тем в стране происходили выборы президента, но Уокер решил, что теперь он и сам как «спаситель отечества» может занять этот пост. Поэтому он попросту отрешил временного президента Риваса от должности, и тот вместе с правительством бежал на север страны.

25 июня сам Ривас отрешил главнокомандующего никарагуанской армией Уокера от должности и объявил его изменником и узурпатором. Уокер, тем не менее, вступил в избирательную кампанию (финальный тур президентских выборов был назначен на 29 июня). Избирательные участки открылись только в контролируемых флибустьерами Гранаде, Ривасе и Масайе. Естественно, все солдаты Уокера стали никарагуанскими гражданами.

«Выборы», как и ожидалось, принесли победу Уокеру, который набрал 15 835 голосов из 23 236⁷⁷. 12 июля состоялась инаугурация, но новый президент не владел государственным испанским языком и произнес текст присяги по-английски. Интересно, что Уокер распорядился дополнить сине-бело-синий флаг Никарагуа красной пятиконечной звездой.

В конце июня – начале июля 1856 года к «президенту» Уокеру прибыли еще 200 новых искателей приключений из США. Также Уокер захватил костариканскую шхуну «Сан-Хосе»

⁷⁵ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 47.

⁷⁶ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 211.

⁷⁷ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 203.

и превратил ее в первый корабль ВМС Никарагуа «Гранада». На корабле даже были установлены две шестифунтовые пушки.

14 июля Уокер издал декрет, по которому в стране отныне можно было пользоваться как английским, так и испанским языком. К тому же все никарагуанцы должны были в течение шести месяцев предъявить и зарегистрировать у властей документы на владение землей. При этом у большинства населения таких документов не было вообще. Уокер стал активно конфисковывать земли «врагов нации» (то есть всех, кто был не на его стороне) и раздавать их своим флибустьерам в обмен на «военные расписки». Олигархи с ужасом наблюдали, как их исконные поместья переходят в руки иностранных солдат удачи.

Но сами флибустьеры, конечно, трудиться не желали, и 22 сентября 1856 года Уокер восстановил в Никарагуа рабство. Он, говоря о себе в третьем лице, писал: «По этому декрету должно судить об администрации Уокера, ибо он был ключевым для всей его политики... От восстановления африканского рабства здесь зависит постоянное присутствие в этом регионе белой расы»⁷⁸.

Свой шаг (кстати, противоречивший никарагуанской конституции) Уокер аргументировал тем, что испанцы в свое время плохо обошлись с «бронзовой» расой (индейцами), заставляя их работать на своих плантациях. Теперь индейцев надо освободить от тяжелого труда и взвалить его на «разжиревших от безделья негров». Таким образом, американский флибустьер хотел использовать в своих целях давнюю расовую неприязнь между индейцами и неграми. В духе модных тогда на американском Юге взглядов Уокер считал рабство чуть не благодеянием для негров. Мол, рабы в южных штатах США живут гораздо лучше, чем их свободные темнокожие товарищи в Бразилии или на Кубе.

Мнение Уокера разделял и американский посланник в Никарагуа Уилер, полагавший, что развитие Никарагуа без рабства невозможно⁷⁹. К счастью для Никарагуа, декрет Уокера так и остался на бумаге.

Инаугурация Уокера заставила никарагуанских консерваторов и либералов сплотиться против узурпатора. На помощь им наконец-то стали подтягиваться военные контингенты других центральноамериканских стран. В тот самый день, когда Уокер приносил присягу, в город Леон прибыли 800 сальвадорских солдат во главе с генералом Рамоном Бельосо. Через неделю подошли 500 гватемальцев. На марше к Леону были и 600 гондурасцев.

Уокер так надеялся на боевые качества 800 своих американцев, что распустил все никарагуанские подразделения и запретил принимать в армию любого, кто не говорил по-английски. Однако сами флибустьеры, видимо, смотрели на вещи более реалистично, чем их «президент», и в августе 1856-го стали учащаться случаи дезертирства. Но Уокера это не смущало, и он даже разбил свою армию на отдельные контингенты, в то время как 1800 солдат армий центральноамериканских стран при поддержке никарагуанцев (400-500 бойцов) начали наступление на Гранаду. 24 сентября 1856 года противники Уокера заняли Манагуа.

Затем союзники смяли слабые кордоны Уокера и подошли к Масайе. К Уокеру тем временем прибыли еще 175 добровольцев, 40 винтовок и две горные гаубицы. «Президент» Никарагуа решил быстро пойти к Масайе, застать союзников врасплох и разгромить их в одном решающем сражении. Он опять сделал ставку на скорость и решительность маневра.

Оставив 200 человек в качестве резерва в Гранаде, Уокер с 800 бойцами неожиданно напал на союзников в Масайе 10 октября. Сальвадорский генерал оттянул все свои силы к центру города, где, используя каменные дома, они стали оказывать американцам ожесточенное сопротивление. В это время до Уокера дошли сведения, что его противники с юга (в

⁷⁸ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 208.

⁷⁹ Burns B. E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 208.

основном гватемальцы) неожиданно напали на Гранадзу. Он вывел все силы из Масайи и 13 октября атаковал врага в Гранадзе, вовремя успев деблокировать свой гарнизон, забаррикадировавшийся в центре города. Гватемальцы отступили, бросив два орудия. На сей раз Уокер позабыл о своей былой галантности и стал расстреливать пленных, ссылаясь на жестокость гватемальцев.

Между тем костариканская армия пришла в себя, и президент Мора решил опять захватить транзитный маршрут, по которому к Уокеру стали прибывать люди и боеприпасы из США. В этом предприятии у Мора неожиданно появился важный союзник – Вандербилт. Он направил к Море опытного американского моряка Сильвануса Спенсера, который должен был помочь занять ключевые пункты межокеанской трассы.

К середине октября 1856 года боевые действия не дали решающего преимущества ни одной из сторон. Но вскоре после боя за Гранадзу к Уокеру прибыло свежее пополнение во главе с полковником Хеннингсеном, который сразу же получил чин бригадного генерала⁸⁰. Хеннингсен был классическим авантюристом с богатым военным опытом. Он родился в Англии и успел повоевать в карлистских войнах в Испании и на стороне венгерских повстанцев Кошута в 1848-1849 годах.

Хеннингсен приступил к военному обучению и более четкой организации разных флибустьерских отрядов.

Уокер отправил 250 солдат в местечко Вирхен-Бэй для того, чтобы изгнать с транзитной линии авангард костариканцев во главе с генералом Каньясом. Однако Каньяс отбил атаку флибустьеров, и Уокеру пришлось самому заняться упорными костариканцами. Утром 11 ноября 250 флибустьеров при поддержке двух орудий атаковали части Каньяса (примерно 800 человек) и обратили их в бегство.

Предотвратив угрозу транзитному пути, Уокер с 550 бойцами 15 ноября 1856 года опять двинулся на Масайю, чтобы разделаться с армией центральноамериканских республик. Однако по пути он узнал, что к костариканцам подошло подкрепление в 700-800 человек, и отправил обратно на юг отряд в 200 бойцов. Таким образом, к Масайе выдвинулся отряд флибустьеров численностью всего 300 человек. У окопавшихся в городе союзнических войск людей имелось в три-четыре раза больше. В подобных условиях атака была, с военной точки зрения, полным безумием, но Уокер свято верил в превосходство белой нордической расы и не сомневался в победе.

15 ноября Уокер приступил ко второму штурму Масайи. Американцы продвинулись в центр города, но лишь ценой ужасных потерь – за день боев Уокер потерял убитыми и ранеными треть своего отряда⁸¹. Тем не менее флибустьеры продолжили самоубийственный штурм 16 и 17 ноября, медленно оттесняя союзников к центральной рыночной площади города. Но рассчитывать на победу не приходилось, и перед лицом полного уничтожения своей небольшой «армии» Уокер 17 ноября отдал приказ отступать к Гранадзе. «Бронзовая» раса, если использовать терминологию Уокера, показала свое явное преимущество перед нордической, несмотря на превосходство американцев в огневой мощи.

18 ноября уокеровцы возвратились в Гранадзу. Понимая, что удержать город не удастся и надо отступать к транзитной линии, чтобы иметь возможность покинуть Никарагуа на пароходе (военного флота у союзников не было), «гуманист» Уокер отдал приказ поджечь и разрушить Гранадзу до основания. Для этого в Гранадзе остался арьергард во главе с Хеннингсеном. Последний выполнил свой приказ столь основательно, что небольшую Гранадзу не смогли полностью восстановить и через 30 лет.

⁸⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 79.

⁸¹ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 82.

24 ноября 1856 года союзники атаковали отряд Хеннингсена в Гранаде (примерно 420 человек и шесть орудий) с трех сторон. Американцев зажали в центре города. Кроме того, союзники захватили две церкви, с которых простреливалась дорога из центра Гранады к причалам на озере – единственному возможному пути отступления флибустьеров. Положение Хеннингсена было безнадежным, а уничтожение его отряда – всего лишь делом ближайшего времени, так как муки у осажденных американцев оставалось на семь дней. Флибустьерам пришлось пойти на необычную военную хитрость: они специально дали попасть в руки союзникам большому запасу бренди, и на какое-то время американцев оставили в покое. Некоторые из них потом вспоминали, что вопли пьяных гватемальцев заглушали стрельбу⁸².

28 ноября союзники направили парламентаря к «командующему остатками сил Уокера», предлагая сдаться и обещая гарантировать свободный выезд из страны. Хеннингсен ответил отказом, составленным в нарочито грубой и обидной форме. Тем временем в городе вспыхнула холера, от которой страдали обе противоборствующие стороны.

В начале января 1857 года Уокер направил на помощь Хеннингсену отряд в 175 человек, который 14 января пробился от озера на соединение с осажденным гарнизоном. Весь отряд флибустьеров численностью примерно 200 человек отошел к причалу, погрузился на пароход и отплыл от груды руин, когда-то бывшей столицей Никарагуа. Перед уходом Хеннингсен поставил в городе шест с табличкой, на которой было написано: «Здесь была Гранада»⁸³. Даже в конце XIX века население Гранады не смогло достичь уровня 1856 года.

Во время ожесточенных боев в Гранаде флибустьеры потеряли 110 бойцов убитыми и ранеными, 120 человек умерли от болезней, 40 – дезертировали. Только 166 солдат удачи смогли покинуть Гранаду.

Между тем весь декабрь 1856 года Уокер сражался с наседавшими костариканцами в транзитной зоне. Неожиданным ударом армия Коста-Рики захватила у города Сан-Хуан-дель-Норте четыре парохода транспортной компании. Когда ее владельцы стали протестовать и просить помощи у капитанов британских военных судов, те логично ответили им, что компания сама стала участником боевых действий, когда долгое время перевозила Уокеру людей и оружие⁸⁴. Несомненно, Лондон был заинтересован в поражении Уокера, чтобы заменить американское влияние в Никарагуа своим.

Плохо одетые и еще хуже вооруженные костариканцы на пароходах отплыли по направлению к озеру Никарагуа и захватили врасплох порт Кастильо-Бьехо. Был взят также хорошо укрепленный форт Сан-Карлос, а затем костариканцы потопили пароход, на котором находились несколько десятков флибустьеров. С приходом в транзитную зону основных частей костариканской армии весь отрезок трансокеанского пути между Атлантическим океаном и озером Никарагуа оказался в руках противников Уокера. Неудивительно, что в этих условиях Уокеру было не до осажденного гарнизона Гранады.

11 декабря 1856 года флибустьеры заняли Ривас, который стал основным центром операций армии Уокера. В январе 1857-го ряды пиратской армии пополнили 240 человек, 4 февраля из Нового Орлеана прибыли еще 180 флибустьеров, в середине марта – 130 техасцев. Однако вся эта нешуточная сила так и не смогла пробиться к Уокеру в Ривас – костариканцы стояли насмерть. Если бы это произошло, то под командованием Уокера сконцентрировались бы 1200 американцев – самая большая войско за все время авантюры флибустьеров. Вполне возможно, что с такой армией Уокер смог бы разбить истощенные боями за Гранаду и болезнями силы союзников (по уокеровским оценкам, сократившиеся за время боев с семи

⁸² Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 87.

⁸³ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 90.

⁸⁴ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 90.

до двух тысяч человек из-за потерь, болезней и дезертирства). Но теперь исход компании был предрешен.

В том же январе командующий костариканскими войсками Мора прибыл в Гранаду и договорился, наконец, о координации военных действий между всеми частями союзников. Было образовано единое командование во главе с гондурасским генералом Ксатруча.

Пока союзники договаривались между собой, Уокер приступил к отвоеванию восточного участка транзита. После упорного боя флибустьеры отбили местечко Пунто-Ип, но их атака на Кастильо-Бьехо (который обороняли всего 34 костариканца) провалилась. Войска Уокера опять отступили к Ривасу, откуда время от времени совершали вылазки.

26 января 1857 года 800 костариканцев под командованием толкового и смелого генерала Каньяса заняли местечко Сан-Хорхе всего в двух милях от Риваса. 29 января флибустьеры во главе с Хеннингсеном два раза при поддержке артиллерии штурмовали город, но были отбиты с большими потерями⁸⁵. Каньяс писал Уокеру, издевательски благодаря его за то, что американские артиллеристы убили трех коров и освободили тем самым его солдат от обязанности мясников.

Уокер, как и Наполеон, считал, что ему просто не повезло с офицерами. 4 февраля он в четыре часа утра с 200 отборными стрелками напал на Сан-Хорхе, но и его постигла та же участь, что и Хеннингсена.

Большинство флибустьеров уже понимали, что война проиграна, и дезертирство из армии Уокера приобрело катастрофические масштабы. Иногда люди сбегали целыми взводами.

Уокеру для поднятия боевого духа своих людей срочно нужен был военный успех. 16 марта 1857 года он опять атаковал Сан-Хорхе, ведя в бой 400 солдат при поддержке семи орудий разного калибра. Но к тому времени и гарнизон союзников в городке вырос до 2000 человек. Благодаря артиллерийскому огню флибустьеры смогли завладеть городом. 13 американцев были убиты и 63 ранены. В рядах противников Уокера убитых и раненых насчитывалось до 500 человек. Но союзники отступили в полном порядке и по-прежнему держали под контролем транзитный маршрут.

И в этот переломный момент «друзья» Уокера Гаррисон и Морган объявили, что полностью прекращают пароходное сообщение с Никарагуа. Армия Уокера оказалась в ловушке.

11 апреля центральноамериканские войска начали генеральный штурм Риваса, но он был отбит с большими потерями для наступавших. Однако 15 апреля костариканские войска захватили город Сан-Хуан-дель-Сур и тем самым окончательно отрезали флибустьеров от двух океанов. В Ривасе кончались продовольствие и медикаменты.

Казалось, что участь Уокера предрешена. Но на помощь пиратам пришло правительство США, срочно направившее в озеро Никарагуа военный корабль «Сент-Мэри» для вывоза флибустьеров на родину (судно стало на якорь в Сан-Хуан-дель-Сур еще 6 февраля 1857 года). Воевать с США союзники не решились, и 30 апреля им пришлось принять предложение-ультиматум капитана «Сент-Мэри» Дэвиса о посредничестве в прекращении боевых действий.

1 мая 1857 года Уокер подписал акт о капитуляции перед Дэвисом, игнорируя союзников. В обмен на это Дэвис обязался доставить остатки пиратской армии (274 человека; всего оружие сложили 463 флибустьера) в Панаму. Уокер и 16 его «офицеров» немедленно перешли на борт «Сент-Мэри» с личным оружием, лошадьми и багажом. Авантюра Уокера стоила жизни сотне его наемников и десяткам тысяч граждан центральноамериканских государств.

⁸⁵ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 98.

Естественно, союзные войска были возмущены открытым вмешательством США с целью спасения бандита, разорившего всю Никарагуа. Сальвадорский генерал Хесус Барриос, будущий президент страны, писал: «Эта капитуляция является позорным и унижительным документом для Центральной Америки... Никогда еще агонизирующий бандит не презирал так правительства, воевавшие с ним, и мужественных солдат, которые загнали его в угол. При сдаче города побежденные держались более гордо, чем победители»⁸⁶.

Министр ВМС США в своем докладе в 1857 году признавал, что Уокера спасли по прямому указанию американских властей: «Правительство сочло нужным в качестве гуманной и политической меры дать командиру дивизиона коммодору Мавину инструкции, чтобы он в случае необходимости содействовал эвакуации генерала Уокера и его товарищей из Никарагуа»⁸⁷.

До сих пор во всех центральноамериканских странах совместная победа над американскими флибустьерами является предметом оправданной национальной гордости. Эту войну с гордостью называют Национальной. История показала правоту Морасана: только совместными усилиями могли небольшие республики отстоять свою независимость.

Говорят, что когда Уокер 5 мая 1857 года покидал Никарагуа, он сказал: «То, чего не добились винтовки, сделают доллары».

27 мая Уокера встречали в Новом Орлеане как героя. Он совершил турне по крупным городам Америки (Нью-Йорк, Вашингтон, Новый Орлеан), где рассказывал о своих «подвигах» благодарной публике. Ободренный горячим приемом, прежде всего в южных штатах, Уокер начал планировать новую экспедицию в Никарагуа. Всем добровольцам он обещал твердый ежемесячный доклад и 250 акров земли в Никарагуа. Для организации нового бандитского предприятия Уокер основал подпольную организацию «Центральноамериканская лига».

На «костях» своих незадачливых компаньонов, гнивших в никарагуанской земле, Уокер торжественно поклялся «не оставлять дела возрождения Никарагуа». В крахе своей авантюры он обвинил госсекретаря Марси, англичан и аболиционистов из северных штатов. Он убеждал публику, что никарагуанцы не могут управлять собственной страной и ее необходимо «американизировать».

В июне 1857 года Уокера принял новый президент Бьюкенен, которого Уокер заверил в том, что разгромил бы центральноамериканские войска, если бы ему не помешал капитан Дэвис.

Бьюкенен считал, что Уокер затеял благородное дело, вот только не смог нормально довести его до конца. В докладе сенату 7 января 1858 года президент сообщил: «Было бы намного лучше и сообразнее с мужественным и отважным характером наших соотечественников, если бы само правительство предприняло эти экспедиции, а не оставило бы их под командованием безответственных авантюристов»⁸⁸.

Костариканцы внимательно следили за деятельностью Уокера. 7 августа 1857 года правительство Коста-Рики обнародовало декрет, согласно которому любая группа под руководством Уокера при попытке вторгнуться в Центральную Америку приравнивалась к пиратской. Это означало, что в плен брать их никто не будет. Этот декрет признали правительства Сальвадора и Никарагуа. 14 сентября посланники Коста-Рики и Гватемалы в США заявили протест госсекретарю против беспрепятственной подготовки Уокером новой экспедиции

⁸⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 113.

⁸⁷ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 212.

⁸⁸ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 54–55.

в Центральную Америку⁸⁹. Американцам пришлось пообещать, что корабль ВМС США «Саратога» не допустит выхода экспедиции флибустьеров в открытое море.

Тем не менее, американский флот не помешал Уокеру 11 ноября 1857 года во главе 270 человек отправиться на корабле «Фэшн» к берегам Никарагуа. «Саратога» спокойно наблюдала, как отряд Уокера высадился в устье реки Сан-Хуан и захватил несколько пароходов. Но тут в дело вмешались англичане, которым порядком надоела активность Уокера в зоне их влияния. 6 декабря к Сан-Хуан-дель-Норте подошли два мощных британских военных корабля.

Чтобы спасти Уокера от уничтожения, командир «Саратоги» Полдинг предложил ему сдаться, что тот и сделал 8 декабря со 132 своими сторонниками. Капитуляция проходила дружелюбно и сопровождалась искренними улыбками и рукопожатиями. В каюте Полдинга Уокер был доставлен в Панаму, где и отпущен под честное слово, что по возвращении США он добровольно явится в полицию Нью-Йорка.

В Новом Орлеане Уокер предстал перед судом по обвинению в нарушении законодательства США о нейтралитете, но был оправдан.

В октябре 1858 года Уокер опять попытался отплыть из США в Гондурас, но был задержан. Комедия повторилась вновь: суд в Новом Орлеане и оправдание. Уокер засел за мемуары о никарагуанской войне.

Однако «посланец Провидения» упорно продолжал испытывать судьбу. Весной 1860 года к нему обратились за помощью жители трех островов у побережья Гондураса, которые хотели отделиться от Гондураса и провозгласить независимость. Текста этой просьбы никто никогда не видел, и возможно, что Уокер ее просто выдумал. 5 августа 1860-го отряд под командованием Уокера (примерно 90 человек) высадился в гондурасском порту Трухильо, захватив местную таможню и укрепленный форт⁹⁰. Уокер объявил правительство страны низложенным и призвал всех гондурасцев поддержать его «революцию». Захватив Гондурас, Уокер намеревался напасть на Никарагуа. Видимо, мечта об этой стране никак не могла покинуть его воспаленный мозг.

Пока Уокер напрасно ждал толп восторженных гондурасцев, в порт Трухильо вошел британский военный корабль «Икарус». Его капитан потребовал от Уокера немедленной капитуляции, обещая ему безопасную транспортировку всего отряда в США.

Уокер ушел из Трухильо и направился вдоль побережья Гондураса, видимо, все же надеясь перебраться на пригласившие его острова. 24 августа ему удалось отбить атаку гондурасской армии – опять сказалось преимущество новых американских винтовок. Но в ходе стычек с гондурасской армией отряд Уокера сократился до 31 человека.

Несмотря на ранение в лицо, Уокер сохранил командование, и 27 августа его отряд достиг устья реки Рио-Негро. Три дня флибустьеры отдыхали, и Уокер считал себя вне опасности на побережье, так как никакого флота у Гондураса не было.

Однако Гондурасу помогли англичане, которые перебросили к месту лагеря Уокера 200 гондурасских солдат и 40 собственных морских пехотинцев. Британцы потребовали немедленной капитуляции. Уокер два раза спросил, капитулирует он перед Британией или Гондурасом (последнее представитель «высшей расы» считал для себя неприемлемым). Дважды получив от капитана «Икаруса» утвердительный ответ насчет Британии, Уокер сдался. Интересно, что в разговоре с британским капитаном он упорно именовал себя президентом Никарагуа.

Пленных погрузили на британский корабль и доставили обратно в порт Трухильо. Там Уокера и его заместителя полковника Радлера сразу передали гондурасским властям, а

⁸⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 114.

⁹⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 110.

остальных флибустьеров под конвоем британских моряков препроводили в гондурасскую тюрьму.

Согласно законам войны, флибустьеры не могли рассчитывать на обращение с ними как с военнопленными, потому что они действовали на свой страх и риск, а не по поручению своей державы. Уокера приговорили к смертной казни и расстреляли в 8 часов утра 12 сентября 1860 года. Гондурасцы отказались хоронить этого человека, и тело погребли несколько оказавшихся в городе американцев.

Заместителя Уокера Радлера приговорили к четырем годам тюрьмы, но потом отпустили. Остальных флибустьеров отправили прямиком в США.

Уокера мог спасти его старый знакомый Кабаньяс, который со своими войсками находился неподалеку. Но он не забыл, как в 1855 году Уокер отказался помочь ему вернуть кресло президента Гондураса.

Так бесславно закончилась попытка Уокера «американизировать» Центральную Америку. Смертельная опасность, нависшая над молодыми и слабыми государствами, была успешно ликвидирована совместными усилиями, хотя и высокой ценой.

К счастью для латиноамериканцев, в последующие 10 лет США было не до них: американцы убивали друг друга в гражданской войне, самой кровопролитной в истории Соединенных Штатов. Затем несколько лет понадобилось для восстановления страны и достижения гражданского примирения между Севером и Югом.

Никарагуанские либералы были основательно дискредитированы своим сотрудничеством с Уокером, и до 1893 года страной непрерывно правили консервативные президенты. Пожалуй, впервые за всю историю независимой Никарагуа в стране был внутренний и внешний мир.

Сразу же после изгнания Уокера в Никарагуа было два временных главы государства – по одной от каждой из основных партий-соперниц (генералы Томас Мартинес и Максимо Херес). В 1858 году главой государства был избран консерватор Томас Мартинес, который правил страной до 1867-го (его переизбрали еще на один срок). В целом этого президента поддерживали обе основные партии, понимавшие, до чего может довести страну внутренняя смута. Однако с выборами Мартинеса в 1863 году не согласились либерал Максимо Херес и консерватор Фернандо Чаморро. Каждый из них поднял восстание, но эти выступления были быстро подавлены – люди в стране устали воевать. Руководители мятежа бежали в Коста-Рику.

В 1858 году в стране была принята новая конституция.

Никарагуа пыталась наконец-то создать нормальную регулярную армию, но денег на это явно не хватало. Хорошо, что флибустьеры Уокера оставили в стране современные винтовки конструкции Минье. Среди высших офицеров армии преобладали представители гранадской консервативной аристократии. В самой армии полагалось быть 12 пехотным батальонам, двум кавалерийским эскадронам и двум артиллерийским бригадам. Эти части примерно равномерно распределялись по семи департаментам страны. В 1867 году в стране был принят первый Военный кодекс. 25 июня 1869 года вспыхнула новая гражданская война, для прекращения которой опять пришлось прибегнуть к посредничеству США. Повстанцы, требовавшие отставки президента Гусмана, захватили Леон, но были, в конце концов, разбиты.

Во внешней политике сложными оставались (и остаются по сей день) отношения между Никарагуа и Коста-Рикой. Обе страны хотели контролировать реку Сан-Хуан, которая все еще рассматривалась как важнейшее звено будущего межокеанского канала. В 1876 году президент Никарагуа Педро Хоакин Чаморро двинул против костариканцев пятитысячную армию.

К американцам никарагуанцы относились более чем настороженно, и очередной президент страны Гусман подчеркнул при вступлении в должность в 1867 году, что между Никарагуа и США пока не заключено ни одного договора⁹¹.

В ноябре 1869 года Англия передала свой протекторат над Москитией Гондурасу, что, естественно, не могло понравиться Никарагуа. Против этого восстали и местные индейцы. 28 января 1860 года Никарагуа в Манагуа удалось заключить с Великобританией договор, по которому Берег Москитов признавался территорией Никарагуа. Никарагуанцы, в свою очередь, обязались сохранить автономию местного индейского населения, часть которого была англоязычной. «Король» Москитии Джордж Август Фредерик II (правил с 1845 года) согласился с новым положением дел в обмен на ежегодную субсидию в 1000 фунтов стерлингов до 1870 года. После его смерти в 1865 году Никарагуа отказалась признать нового короля. Теперь бывшее королевство стало называться «резервацией».

Однако английские поселенцы в этом районе по-прежнему продолжали чувствовать себя господами и побуждали индейцев к сепаратизму, на что никарагуанцы пожаловались США в 1867 году. Анклавом управлял индейский вождь при помощи племенного совета в Блуфилдсе. Никарагуанцы считали весь совет английскими агентами, а вождя – их марионеткой. Индейцы-мискито полагали, что суверенитет Никарагуа над Москитией не должен означать вмешательства никарагуанских властей в их внутреннюю жизнь.

Спор был передан на усмотрение императора Австро-Венгрии как третейского судьи, и Франц Иосиф в 1880 году решил его в пользу местного индейского самоуправления. Суверенитет Никарагуа над Москитией оставался чисто номинальным.

Но главной проблемой для Никарагуа оставался вопрос канала. Американская транзитная компания по-прежнему ничего не предпринимала для строительства этой межокеанской артерии. В 1868 году был заключен никарагуанско-американский договор (договор Дикинсона – Айона), который провозглашал, что будущий канал должен быть открытым для судов всех стран. Суверенитет над зоной канала оставался за Никарагуа.

Но американцы внимательно следили за тем, чтобы Никарагуа не передала право на строительство канала подданным других стран. Когда в 1867 году никарагуанцы передали право на строительство канала между озерами Манагуа и Никарагуа немцу Зонненштерну, американцы фактически заставили их дезавуировать сделку, пригрозив лишить поддержки в споре с Англией по поводу Берега Москитов⁹².

В 1868 году по приказу давнего ярого сторонника никарагуанского канала Наполеона III с Никарагуа начал переговоры французский журналист и друг императора Мишель Шевалье. Но в 1870-м Наполеона свергли. К тому же Коста-Рика была настроена резко против этого проекта. Отказались участвовать в нем и американцы (французы пригласили США принять участие в совместном строительстве канала).

В 1872 году до американского посланника в Манагуа дошли слухи, что Никарагуа и Коста-Рика готовы поручить строительство канала британским подданным. Последовал резкий дипломатический протест США в Манагуа. Мол, участие европейцев в строительстве канала подорвет фундаментальные принципы «американской системы» (то есть доктрину Монро).

Со временем госсекретарь США Сьюард (который купил у России Аляску в 1867 году) стал обращать свои взоры к панамскому перешейку, принадлежавшему тогда Колумбии. Сьюард полагал, что если построить канал там, то это вызовет меньшее противодействие Великобритании, влияние которой в Колумбии было гораздо слабее, чем американское. К

⁹¹ Foreign Relations of the United States, 1867, Nicaragua (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1867-68v02/reference/frusl86768v02.i0021.pdf>).

⁹² Foreign Relations of the United States, 1867, Nicaragua (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1867-68v02/reference/frusl86768v02.i0021.pdf>).

тому же госсекретарь думал, что Панамский канал станет достойным ответом на канал Суэцкий и покажет всему миру мощь американской промышленности и силу инженерного гения США.

В 1868 году начались американо-колумбийские переговоры, и 14 января 1869-го был подписан двусторонний договор, по которому США получили эксклюзивное право на строительство канала через колумбийскую территорию. Колумбия обязалась не разрешать никому прокладывать канал или железную дорогу через Панамский перешеек без предварительного согласия Вашингтона. Правда, колумбийский конгресс отверг этот договор, но в январе 1870 года в Боготе был подписан новый договор. Теперь канал провозглашался открытым для судов всех стран за исключением тех, с кем воевали Колумбия и США.

Но не забывали американцы и никарагуанский вариант. В 1872 году американская экспедиция высадилась в устье реки Сан-Хуан, чтобы изучить возможность прокладки канала. Но члены экспедиции утонули, не успев даже начать дело. В 1873-м маршрут все же был изучен. Американцы установили, что на участке канала от озера Никарагуа до Тихого океана придется соорудить 20 шлюзов. Но это было все равно меньше, чем, например, при прокладке канала через Мексику (там требовалось более 100 шлюзов, что делало движение судов очень медленным). Стоимость никарагуанского канала была оценена в 100 миллионов долларов, Панамского – в 150 миллионов.

В 1876 году президент США Грант поручил начать строительство никарагуанского канала в течение года. Тут уже заволновались европейцы, и Гранту пришлось заявить, что канал будет международным и открытым для судов всех стран, а зона вокруг него – нейтрализована. Никарагуанцам представили проект договора, по которому зона будущего канала должна была управляться неким международным комитетом. В таком варианте Никарагуа фактически лишалась суверенитета над своей территорией. К тому же правительство Никарагуа никак не устроила гарантированная ему мизерная доля прибыли от операций будущего канала.

Коста-Рика вообще потребовала в качестве предварительного условия поддержки со стороны США в территориальном споре с Никарагуа (который не урегулирован по сей день).

В 1878 году США прервали переговоры с обеими странами.

В 1867-1870 годах американцы стали давить на правительство Никарагуа, чтобы оно согласилось передать США суверенитет над островами Тигре в тихоокеанском заливе Фонсека (такой же прессинг американцы применили и в отношении Гондураса и Сальвадора, для которых залив был не менее важен). США аргументировали свои требования тем, что у их флота нет ни одной базы между Панамой и Сан-Франциско. Залив Фонсека был единственным природным заливом на всем тихоокеанском побережье Никарагуа. К тому времени три соседние страны (Никарагуа, Гондурас и Сальвадор) никак не могли определить свои границы в заливе и не желали видеть там еще и американцев.

США были встревожены сообщениями о том, что военно-морскую базу на «Тигровых островах» хочет заполучить Пруссия. Немцы к тому времени активно заселяли Коста-Рику: половина иностранцев в этой стране говорили по-немецки.

Президент Никарагуа Гусман перенес столицу в Манагуа, к чему его вынудила очередная эпидемия холеры.

После изгнания Уокера произошли большие изменения в никарагуанской экономике. В 60-е годы страна впервые начала экспортировать на мировой рынок кофе. Специально для наращивания прибыльного кофейного экспорта была построена железная дорога до тихоокеанского порта Коринто и введено в эксплуатацию пароходное сообщение до Манагуа. Основным регионом производства кофе стали центральные районы страны. В 1885-1890 годах экспорт кофе достиг 9,3 миллиона фунтов и стал основной статьей вывоза Никарагуа,

население которой в 1890-м составляло 423 тысячи человек⁹³. Другими экспортными товарами были хлопок, сахар, кожа и табак. В 1850 году весь экспорт Никарагуа составлял примерно миллион долларов – то есть по 3,7 доллара на душу населения (в Гватемале – 1,7 доллара, в Коста-Рике – 11,4)⁹⁴. Сделав главную ставку на кофе, Никарагуа последовала примеру своей соседки и соперницы Коста-Рики, которая активно вывозила кофе уже в 40-х годах XIX века. К 1913 году на кофе приходилось 64,9 % никарагуанского вывоза.

Для кофейных плантаций требовались свободные земли и рабочие, поэтому все эти годы продолжалось наступление на общинное землевладение. В марте 1881 года вспыхнуло восстание индейцев (вошедшее в историю Никарагуа как «индейская война»), зверски подавленное национальной армией. Новый президент Карденас амнистировал в 1883-м уцелевших участников восстания. Тем не менее либералы в соседнем Гондурасе пытались организовать новую революцию с целью отстранения консерваторов от власти.

Никарагуа следовало опасаться не только традиционной английской или американской экспансии. В 1878 году к берегам страны подошли четыре германских военных корабля под стандартным предлогом защиты своих граждан.

Поводом было нападение на почетного консула только что созданной Бисмарком «железом и кровью» Германской империи Айзенштюка в городе Леоне в 1876 году. Падчерица довольно долго жившего в Никарагуа Айзенштюка была разведена, что являлось скандалом по меркам католической страны. Поэтому на семью консула уже два раза нападали на улице. Первый раз на Айзенштюка напал бывший зять, требовавший вернуть ему жену и трижды выстреливший из пистолета. 29 ноября 1876 года на консула напали полицейские, которые избили и арестовали его. Хотя Айзенштюка и выпустили, учитывая его дипломатический статус, но обидчиков его наказывать не собирались. Судья заявил, что дело носит не уголовный характер, а гражданский, «семейный».

Германия по американскому образцу потребовала от Никарагуа наказать нападавших, отдать салют чести германскому флагу военнослужащими никарагуанской армии и выплатить компенсацию в 30 тысяч долларов. Никарагуа проигнорировала ультиматум, так как не имела с далекой Германией серьезных отношений в какой-либо сфере.

Немцы усилили давление, подключив в качестве посредников одновременно Великобританию и США. Но никарагуанцы обошлись с американским дипломатом-посредником довольно невежливо, и США даже прервали с Никарагуа дипломатические отношения. Тогда немцы направили к тихоокеанскому побережью Никарагуа три военных корабля своей Восточноазиатской эскадры. Еще один корабль как раз находился в Вест-Индии и был направлен к атлантическому побережью Никарагуа.

17-18 марта 1878 года немецкая эскадра подошла к никарагуанскому побережью. Правительству республики пришлось выплатить 30 тысяч долларов, обидчиков консула оштрафовали на 500 долларов, а солдаты морской пехоты Никарагуа салютовали германскому флагу.

Падчерица же Айзенштюка вернулась к мужу и жила с ним до 1914 года.

Этот инцидент еще раз показал никарагуанцам, что расчет на помощь одной империалистической державы против другой является полнейшей иллюзией. Ведущие державы того периода разговаривали только на языке силы и только такой язык понимали сами. Отсюда следовал логичный вывод, что только объединение центральноамериканских стран может служить надежной гарантией их независимости.

Нужно отметить, что на протяжении всего XIX века то в одной, то в другой центральноамериканской стране предпринимались попытки восстановить бывшее государственное един-

⁹³ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 31.

⁹⁴ *Bulner-Thomas V. T.* The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P. 38.

ство всего региона. В тех конкретных условиях сделать это можно было только военным путем: местные правящие элиты отдельных государств ни за что не хотели ни с кем делиться властью, а главное – своими экономическими выгодами, которые давало независимое положение. Ведь больше всего денег можно было заработать тогда на таможенных пошлинах или на сдачу иностранцам различных участков территории в концессию. Естественно, в случае объединения решение всех этих вопросов отошло бы к новым центральным властям.

Однако самые передовые и прогрессивные представители центральноамериканской элиты понимали, что только объединение сможет предотвратить военную и политическую экспансию США в Карибском бассейне и Центральной Америке.

В 1862 году воссоздать центральноамериканскую федерацию предложил президент Никарагуа Мартинес. В качестве главы единого государства он предложил реакционного гватемальского диктатора Карреру, что обрекало все предприятие на крах ввиду ненависти, которую испытывали к Каррере все либералы региона. Сама мысль, что объединение региона возглавит лютей враг Морасана, заставляла относиться ко всему этому проекту как к фарсу. Тем не менее было проведено несколько встреч полномочных представителей центральноамериканских государств, однако Сальвадор наотрез отказался войти в федерацию под руководством Карреры.

В 80-х годах XIX века попытку воссоединить Центральную Америку предпринял президент Гватемалы Хусто Руфино Барриос.

Барриос родился в 1835 году, изучал право и в 1862-м стал адвокатом. Три года спустя скончался правивший много лет реакционный диктатор Гватемалы Каррера – заклятый враг Морасана. Барриос, обладавший недюжинным интеллектом и кипучей энергией, с головой окунулся в политику, присоединившись к либеральной партии. В 1867 году он примкнул к восстанию в регионе Лос-Альтос, жители которого хотели провозгласить независимость. В боях с правительственными войсками Барриос показал себя талантливым военным лидером-самородком. В 1871 году Барриос с другими гватемальскими эмигрантами вторгся в Гватемалу с территории Мексики. Либералы начали вооруженную борьбу с целью свержения многолетнего господства консерваторов в стране. Благодаря военному гению Барриоса либералы одержали победу, их лидер Гарсия Гранадос стал президентом, а Барриос – губернатором провинции Лос-Альтос.

Барриос был классическим либералом XIX века. Он считал католическую церковь главным препятствием на пути прогресса страны, а сам этот прогресс видел в развитии народного образования и привлечении передовых иностранных инвестиций при неукоснительном соблюдении суверенитета страны. По инициативе Барриоса из Лос-Альтоса были высланы все иезуиты⁹⁵. В ответ на это священники спровоцировали реакционное восстание в Гватемале, что привело к высылке из страны уже архиепископа. Но тот в эмиграции не сидел сложа руки и уговорил правительство Гондураса начать против Гватемалы войну.

Барриос как главнокомандующий гватемальской армией принял вызов, но одновременно заявил о желании восстановить на базе гондурасско-гватемальского союза центральноамериканскую федерацию времен Морасана.

В мае 1872 года Барриос всего на 32 дня стал временным президентом Гватемалы. За этот короткий срок он провел в стране коренные реформы: была провозглашена свобода прессы, ликвидированы монастыри и национализировано их имущество. В стране открылись первые школы для женщин. В 1873 году Барриос был избран президентом и немедленно национализировал уже все имущество церкви, которое подлежало продаже с торгов. В 1875-м в Гватемале было введено бесплатное светское начальное образование. Особое внимание

⁹⁵ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 119.

президент обращал на подготовку национальных ремесленных и технических кадров, без которых было невозможно развитие гватемальской отечественной промышленности.

К концу правления Барриоса в Гватемале было 844 начальных школы, 47 вечерних школ для ремесленников и 17 вечерних школ для рабочих⁹⁶.

В 1881 году Гватемала заняла первое место среди стран Центральной Америки по экспорту кофе.

При Барриосе в стране была создана нормальная полиция (которую даже можно было публично критиковать), появились железнодорожные линии и телеграфное сообщение. В 1879 году была принята конституция – первый основной закон страны с момента получения независимости. Консерваторы правили, опираясь на штыки Карреры, и в конституции особой надобности не испытывали.

В 1877 году посланник США в Гватемале характеризовал Барриоса как диктатора с консервативными наклонностями, который не хочет вмешиваться во внутренние дела соседних стран⁹⁷.

В 1880 году Барриос был избран президентом на шесть лет и приступил к осуществлению своей главной мечты – восстановлению единого центральноамериканского государства.

Сначала гватемальский президент решил урегулировать давний гватемальско-мексиканский пограничный конфликт из-за региона Чьяпас. Во время испанского колониального владычества Чьяпас входил в генерал-капитанство Гватемалу, но после образования центральноамериканской федерации был занят мексиканскими войсками. Однако все правительства Гватемалы всегда считали Чьяпас частью национальной территории. Стремясь заручиться поддержкой или, по крайней мере, нейтралитетом Мексики в ходе предстоящей тяжелой борьбы за объединение Центральной Америки, Барриос в 1882 году признал Чьяпас мексиканской территорией.

Еще в феврале 1872 года Барриос поддержал инициативу Гондураса по созыву в Сальвадоре (что символично, в городе под названием Ла-Уньон, то есть «союз» по-испански) конференции всех центральноамериканских государств для обсуждения вопросов общего экономического развития региона. 17 февраля был подписан договор, предусматривавший строительство межокеанского канала, организации единой телеграфной линии и шоссейной дороги. Однако реального смысла договор не имел, так как к нему не присоединилось консервативное правительство Никарагуа.

Конференция кончилась тем, что гватемальские и сальвадорские войска вторглись в Гондурас и отстранили президента этой страны Медину от власти.

Но Барриос не сдавался и в 1875 году направил всем главам государств Центральной Америки приглашение приехать на конференцию, посвященную объединению всех стран региона. Начать он предлагал с единого механизма внешней политики и обороны региона. Конференция состоялась в 1876 году, но прибывшие на нее делегаты не имели никаких полномочий для решения поставленных на встрече вопросов.

В январе 1882 года Барриос направил во все страны Центральной Америки эмиссаров с целью прозондировать отношение правительства к идее создания единого государства. Но этот проект опять встретил сопротивление Никарагуа и Коста-Рики.

Никарагуанцы считали, что строительство межокеанского канала через территорию Никарагуа озолотит страну, и не хотели делиться будущими баснословными доходами с другими государствами. Так как будущий канал должен был проходить по пограничной с Коста-Рикой реке Сан-Хуан, обе страны еще в 1858 году заключили соглашение о координации

⁹⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 122.

⁹⁷ FRUS 1877-1878 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1877-78v01/reference/frus.frus.187778v01.i0013.pdf>).

усилий в деле строительства канала. Таким образом, Коста-Рика также надеялась на будущие прибыли и не хотела поступаться своей независимостью.

Против объединения центральноамериканских государств был настроен мексиканский диктатор Порфирио Диас, который считал Мексику естественным гегемоном своих южных соседей. Но в регионе был гегемон и посильнее. США тоже не нравилась активность Барриоса, так как американцы считали и Мексику, и Центральную Америку зоной своего исключительного влияния. Со слабыми государствами дело Вашингтону было иметь гораздо проще. Авантюра Уокера показала, что совместными силами центральноамериканские страны вполне способны дать отпор даже военной интервенции США.

Барриос понял, что только одними конференциями своей цели он не добьется. В 1883 году он опубликовал ставшее знаменитым письмо к «Моим друзьям по либеральной партии центральноамериканских республик». Фактически он призывал либералов региона начать борьбу за объединение Центральной Америки, на пути которого стояли консерваторы. Сам Барриос в письме торжественно отказывался от поста президента будущего единого государства, чтобы не быть заподозренным в честолюбивых амбициях⁹⁸.

Мексиканский диктатор Диас (в указанный период он формально не был президентом, но пост главы государства занимал его ставленник), сторонник консервативных убеждений, хотя и считавший себя либералом, и противник любых революций был изрядно встревожен письмом Барриоса. Мексиканские посланники в Центральной Америке получили указание побудить все страны региона дать отпор инициативе Барриоса. Тем более что тот был готов (как и Морасан) добиваться воссоединения Центральной Америки силой.

В ноябре 1882 года мексиканский посланник Васкес доносил в МИД, что консервативное правительство Никарагуа настроено резко против объединения и ведет переговоры с Коста-Рикой о совместном отражении агрессии Гватемалы и ее потенциальных союзников.

Однако никарагуанская общественность отнюдь не была солидарна с настроениями собственного правительства. Например, выдающийся поэт Рубен Дарио был горячим сторонником единства и написал в 1883 году поэму «Центральнорамериканский союз», посвященную Барриосу⁹⁹. Зато резко против объединения выступила католическая церковь.

Если Никарагуа и Коста-Рика были оппонентами Барриоса, то президенты Гондураса и, особенно, Сальвадора относились к его планам с симпатией. Правда, президент Сальвадора Сальдивар был фактически поставлен у власти самим Барриосом. Но и здесь мексиканское правительство приложило немало усилий, чтобы не допустить хотя бы тройственного союза центральноамериканских государств.

Против объединения стран Центральной Америки были настроены и в Вашингтоне. Американцы опасались, что единое правительство сможет построить межokeанский канал в Никарагуа без помощи США, с опорой на европейский капитал. Американские газеты писали, что появление гватемальских войск в Никарагуа будет прямой угрозой американским национальным интересам. Резолюцию подобного же содержания принял сенат США.

Когда американский посланник в Гватемале публично поддержал возможность объединения Центральной Америки военным путем, его немедленно отозвали. Правда, интересно, что госдепартамент США и сам, не желая того, фактически поддерживал центральноамериканское единство. У США в Центральной Америке была только одна дипломатическая миссия – в Гватемале. В столицах других центральноамериканских республик были лишь консульские сотрудники. Обычно так организовано дипломатическое представительство в едином государстве.

⁹⁸ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 130.

⁹⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 131.

При этом, как известно, США и сами возникли в ходе войны, а правительство Уокера в Никарагуа было признано Соединенными Штатами, как уже упоминалось, без всяких проблем.

Барриос был горячим поклонником США, считая эту страну идеалом с точки зрения прогресса, а во время войны между Севером и Югом поддерживал Линкольна. Одно время в госдепартаменте считали его идею центральноамериканского единства перспективной, так как руками Барриоса можно было убрать англичан из Британского Гондураса и Москитии. Тем самым, как думали в Вашингтоне, будущая центральноамериканская федерация станет послушной марионеткой США.

Не случайно, что Барриос обратился к США за посредничеством в деле разрешения гватемальско-мексиканского спора вокруг Чьяпаса.

В сентябре 1884 года Барриос пригласил в Гватемалу президентов Гондураса Луиса Бограна и Сальвадора Рафаэля Сальдивара. Три президента на секретных переговорах решили организовать объединенную армию и силой заставить Коста-Рику и Никарагуа присоединиться к будущей федерации.

Американцы были этим немало встревожены и немедленно подняли вопрос о бедственном положении американских рабочих и бизнесменов в Гватемале, для защиты которых американский консул потребовал присылки военного корабля ВМС США в январе 1885 года¹⁰⁰.

Заручившись поддержкой Гондураса и Сальвадора, Барриос решил действовать. 28 февраля 1885 года в оперном театре Гватемалы собрались сливки общества, члены правительства и дипломатический корпус. Но театральное представление внезапно прервали. Были зачитаны два декрета Барриоса. В первом декрете говорилось о провозглашении единой центральноамериканской республики. Президент Гватемалы назначался верховным главнокомандующим объединенной центральноамериканской армией с задачей фактического установления единства всех пяти государств региона. Всем странам предлагалось к 1 мая 1885 года направить в Гватемалу по 15 свободно избранных представителей для определения формы правления и государственного устройства будущей единой страны. В декрете не было слова «федерация». Вероятно, Барриос, помня горький опыт Морасана, представлял себе будущее государство более или менее унитарным.

Второй документ был обращением Барриоса как верховного военного руководителя ко всем центральноамериканцам. Барриос подчеркнул, что Гватемала не собирается поработить другие страны региона, а хочет добиться лишь их равноправного единства. Всем офицерам армий центральноамериканских стран, которые поддержат единое государство, Барриос обещал повышение в звании на одну ступень.

Для противников единства в прокламации Барриоса содержалось весомое предостережение: президент Гватемалы заявил, что у его армии есть 50 тысяч новейших винтовок «ремингтон» американского производства с достаточным количеством боеприпасов.

Американский посланник в Гватемале сообщал, что декрет Барриоса был встречен овацией¹⁰¹. Он же предрекал сопротивление единству со стороны Никарагуа и Коста-Рики и информировал, что Барриос к этому готов. Американцев неприятно поразило то, что Барриос объявлял недействительными все международные договоры и кредитные соглашения с иностранными державами центральноамериканских стран, заключенные после 28 февраля 1885 года. Это ставило под вопрос возможные договоренности с Никарагуа по вопросу канала.

¹⁰⁰ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰¹ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

5 марта 1885 года конгресс Гватемалы единогласно одобрил шаги президента. В марте в пользу объединения единодушно высказался парламент Гондураса. Однако Сальвадор, на который так рассчитывал Барриос, под давлением Мексики отказался от присоединения. Напротив, президент Сальвадора, предав общее дело, попросил у Мексики защиты от «гватемальской агрессии». 10 марта правительство Мексики (где президентом снова был Порфирио Диас) направило Гватемале грозную дипломатическую ноту, предостерегая Барриоса от начала военных действий¹⁰².

Барриос сообщил американскому посланнику, что ответит Мексике на возможное нападение той же монетой.

Когда Сальвадор мобилизовал армию против Барриоса, президент Никарагуа Карденас заявил о полной военной поддержке Сальвадора в войне против Гватемалы. 8 марта 1885 года никарагуанский парламент решительно отверг инициативу Барриоса как посягательство на независимость Никарагуа. Гватемальский президент в ответ пообещал предоставить оружие тем никарагуанцам, которые решат поддержать борьбу за единство. Американскому посланнику в Гватемале было заявлено, что большинство никарагуанского народа не поддерживает линию своего консервативного правительства.

13 марта 1885 года американский консул в Манагуа Льюитт сообщил посланнику в Гватемалу, что вся Никарагуа бурлит после декретов Барриоса, а экономическая жизнь в стране прекратилась¹⁰³. На улицах, писал консул, звучат трубы и барабаны – никарагуанцы мобилизуют армию, всех мужчин от 18 до 50 лет. Под ружьем уже находятся 5000 человек. Но никарагуанцы смогут выставить самое большее только 8 тысяч солдат и офицеров – для всех остальных не хватает оружия.

Сразу же после мобилизации армейские части перебрасываются на границу с Гондурасом. Позиция Коста-Рики, Сальвадора и, особенно, Мексики вызвала, по словам Льюитта, большую радость в стране. Везде слышались крики: «Смерть Барриосу!» Готовясь к войне, правительство Никарагуа прекратило разменивать «полновесные» серебряные деньги на бумажные банковые билеты. Металлические монеты исчезли из обращения. В Никарагуа было введено осадное положение и прекращена работа парламента.

10 марта 1885 года американский консул в Манагуа встретился с президентом страны и специально во время этой беседы президенту Карденасу принесли телеграмму сальвадорского президента, в которой тот сообщал, что выставит против Гватемалы 20 тысяч солдат. Карденас просил Льюитта оказать помощь в быстром выполнении никарагуанского заказа на получение из США большой партии винтовок «ремингтон» (сама компания «Ремингтон» просила на поставку не менее четырех месяцев)¹⁰⁴.

Карденас не скрывал, что никарагуанская армия готовится к вторжению в Гондурас и Гватемалу для свержения президента Барриоса. Мол, пока Барриос у власти, никакого мира и спокойствия в Центральной Америке не будет. На время войны Карденас сложил обязанности президента и возглавил вооруженные силы. Временным президентом стал очередной отпрыск самого именитого консервативного клана Никарагуа – Педро Хоакин Чаморро.

Льюитт подчеркнул, что правительство Никарагуа «не желает мира». Никарагуанцы не хотят даже посредничества США, так как это может помешать им свергнуть Барриоса.

Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика обратились к США и Мексике за помощью против Барриоса¹⁰⁵. Застрельщиком борьбы против единства была именно Никарагуа, которая

¹⁰² Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 135.

¹⁰³ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰⁴ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰⁵ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 35.

немедленно перебросила в Сальвадор через порт Коринто оружие и боеприпасы. Никарагуанская армия готовилась вторгнуться в Гондурас. Предлогом для начала войны служило то, что, по утверждению никарагуанского президента Карденаса, гондурасцы готовились к вторжению в Сальвадор.

Однако сам Сальвадор явно провоцировал войну, надеясь на помощь Мексики и Никарагуа. Президент Сальвадора направил в Гондурас отряд из 4000 «партизан», которые должны были начать в этой стране антиправительственный мятеж. 200 «революционеров» были отправлены с такими же целями в Гватемалу. 25 марта 1885 года Барриос сообщил американцам, что намерен преследовать сальвадорских «бандитов» и на территории самого Сальвадора.

Барриос направил официальные ноты США, Мексике и основным европейским державам, уведомляя о возникновении нового единого центральноамериканского государства. Немцы и англичане подумывали об отправке военных кораблей к берегам Центральной Америки. США заявили, что установление центральноамериканского единства военным путем для них неприемлемо. Гватемалу предупредили, что США не потерпят нарушения прав американских граждан в ходе возможных военных действий.

9 марта 1885 года американский посланник в Гватемале прибыл в Сальвадор и встретился с президентом Сальвадором по просьбе последнего. Дипломат сообщал в Вашингтон, что в Сальвадоре проходят антигватемальские демонстрации¹⁰⁶. Американцы поддержали Сальвадора, и президент показал посланнику США телеграмму Порфирио Диаса, где тоже гарантировалась помощь в борьбе против Барриоса.

Вслед за телеграммой Порфирио Диас сосредоточил на гватемальской границе мощную, по меркам региона, армию: 2000 сабель и 4000 штыков¹⁰⁷. К гватемальскому порту Сан-Хосе был направлен мексиканский военный корабль. Тем не менее Мексика побоялась официально вступить в антигватемальский военный союз вместе с Сальвадором, Коста-Рикой и Никарагуа, так как опасалась недружественной реакции США в ответ на этот шаг.

Диас написал Барриосу, что мексиканское и центральноамериканское общественное мнение решительно отвергает его инициативу. Мексиканцы отзывали свою дипмиссию из Гватемалы и демонстративно перевели ее в Сальвадор.

Барриос, продолжая доверять американцам, попросил США быть посредником в назревавшем конфликте с Мексикой. Но в Вашингтоне мексиканский посланник активно работал над тем, чтобы США заняли по отношению к восстановлению центральноамериканского единства негативную позицию.

Порфирио Диас считал, что американцы все же могут решить поддержать Барриоса, а если тому удастся создать единое мощное государство, то он может попытаться отбить назад Чьяпас, ставший мексиканским штатом. Мексиканцы подозревали, что Барриос уже договорился с США о постройке межокеанского канала в обмен на поддержку его объединительных планов¹⁰⁸.

Мексиканцы были правы. Посланник Гватемалы в Вашингтоне Хауреги вел в 1884 году переговоры в госдепартаменте о строительстве трансокеанского канала через территорию Никарагуа в случае образования единой центральноамериканской республики. Однако гватемальцы не были готовы передать под юрисдикцию США полосу никарагуанской территории по обоим берегам канала¹⁰⁹.

¹⁰⁶ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰⁷ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 136.

¹⁰⁸ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 35.

¹⁰⁹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 136.

Сами никарагуанцы отказались вступить в центральноамериканский союз во многом тоже из-за пресловутого канала. 15 марта 1885 года министр иностранных дел Никарагуа Кастельон сообщал в циркулярном письме всем никарагуанским дипломатическим представителям: «Из той информации, которая имеется у правительства, можно сделать твердое заключение, что неожиданные и оскорбительные действия генерала Барриоса имеют в качестве подлинной причины стремление стать абсолютным арбитром переговоров о канале, а национальное единство он выдвигает лишь в качестве предложения»¹¹⁰.

Американцы тем временем направили в гватемальский порт Ливингстон военный корабль «Суатара» якобы для того, чтобы забрать оттуда уже упоминавшихся выше «американских рабочих», у которых-де не было денег на билет до Нового Орлеана.

Барриос, между тем, собрал 15-тысячную армию и двинулся к сальвадорской границе. Никто не сомневался в победе гватемальцев, тем более что на сторону Барриоса перешел и сальвадорский воинский контингент во главе с генералом Франсиско Менендесом (примерно 300 человек). Всего под началом Барриоса было 20 тысяч человек – больше, чем насчитывалось в регулярной мексиканской армии того времени.

30 марта 1885 года гватемальцы перешли границу Сальвадора, разбив в первом же бою заслон сальвадорских войск у селения Эль-Коко. Сальвадорцы бежали, бросив одну пушку, митральезу и много амуниции. 2 апреля армия Барриоса выдвинулась в район сальвадорского селения Чальчуапа, где окопалась сальвадорская армия. И тут неожиданно примерно в 11 часов утра президента Гватемалы поразила шальная пуля, которую многие называли «мистической». Дело в том, что, по словам очевидцев, Барриос был надежно защищен бруствером окопа от фронтального огня. Скорее всего, его убили сзади или с растущих рядом деревьев¹¹¹.

Однако американский посланник в Гватемале сообщал позднее, что Барриос был убит в бою, когда лично повел свои войска на укрепленные позиции врага¹¹². Несмотря на панику в рядах гватемальцев, сальвадорцы не решились их преследовать.

С гибелью Барриоса погибла и идея центральноамериканского единства. Деморализованная гватемальская армия ушла из Сальвадора, а новый президент отменил знаменитый декрет своего предшественника и освободил из тюрем всех противников убитого президента. Семья Барриоса отправилась в изгнание в Сан-Франциско.

Именно консервативное правительство Никарагуа сыграло ключевую роль в крахе «проекта Барриоса».

Положение сальвадорского президента Сальдивара в собственной стране было очень непрочным – многие считали его предателем. В сальвадорской армии зрел заговор. Восстание против Сальдивара в мае 1885 года поднял соратник Барриоса Менендес. Под его командованием было от трех до четырех тысяч вооруженных сторонников. Первые бои принесли успех повстанцам. Американский посланник в Гватемале, посетивший Сальвадор, отметил, что силы Менендеса «растут с каждым» часом, а общественное мнение страны настроено в его пользу¹¹³.

В июне 1885-го по просьбе Сальдивара и его преемника никарагуанские войска (примерно 1100 человек) вступили на территорию восточных департаментов Сальвадора, что вызвало протест правительства Гватемалы. Даже американцы сочли никарагуанскую интервенцию «неуместной». Однако Никарагуа готовилась направить в Сальвадор еще 500 воен-

¹¹⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. СС. 138.

¹¹¹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 139.

¹¹² FRUS 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

¹¹³ FRUS 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frusl88586.i0011.pdf>).

нослужащих. Тогда и Гватемала стал стягивать к границе с Сальвадором войска – около 4000 человек.

В конце концов, никарагуанская интервенция не помогла, и Менендес стал временным президентом Сальвадора.

Во второй половине 80-х годов сложными оставались никарагуанско-гондурасские отношения, так как в Гондурасе по-прежнему правил сторонник Барриоса Богран. Прессу будоражили периодические сообщения о готовящейся войне между двумя странами. Фактически это было отголоском сохранявшейся напряженности в гватемальско-сальвадорских отношениях, где Никарагуа была на стороне Сальвадора.

Пока консервативные правительства Никарагуа играли роль антинародного жандарма в Центральной Америке, против них росло недовольство в собственной стране. Сама консервативная партия (официально именовавшаяся республиканской) раскололась на два течения: церковников и прогрессистов.

В 1889 году скончался президент страны Карасо, и его четырехлетний срок отбыл до конца Роберто Сакаса, врач по образованию. В 1891-м Сакаса решил опять выставить свою кандидатуру на пост президента, хотя это было запрещено конституцией. Тогда Сакаса передал на короткое время президентские полномочия подставному малоизвестному политику и выиграл президентские выборы 1891 года. Однако это не понравилось ни консерваторам, ни либералам. 28 апреля 1893 года против Сакасы было организовано восстание в гранадском гарнизоне. Восстание поддержали и либералы.

Восставшие заняли Масайю и двинулись на Манагуа. При Ла-Барранке повстанцы разбили правительственные войска. Американский посланник Бейкер предложил свое посредничество в урегулировании конфликта. Летом 1893-го Сакаса был вынужден уступить власть временной хунте под руководством сенатора Мачадо (двух членов хунты назначал Сакаса, трех – повстанцы). Новое правительство было коалиционным: в него вошли и либералы, и консерваторы. Тем самым закончилось тридцатилетие консервативного правления в Никарагуа. Страна вступала в новый, судьбоносный период своей истории.

Глава 2. Интервенция США и борьба генерала Аугусто Сандино: 1893-1934 годы

Пришедший к власти в Никарагуа в 1893 году сорокалетний уроженец Манагуа Хосе Сантос Селайя, как и Барриос, был типичным либералом. В 16 лет он отправился в мекку всех тогдашних либералов – во Францию, где провел шесть лет.

Селайя стремился активно развивать в стране образование, бороться против засилья церкви, поощрять иностранные инвестиции и стоять на страже национального суверенитета. К американцам Селайя относился предупредительно, так как рассчитывал на помощь иностранного, прежде всего американского капитала в развитии страны. К тому же Селайя решил все-таки начать строительство межокеанского канала. И здесь он тоже полагался на инвестиции из США.

Пожалуй, дух правления Селайи лучше всего выразил великий никарагуанский поэт Рубен Дарио, говоривший, что дух никарагуанцев должен быть националистическим внутри страны и космополитичным по отношению к внешнему миру.

После тридцатилетнего правления консерваторов реформы Селайи в Никарагуа носили революционный характер.

Прежде всего, Селайя решил принять новую конституцию, которая сразу вызвала раздражение США. Многие либералы – делегаты конституционной ассамблеи хотели внести в основной закон положения об увеличении налогообложения иностранных компаний в Никарагуа. Дипломатический представитель США в Манагуа Бейкер в октябре 1893 года посетил Селайю и информировал его об «обеспокоенности» иностранного бизнеса. Селайя заверил Бейкера, что «просвещенные» элементы среди делегатов ассамблеи выскажутся против ограничения прав иностранцев, так как это может помешать иммиграции поселенцев в Никарагуа¹¹⁴. Как и большинство либералов, Селайя полагал, что местное население Никарагуа (особенно коренное) якобы по природе лениво и неспособно усвоить все нововведения мировой технической мысли. Поэтому президент делал ставку на привлечение колонистов-иностранцев из США и стран Европы.

В статье 9 конституции говорилось, что иностранцы могут покупать в Никарагуа любую собственность. Статья 10 нового основного закона логично провозглашала, что они должны платить такие же налоги и сборы, как граждане Никарагуа. При этом в случае возникновения споров они не имели права апеллировать к своим правительствам. После авантюры Уокера такое положение конституции для Никарагуа было весьма естественным, но вызвало резкое неприятие иностранного бизнеса в стране.

Но больше всего иностранцев в Никарагуа возмутила статья 12. Там говорилось, что если иностранные граждане обратятся к своим правительствам с «несправедливыми спорными требованиями» по отношению к правительству Никарагуа и если этот спор не будет урегулирован «дружески», то они могут потерять право на пребывание в стране.

И все же делегаты (правда, большинством всего в один голос) приняли спорную статью конституции.

В целом конституция (которую называли «Ла Либеррима» – «либеральная») ознаменовала собой коренной разрыв со всем наследием консервативного правления.

Была ликвидирована система непрямых выборов президента и парламента, а также отменен имущественный ценз для избирателей. Теперь выборы были всеобщими, прямыми и тайными. Конституция декларировала также отмену смертной казни и провозглашала

¹¹⁴ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

основные права и свободы человека. В стране впервые была закреплена свобода вероисповедания, и образование стало носить исключительно светский характер. Была расширена автономия муниципалитетов¹¹⁵.

К концу первого срока своего президентства Селайя направлял на народное образование до 10 % бюджета страны¹¹⁶. При нем было построено 140 государственных школ.

Был легализован развод и признаны гражданские, то есть заключенные без посредничества церкви, браки. В 1899 году Селайя конфисковал всю церковную недвижимость.

Хотя многие положения конституции так и остались на бумаге, но для своего времени (и тем более для Латинской Америки) это был весьма прогрессивный документ. Правда, всего через девять месяцев после торжественного принятия положения новой конституции были временно приостановлены и в стране ввели осадное положение, действовавшее до февраля 1896 года. К 1905 году были фактически ликвидированы многие права и свободы, и Селайя, по сути, правил страной как диктатор.

В какой-то мере все эти шаги были вынужденными. Серьезные преобразования Селайи вызвали яростное сопротивление консерваторов, церкви и иностранного капитала.

Например, еще в конце 1893 года Селайя объяснял американскому посланнику аресты своих оппонентов и введение осадного положения тем, что в стране в розыске находится 3-4 тысячи единиц оружия, а арестованные (всего пять человек) готовили вооруженное восстание. Американец счел такое объяснение резонным¹¹⁷.

В то же время Селайя в 1899 году добился принятия закона против бродяжничества. Согласно этому документу все люди на селе и в городе были обязаны работать. Таким образом Селайя заботился о том, чтобы владельцы плантаций кофе (основного экспортного товара Никарагуа) всегда могли иметь резерв дешевой рабочей силы. По новому закону все индейцы должны были определенное количество дней в году отработать в поместьях, где выращивались экспортные культуры, или на предприятиях по развитию инфраструктуры, которые поддерживались правительством. Третьим вариантом было поступление на военную службу.

Еще в 1894 году был принят закон, по которому так называемые сельские судьи могли заставить работать любого никарагуанца старше 14 лет. В 1898-м были введены трудовые книжки.

Селайя даже организовал специальную сельскую полицию, которая следила за тем, чтобы рабочие не покидали кофейные плантации и вели себя смирно.

В 1906 году Селайя сделал то, чего так и не смогли добиться консерваторы: он отменил юридическую защиту общинного индейского землевладения. Теперь кофейные магнаты могли расширить свои плантации за счет индейских земель.

Селайя ориентировался на превращение Никарагуа в лидирующего экспортера таких сельскохозяйственных культур, как кофе, а позднее бананов. Его политика по раздроблению общинного землевладения привела, с одной стороны, к росту производства технических экспортных культур, а с другой – к падению сборов основных продовольственных сельскохозяйственных культур в стране. Никарагуа пришлось импортировать продовольствие, в частности пшеницу. И такое положение дел сохраняется по сей день.

Количество мелких производителей при Селайе сократилось, зато выросло крупное плантационное хозяйство.

¹¹⁵ Baracco L. Nicaragua: The Imaging of a Nation From Nineteenth-Century Liberals to Twentieth-Century Sandinistas. Algora Publishing, 2005. P. 37.

¹¹⁶ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 32.

¹¹⁷ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

Селайя исходил из того, что мировые цены на кофе начиная с 1890 года стали расти. Следовательно, наращивание экспорта этой культуры могло (за счет таможенных пошлин) дать правительству либералов необходимые средства для модернизации страны, прежде всего ее образования и транспортной инфраструктуры.

В результате разгрома общинного землевладения 30 крупных латифундистов получили при Селайе 1,3 миллиона гектаров земли¹¹⁸. В стране появилась сезонная безработица, – ведь цикл производства кофе, как и любой сельскохозяйственной культуры, носил сезонный характер. Когда работы не было, тысячи бывших мелких землевладельцев, теперь лишенных земли, наводняли города, усугубляя тем самым их проблемы.

Правда, Селайя стремился поощрять и мелких фермеров выращивать кофе. Правительство давало им кредиты, субсидии и разрешало бесплатно транспортировать этот товар по государственным железным дорогам. Многие фермеры стали отказываться от производства традиционных бобов и кукурузы и переходить на выращивание кофейных деревьев. Однако большинство правительственных субсидий доставалось всего 57 латифундистам – все они были сторонниками Селайи и либералами¹¹⁹.

Такая политика оказалась близорукой, потому что Никарагуа стала заложником резкого колебания мировых цен на кофе. А планы Селайи сделать Никарагуа ведущим экспортером этого продукта в мире оказались иллюзорными. Уже в конце XIX века мировые цены благодаря громадным объемам производства стала определять Бразилия. К тому же кофе в то время был еще в какой-то мере продуктом роскоши в Европе и США, и спрос на него сильно колебался в зависимости от экономического положения этих стран. Любой экономический кризис немедленно приводил к существенному сокращению потребления кофе в развитых странах.

Если крупные (особенно иностранные) плантационные хозяйства еще могли пережить колебания цен на мировом рынке, то для многих мелких фермеров это означало неминуемое разорение, и они продавали свои участки и пополняли ряды рабочих на кофейных плантациях латифундистов.

К тому же сами крупные компании скупали продукцию мелких фермеров по дешевке и тем самым снижали их и без того не слишком высокие доходы.

Как только Селайя пришел к власти, он немедленно объявил о намерении ввести налог на производство кофе, как это уже было сделано в соседней Коста-Рике.

К этому Селайю вынуждала тяжелая финансовая ситуация в стране, которая была наследием тридцатилетнего правления консерваторов и общей неразвитости Никарагуа. 1 июля 1894 года Никарагуа оказалась не в состоянии произвести очередной полугодовой платеж по обслуживанию внешнего долга в размере 8500 фунтов стерлингов. Правительство попыталось занять на внутреннем рынке 500 тысяч песо, но не смогло представить кредиторам никакого залога. Селайя не смог даже погасить внутренние облигации в объеме 428 тысяч песо, которые в 1891 году выпустил Сакаса под залог таможенных платежей и под громадные по тем временам проценты – 12 %. Любой владелец облигаций на 100 долларов имел право с учетом процентов по ним и дисконта при их продаже на 138 долларов. Под эти облигации было заложено 40 % всех таможенных сборов страны¹²⁰.

Каждый владелец облигаций мог прийти с ними на таможню и получить освобождение от уплаты импортных пошлин, что еще больше подрывало и без того не слишком богатую никарагуанскую казну. Селайя был вынужден заявить, что до 1896 года эти облигации

¹¹⁸ *Habib-Mintz N.* Food Insecurity in Nicaragua. См.: <http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilas/ilassa/2004/habibmintz.pdf>.

¹¹⁹ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010.

¹²⁰ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

погашаться не будут. Все импортеры отныне были обязаны платить таможенные пошлины наличными.

Однако и местный, и американский бизнес решительно выступил против этих планов правительства, и Селайе пришлось пойти на компромисс. Погашение бондов было возобновлено, но скидка по ним при импортных таможенных пошлинах давалась только в размере 30 % от стоимости облигации. Остальные 70 % надо было все же платить в бюджет наличными. К тому же процент по облигациям сокращался вдвое – до обычных в то время по всему миру 6 %.

Реструктуризация долга вынудила Селайю пойти на крайне непопулярную меру – выпустить в обращение бумажные деньги на 500 тысяч песо, которым никарагуанцы традиционно не доверяли.

Интересно, что при недостатке в Никарагуа собственного серебра (и тем более золота) в качестве своего рода и внутренних «твердых» денег и конвертируемой валюты ходили серебряные перуанские соли. В них, например, взимался экспортный налог на кофе: 2 серебряных соля на 100 фунтов кофе. Урожай 1895 года ожидался в объеме 150000 мешков по 100 фунтов каждый. Однако Никарагуа была заложником господствовавшего в то время в мире золотого стандарта. Серебро было сильно недооценено по сравнению с золотом, а именно на золото приходилось покупать основные импортные товары. Получалось, что при дальнейшем падении серебра относительно золота никарагуанцам приходилось бы продавать все больше и больше кофе для обеспечения обычного объема импорта.

В этом тяжелом финансовом положении Никарагуа кроется еще одна причина, заставившая Селайю подчас крутыми мерами наращивать экспорт кофе – президент во что бы то ни стало хотел добиться финансовой независимости страны от внешних кредиторов, за которыми обычно маячили иностранные канонерки и морская пехота.

Селайя, как и Барриос, поддерживал либералов в соседних странах и предоставлял им политическое убежище в Никарагуа. Уже в конце 1893 года это едва не привело к войне с Гондурасом, хотя американский представитель в Манагуа считал, что вина за обострение двусторонних отношений лежит именно на Гондурасе, в то время как политика Селайи оценивалась как миролюбивая¹²¹. 30 октября 1893 года гондурасский конгресс уполномочил исполнительную власть объявить войну Никарагуа в любой момент. Гондурас предложил Сальвадору присоединиться к военному союзу против Никарагуа.

Никарагуа перебросила на гондурасскую границу 1200 солдат и офицеров. Был объявлен принудительный заем на 400 тысяч долларов с целью финансирования возможной войны, причем от этого налога освобождались все иностранные предприниматели.

В декабре 1893 года около 1600 гондурасских эмигрантов перешли границу между Гондурасом и Никарагуа с целью свержения гондурасского президента Васкеса. Никарагуанская армия (примерно три тысячи бойцов) стояла на границе в полной боевой готовности. Никарагуа признала повстанческое правительство Гондураса во главе с Поликарпо Бонильей¹²². Вскоре никарагуанская армия во главе с вице-президентом Ортисом тоже вторглась в Гондурас и заняла юго-запад страны.

В какой-то мере Селайя возвращал гондурасским либералам долг: гондурасские эмигранты в июле 1893 года помогли восставшим либералам в самой Никарагуа разбить правительственные войска и прийти к власти.

В январе 1894 года Васкес был свергнут (он через Сальвадор бежал в США), и при помощи никарагуанской армии в Гондурасе пришло к власти либеральное правительство.

¹²¹ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

¹²² FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

Возвращавшиеся домой никарагуанские войска были встречены мощными восторженными демонстрациями в главных городах страны.

Поддержка Селайи со стороны США в никарагуанско-гондурасском конфликте объяснялась в основном прагматическими соображениями: американские бизнесмены активно инвестировали в производство кофе неподалеку от гондурасской границы, и США не были заинтересованы в продолжительной войне между двумя этими странами, а тем более в победе Гондураса.

В 1894 году, ободренный успехом в короткой войне с Гондурасом, Селайя решил наконец-то покончить с автономией, а на самом деле фактической независимостью Москитии. В этот регион были введены никарагуанские войска, автономия была ликвидирована, и Москития стала обычным никарагуанским департаментом. 20 ноября 1894-го совет местных жителей объявил о признании суверенитета Никарагуа. Селайя и не предполагал, что именно этот шаг приведет в конечном итоге к его свержению.

Большинство жителей Москитии отнеслись к новому статусу их региона весьма негативно. Местная негритянская аристократия и индейские вожди щедро раздавали иностранным предпринимателям (в основном американцам) концессии на вырубку ценных пород дерева и добычу золота. Американцев такое положение дел более чем устраивало, так как они не платили фактически никаких налогов и пошлин. Непроходимые болотистые леса отделяли Москитию от остальной Никарагуа, и все товары в этот регион доставлялись в основном из США. В Москитии был распространен английский язык и выходили англоязычные газеты. Введение никарагуанских войск многие в регионе восприняли как оккупацию.

Селайя установил никарагуанский суверенитет в Москитии еще и потому, что это был единственный регион в Никарагуа, где добывалось золото. С помощью этого золота Селайя рассчитывал, наконец, вывести Никарагуа из сложной финансовой ситуации и расплатиться по внешним долгам.

Несмотря на почти полное отсутствие в Москитии транспортных коммуникаций, в 90-е годы XIX века в регионе началась активная добыча золота. Благородный металл добывался в основном на двух месторождениях – Пис-Пис и Сиуна, расположенных в 15 милях друг от друга и 70 милях от побережья Карибского моря¹²³. Сиуна принадлежало американской компании «Ла Лус и Лос Анхелес» («Свет и ангелы» по-испански). Все горнодобывающее оборудование было американским и доставлялось в тяжелых условиях по рекам и на мулах с побережья. За компанией стояли влиятельные деловые круги США.

Американцы были встревожены присоединением Берега Москитов к Никарагуа. К 1894 году они инвестировали в регион 2 миллиона долларов и зарабатывали там путем чудовищной эксплуатации местного населения до 4 миллионов долларов ежегодно.

90–95 % торговли Москитии шло через Блуфилдс и контролировалось американскими бизнесменами. Вообще, со стороны Блуфилдс походил тогда на типичный американский городок.

Столь высокоприбыльным бизнес был еще и потому, что американцы в регионе почти не платили никаких налогов и пошлин. Селайя был известен американцам как человек, стремящийся извлечь из предпринимателей как можно больше налогов и сборов. К тому же излишне независимый президент мог и пересмотреть благоприятные для иностранцев условия концессионных договоров.

От имени международного бизнеса в регионе выступал американец Сэмюэл Вейл, который импортировал в регион спиртные напитки из Нового Орлеана на льготных условиях и был связан с еврейским бизнес-сообществом Юга США.

¹²³ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

Американские бизнесмены пожаловались посланнику США в Манагуа Бейкеру на государственный дирижизм и «милитаризм» новой никарагуанской администрации. Дело дошло до того, что американские бизнесмены единодушно отклонили предложение никарагуанского губернатора принять участие в работе новых органов власти в департаменте. Любого, кто согласился бы на это предложение, сочли бы ренегатом. Новым властям, по сути, объявили бойкот. Когда чиновник министерства финансов Никарагуа в 1895 году посетил центр Москитии Блуфилдс, у него создалось впечатление, что в городе не признают суверенитет Никарагуа, а законы страны «остаются мертвой буквой»¹²⁴. В Москитии процветала контрабанда, причем переправлялась она через причалы и хранилась на портовых складах, которые принадлежали иностранцам, в том числе и упомянутому выше Вейлу.

Тем не менее в 1895 году Вейл стал мэром Блуфилдса, а годом позже – акционером основной золотодобывающей компании «Ла Лус и Лос Анхелес». Уже этот факт ясно говорит о том, что Селайя не был ярким врагом американского бизнеса как такового.

Но американцев не устраивала введенная Селайей система формализованных концессий, хотя она была достаточно выгодной для бизнеса. Правительство Никарагуа предоставляло той или иной компании право вести определенную деятельность на той или иной территории. В обмен на это право обычно выплачивалось первоначальное разовое возмещение, а затем ежегодные роялти. К тому же концессионер мог беспошлинно возить все необходимое для его деятельности оборудование и продовольствие.

Такая практика была общемировой. Даже американский посланник в Манагуа признавал, что бизнесмены экономят на отмене импортных пошлин гораздо больше, чем платят денег в виде роялти. И все же при «независимой» Москитии можно было вести коммерческую деятельность еще вольготнее – иногда без всяких концессий. А вся торговля была до 1894 года вообще чистой контрабандой.

Селайя часто раздавал концессии тем компаниям, которые были связаны с его друзьями по либеральной партии. Это было своего рода платой за сохранение в стране внутреннего мира. Не гнушался президент и личным участием в некоторых коммерческих предприятиях.

Введенные Селайей налоги и пошлины, а также то, что концессии не всегда попадали американцам и часто носили эксклюзивный характер, – все это настроило американское бизнес-сообщество Москитии против никарагуанского президента.

Бизнесмены, как могли, пытались обойти новые законы. Например, они активно продавали беспошлинно ввезенные для своих концессий товары на местных рынках, что было запрещено. Но со временем американцы в Москитии стали подумывать о том, что неплохо было бы заменить Селайю более сговорчивым президентом.

В апреле 1894 года Селайя дал указание никарагуанскому посланнику в Вашингтоне поставить перед США вопрос о проведении новых переговоров по строительству трансокеанского канала¹²⁵. К тому времени американцы уже создали частно-государственную компанию по прокладке канала («Маритим Кэнал Компани»; до 1889 года лицензия принадлежала другой американской компании)¹²⁶. Но она, имея лицензию никарагуанского правительства, абсолютно ничего не делала. В 1884 году лицензию отозвали, но потом возобновили.

Правда, изыскательские работы начались после 1887 года, а в 1890-м в Сан-Хуан-дель-Норте были построены пирсы и склады для приема строительного оборудования. Компания проложила 70 миль телефонных и телеграфных линий. В Сан-Хуан-дель-Норте начали при-

¹²⁴ См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹²⁵ FRUS, 1893-1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frusl894a.i0026.pdf>).

¹²⁶ Компания была основана в 1889 году, и ее устав утвердил конгресс США. Компания имела право выбрать Панаму или Никарагуа в качестве места прокладки межокеанского канала. Выбор был сделан в пользу Никарагуа.

бывать оборудование и строительная древесина. Предполагалось, что канал войдет в строй к 1897 году и его стоимость не превысит 90 миллионов долларов.

США охватила «никарагуанская лихорадка», напоминающая калифорнийскую золотую 1848 года. В 1892 году в Калифорнии состоялась Национальная конвенция для обсуждения вопроса строительства никарагуанского канала. Делегаты отбирались конгрессменами и сенаторами от каждого штата. Конвенция обратилась к конгрессу США с просьбой помочь строительству канала деньгами. Граждан США призвали активно скупать акции компании: ведь всего через пять лет канал начнет давать прибыль. На акции обещали как минимум 6 % годовой прибыли.

Но в 1893 году произошла очередная паника на американских фондовых биржах, и компания лишилась всех своих источников финансирования.

Президент Никарагуа стал оказывать на компанию давление и, в конце концов, отозвал ее лицензию. Селайю такое положение дел устроить, конечно, не могло. Американский госдепартамент подтвердил необходимость канала, который должен был строиться «под эгидой» США и в интересах всех стран Западного полушария. При этом Селайю попросили оставить компанию в покое.

Однако шаги Селайи в Москитии и по вопросу канала произвели на Вашингтон крайне неблагоприятное впечатление. Именно с этого момента в США стали подумывать об устранении неудобного никарагуанского президента и о прокладке канала в ином месте, вне территории Никарагуа.

С 1878 года строительством канала в Панаме занималась французская компания Фердинанда Лессепса, имевшая лицензию колумбийского правительства. Реальные строительные работы начались в 1882 году. Американцы следили за этим с явным неудовольствием. В 1889-м компания Лессепса обанкротилась и к 15 мая этого года прекратила все операции. Она успела построить 40 % канала (ценой жизни примерно 22 тысяч рабочих), на что было затрачено 235 миллионов долларов.

20 октября 1894 года была организована «Новая компания Панамского канала», также французская. Канал по новому договору с колумбийским правительством должен был быть введен в эксплуатацию к 1900 году. Однако у новой компании не было достаточных средств, и она открыто искала покупателя всего проекта за 109 миллионов долларов. Американцы хотели купить компанию Лессепса и, в конце концов, сделали это.

Естественно, Селайя не понимал, чем же в таком случае занимаются американцы в Никарагуа. Президент справедливо подозревал США в том, что они просто держат эксклюзивное право на постройку канала в Никарагуа, чтобы не пустить туда иностранных конкурентов, которые могли бы поставить под вопрос прокладку канала в Панаме. Сами же американцы, по мнению Селайи, видимо, хотели перекупить французскую компанию по дешевке. В противном случае бездействие американцев в Никарагуа на фоне активной деятельности французов в Панаме объяснить было трудно.

24 апреля 1895 года президент США Кливленд назначил специальную комиссию во главе с полковником Ладлоу, чтобы определить экономическую целесообразность строительства канала через территорию Никарагуа. Выводы комиссии были довольно туманными, но призывали существенно пересмотреть условия строительства канала. Преемник Кливленда Маккинли в 1897 году назначил новую комиссию (Nicaraguan Canal Commission) во главе с контр-адмиралом Уокером.

Конкурентами канала оказались американские же железнодорожные компании, которые предпочитали прокладку железной дороги от атлантического до тихоокеанского побережья Никарагуа. Железнодорожное лобби убеждало американцев, что сооружение канала

будет нарушением англо-американского договора Клейтона – Бульвера¹²⁷. К тому же на канал позарятся иные морские державы (включая Германию и Россию), и США придется вести из-за него войну.

В марте 1899 года комиссия Уокера представила свой доклад. По нему стоимость канала оценивалась уже в 118 миллионов долларов (без учета процентов по кредитам, дивидендов на акции и расходов на управление проектом). 15 декабря 1899 года был учрежден специальный комитет конгресса США по трансокеанскому каналу, который должен был сделать окончательный выбор относительно места прокладки этой важнейшей транспортной магистрали.

18 ноября 1901 года был заключен новый американо-британский договор (договор Хэя – Понсефоте), по которому США уже не нуждались в согласии Великобритании на строительство трансокеанского канала в Центральной Америке. Если по договору Клейтона – Бульвера канал должен быть нейтрализованным и открытым для судов всех стран даже во время войны, то по новому документу США разрешалось строить в зоне канала укрепления, держать войска. Правда, ни одна из сторон не могла захватить зону канала силой. Англичане пошли на уступки, так как уже тогда считали своим основным противником Германию и были заинтересованы в дружеских отношениях с США.

Наконец, после горячих дебатов 15 июня 1902 года конгресс США решил, что канал должен строиться на Панамском перешейке.

Между тем к концу XIX века Селайя стал раздражать официальный Вашингтон своими попытками поставить под жесткий контроль правительства американских бизнесменов в стране (особенно в Москитии), и неуступчивостью в вопросах строительства трансокеанского канала. Американские газеты стали писать о диктаторских замашках Селайи, хотя тот не делал ничего такого, что было бы из ряда вон выходящим в политической практике Латинской Америки того времени.

Американские бизнесмены в Москитии сделали ставку на местного губернатора генерала Хуано Пабло Рейеса, который был назначен в регион в 1896 году и снискал уважение тамошних янки. Рейес поощрял золотодобычу, модернизировал гавань Блуфилдса. Губернатор активно боролся против ведения на территории своего департамента выпущенных Селайей бумажных денег – ведь американцы предпочитали серебряную монету или доллары.

За три года пребывания в должности Рейес, по его собственным данным, перевел в Манагуа около 450 тысяч долларов налогов и сборов. Он был не прочь оставить эти деньги у себя. Такой же точки зрения придерживались и местные американские бизнесмены. Они ожидали, что если Рейес свергнет Селайю, то налоги и таможенные сборы будут снижены.

Мятеж Рейеса вспыхнул 4 февраля 1899 года. Селайя попросил президента США направить в Сан-Хуан-дель-Норте военный корабль¹²⁸. Видимо, он думал, что за путчем Рейеса стоят англичане, не смилившиеся с утратой суверенитета над Москитией. Уже 10 февраля 1899 года в Сан-Хуан-дель-Норте был направлен корабль ВМС США «Мариэтта» (он прибыл в порт 16 февраля). Вскоре прислали свой корабль и британцы.

Одновременно, чтобы лишить Рейеса его главного источника финансирования – торговли, правительство Никарагуа заявило о немедленном закрытии всех портов атлантического побережья. Американцы, правда, придерживались мнения, что их коммерческих судов это не касается.

¹²⁷ Действительно, еще в 1894 году в палате общин британского парламента был сделан депутатский запрос о совместимости канала в Никарагуа с положением договора.

¹²⁸ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frasl899.i0025.pdf>).

Рейес в своей прокламации торжественно заверил, что американцы от внутриникарагуанского конфликта не пострадают. Посланник США в Манагуа «с сожалением» сообщал, что большое количество американских граждан помогают Рейесу¹²⁹. Американский консул в Блуфилдсе предостерег граждан США от участия в «революции», но тех это никак не смутило.

Путчисты попытались устроить «революцию» и на граничащем с Москитией побережье Гондураса. Это привело лишь к тому, что правительство Гондураса предоставило в распоряжение Селайи канонерскую лодку.

Успех мятежа зависел от способности Рейсеса перебросить лояльные ему силы по реке Сан-Хуан через озеро Никарагуа в консервативную Гранаду, которую он хотел сделать своим опорным пунктом. Под началом Рейеса к моменту мятежа было не более 300 человек (включая 20 американцев), и ему требовалось действовать быстро, чтобы не дать Селайе возможности перебросить в Москитию регулярные воинские части. Стараниями американских бизнесменов в распоряжении Рейеса оказалось около 5 тысяч современных винтовок и достаточное количество боеприпасов к ним¹³⁰. Личная охрана лидера мятежников состояла из американцев.

В Новом Орлеане готовился к отплытию в Блуфилдс пароход с американскими наемниками.

Рейес умел быть благодарным. Как только он взял власть в Блуфилдсе, были немедленно снижены до уровня 1894 года налоги и пошлины. Это с удовлетворением отметили газеты в Новом Орлеане.

К 16 февраля 1899 года путчисты заняли Сан-Хуан-дель-Норте и готовились к продвижению вглубь страны. Консерваторы подняли мятеж неподалеку от Гранады и ждали подхода Рейеса. Если бы их силы соединились, то страну как минимум ожидала бы серьезная гражданская война.

Однако путчисты продержались только 20 дней, в течение которых американские бизнесмены в Москитии платили налоги и пошлины «правительству Рейеса» (потом они, конечно, утверждали, что делали это принудительно). К 24 февраля мятеж провалился. Рейес и начальник его личной охраны американец Кеннеди бежали из страны. В руки правительственных сил попали 42 мятежника – все граждане США. Никарагуанцы разрешили им свободно покинуть страну.

Во время мятежа в плен попал молодой полковник Адольфо Диас. Его посадили в тюрьму, но Селайя помиловал этого человека, что сыграло в истории Никарагуа роковую роль. Американцы пристроили Диаса – он стал бухгалтером в золотодобывающей компании «Ла Лус и Лос Анхелес».

Примечательно, что, пока происходил мятеж, в конгрессе США обсуждался специальный закон о никарагуанском канале, дававший президенту США полномочия купить любую часть территории Никарагуа и Коста-Рики, необходимую для строительства канала. Причем в версии закона палаты представителей конгресса речь шла даже о возможности купить всю Никарагуа.

Новый губернатор бывшей Москитии сообщал Селайе, что выступление Рейсеса было организовано и профинансировано американскими бизнесменами во главе с Сэмюэлем Вейлем. Селайя объявил все платежи самозваному правительству Рейеса недействительными и потребовал внести их в никарагуанскую казну. Бизнесмены протестовали против этого

¹²⁹ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frus1899.i0025.pdf>).

¹³⁰ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frus1899.i0025.pdf>).

«произвола» тем, что, по совету консула США, закрыли свои магазины и задрапировали их американскими флагами¹³¹.

Вашингтон стал оказывать на Селайю мощное дипломатическое давление, подкрепленное присутствием американского военного корабля в Блуфилдсе. Селайе пришлось отказаться от своего требования, но он попытался поднять пошлины в том же 1899 году, чтобы все-таки компенсировать 600 тысяч долларов, затраченных правительством на подавление мятежа.

В целом американский бизнес не особо пострадал от мятежа Рейеса. В начале XX века на ведущих золотых шахтах Москитии, по некоторым оценкам, добывалось золота на 50 тысяч долларов в год. Золото стало второй после кофе статьей никарагуанского экспорта.

В 1899 год у «зеленое чудовище» – американская компания «Юнайтед Фрут» заключила договоры о скупке бананов у местных производителей и фактически стала контролировать торговлю этим товаром в Никарагуа.

Мятеж в Блуфилдсе многому научил Селайю. Отныне он старался давать концессии в регионе не только американским фирмам. Например, концессию на вырубку леса получили итальянцы. Швейцарцам доверили заниматься производством каучука. Испанская компания выполняла для правительства типографские работы¹³². Селайя решил также добиться получения иностранного кредита для постройки железной дороги между восточным и западным побережьями страны.

Между тем дело со строительством трансокеанского канала никак не продвигалось.

В 1898 году Селайя предоставил концессию американским бизнесменам Эдварду Грэгину и Эдварду Эйру, которые основали компанию «Интеросеаник Кэнал Компани». Но и эти бизнесмены не смогли найти необходимый капитал, и Никарагуа разорвала концессионный договор. При этом Селайя удержал внесенный компанией залог в размере 10 тысяч долларов.

Селайя, однако, настойчиво продолжал переговоры с США о заключении более или менее равноправного договора о строительстве канала. Был разработан проект договора, согласно которому Никарагуа сохраняла суверенитет над зоной будущего канала, приобретала исключительное право на торговлю в этой зоне и получала в качестве единовременной выплаты за разрешение на строительство 6 миллионов долларов. Госдепартамент счел такой проект не отвечающим интересам США, и он был отклонен. В декабре 1901 года переговоры прекратились, что вызвало понятное недовольство Селайи.

Американцев тревожили попытки Селайи пойти по стопам Барриоса и укрепить сотрудничество центральноамериканских стран. Селайя смог в 1901 году собрать в никарагуанском городе Коринто глав Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики с целью возможного объединения этих государств¹³³. В январе 1902 года в Коринто был подписан договор между центральноамериканскими государствами (за исключением Гватемалы, которая присоединилась к договору позднее) о мирном разрешении споров между ними. Договором был установлен принцип обязательного арбитража при возникновении споров между странами Центральной Америки. Орган арбитража (суд) состоял из представителей всех государств – участников договора.

В августе 1904 года Селайя снова собрал глав центральноамериканских государств в Коринто. На этот раз президенты договорились оказывать друг другу вооруженную помощь в случае попыток насильственного свержения власти в той или иной стране.

¹³¹ *Gismondi M., Mouat J.* Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹³² *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 33.

¹³³ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 144.

Для Селайи это положение было очень важным, так как консерваторы не прекращали попыток свергнуть никарагуанского президента насильственным путем. В 1903 году во время очередного заговора был взорван пороховой склад. Терпение Селайи лопнуло – если раньше он заключал своих политических противников в тюрьмы или высылал из страны, то на сей раз несколько участников мятежа были расстреляны. В 1905 году Селайя провел изменение конституции, которое давало ему право переизбираться президентом неограниченное количество раз.

В 1904 году Гондурас и Никарагуа решили передать вопрос об определении границ между ними в районе бывшей Москитии на третейский суд испанского короля Альфонса XIII. В 1906 году было вынесено решение в пользу Гондураса, но Селайя не спешил выводить войска со спорной территории.

1903 год был переломным в американо-никарагуанских отношениях. В этот год американцы (семь местных заговорщиков и четыре американских офицера) устроили переворот в Панаме (чья независимость была провозглашена 4 ноября 1903 года; американский военный корабль не дал колумбийским войскам разгромить немногочисленных сепаратистов), отделили ее от Колумбии и решили строить канал через территорию именно этой марионеточной страны.

Никарагуа, в свою очередь, решила переориентироваться на Европу. В 1905 году Селайя добился заключения договора с Англией, по которому та признавала никарагуанский суверенитет над Москитией. Порт Сан-Хуан-дель-Норте прекращал быть свободным (то есть открытым для судов всех стран без специального разрешения правительства Никарагуа).

В 1906 году американцы бросили вызов Никарагуа в Центральной Америке. Возник конфликт между Гватемалой и Сальвадором (гватемальский президент Мануэль Эстрада Кабрера был консерватором и ярым противником Селайи в борьбе за региональное лидерство). Гондурас и Никарагуа поддержали сальвадорцев. Однако США заставили обе страны обратиться в Вашингтон за посредничеством, что было нарушением соглашения Коринто об арбитраже от 1902 года. Селайя отказался признать достигнутое при поддержке США соглашение, подписанное на борту американского крейсера «Марблхед»¹³⁴.

Селайя оказывал поддержку эмигрантам-гондурасцам, которые хотели свергнуть президента своей страны Бонилью, ставшего фактическим диктатором. В декабре 1906 года гондурасские либералы начали военные действия недалеко от никарагуанской границы.

Сначала 30-тысячная гондурасская армия разбила повстанцев, и Бонилья потребовал у Селайи разрешения преследовать их на никарагуанской территории. Тот отказался (при этом отдав приказ не допускать вторжения вооруженных групп гондурасских эмигрантов с территории Никарагуа), и Бонилья велел своим войскам перейти границу и начал вооружать никарагуанских эмигрантов-консерваторов.

8 февраля 1907 года гондурасцы напали на никарагуанские войска на территории самой Никарагуа. Никарагуанские солдаты думали, что произошла ошибка, и пытались дать понять гондурасцам, что те находятся на чужой территории. Однако гондурасская армия разбила слабый никарагуанский пограничный заслон, захватила городок Лос-Кальпулес и подожгла его, расстреляв двух никарагуанских солдат, захваченных в плен.

Никарагуанцы потребовали компенсировать ущерб и задействовать для мирного разрешения спора подписанный в 1902 году в Коринто договор.

Госсекретарь США Рут попытался навязать Никарагуа американский арбитраж, но Селайя отказался соглашаться на него до тех пор, пока Гондурас не компенсирует причиненный войной ущерб. Американцы старались подключить к посредничеству Мексику (зная

¹³⁴ Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 419.

симпатии Селайи к этой стране), но мексиканский президент Диас ответил, что переговоры должны происходить только на базе соглашений Коринто. Однако такой вариант означал бы дипломатический успех Селайи и поэтому был для американцев неприемлемым.

Мексиканцы попросили посредничать Гватемалу, Коста-Рику и Сальвадор, но миссия этих стран успеха не имела, во многом потому, что каждая из них имела свои интересы в гондурасско-никарагуанском конфликте.

После краха планов об арбитраже гондурасские войска опять атаковали никарагуанские пограничные селения, но были отбиты. При этом гондурассцами командовал никарагуанский эмигрант, лидер консерваторов Эмилиано Чаморро.

Между тем никарагуанская армия тремя колоннами перешла в успешное контрнаступление 18 февраля 1907 года. Центральная группировка быстро захватила считавшуюся неприступной укрепленную позицию гондурасской армии Сан-Маркос-де-Клон, которую называли «гондурасским Порт-Артуром». Никарагуанские ВМС вышли из Блуфилдса и захватили гондурасские порты Трухильо и Пуэрто-Кортес, лишив противника снабжения извне.

Бонилья призвал на помощь сальвадорские войска, и о симпатиях к Гондурасу заявила Гватемала. Мексиканцы стали опасаться, что армии трех стран могут свергнуть Селайю и это приведет к установлению гегемонии США в регионе. Именно поэтому мексиканцы стали настойчиво советовать Селайе прекратить боевые действия. В то же время в Вашингтоне мексиканский посланник защищал Никарагуа. Но в марте 1907 года правительственная армия Гондураса была разбита гондурасскими либералами и никарагуанскими войсками, во многом потому, что впервые в военных действиях в Латинской Америке были использованы пулеметы «максим».

Решающая битва произошла 17-23 марта 1907 года у селения Намасиге, где никарагуанцев поджидала совместная гондурасско-сальвадорская группировка (сальвадорский контингент насчитывал 4000 человек). Никарагуанцы уступали союзникам численностью в четыре раза. В результате упорных боев, в которых никарагуанцы проявили массовый героизм, союзники были разбиты и в панике бежали. Это сражение и решило исход всей войны.

Победа Селайи была тем более впечатляющей, если учесть, что население Никарагуа в тот момент составляло примерно полмиллиона человек, в то время как в Гондурасе жило 1,4 миллиона.

Американцы сочли, что Селайя, как до него Барриос, хочет стать военным лидером всей Центральной Америки. Чтобы помешать никарагуанцам, американская морская пехота высадилась в гондурасском порту Пуэрто-Кортес под предлогом обеспечения свободной торговли бананами. ВМС США фактически помешали никарагуанцам добить Бонилью в его последнем оплоте – Амапале в заливе Фонсека. Американцы без согласия Селайи взяли на себя функцию посредника и спасли Бонилью, предоставив ему убежище на своем корабле.

Селайя справедливо счел, что американцы украли у никарагуанской армии победу.

Американцы навязали Гондурасу переходное правительство во главе с генералом Мигелем Давилой. Давила слыл либералом, но Селайя не доверял ему, считая взгляды генерала проамериканскими. Поэтому никарагуанский президент договорился с сальвадорским о том, чтобы совместными усилиями убрать Давилу с его поста.

Соединенные Штаты всерьез боялись, что никарагуанская армия настолько сильна, что может с опорой на либеральные круги различных стран региона силой восстановить центральноамериканскую федерацию.

Теодор Рузвельт (один из самых милитаристски настроенных президентов США, лично участвовавший в испано-американской войне 1898 года, которая привела к американской оккупации Кубы и Филиппин) решил примерить на себя тогу миротворца. В конце 1907 года в Вашингтон были приглашены представители всех центральноамериканских респуб-

лик, чтобы выработать механизм мирного разрешения споров. Таким образом, США как бы дезавуировали соглашения в Коринто 1902 года, которые были подписаны по инициативе Селайи. В качестве коспонсора конференции американцы привлекли мексиканский диктаторский режим Диаса.

В ходе конференции был подписан Договор о мире и дружбе между центральноамериканскими государствами, а также Конвенция о создании центральноамериканского арбитражного суда для мирного разрешения споров (местонахождение – город Картаго, Коста-Рика)¹³⁵. Была также подписана конвенция о взаимной выдаче преступников. Реальный смысл этого документа состоял в предотвращении деятельности оппозиционных эмигрантских групп в Центральной Америке. И в этом плане он связывал руки прежде всего Селайе, который мог опираться на широкое либеральное движение в каждом из центральноамериканских государств, так как либералы региона рассматривали Селайю как своего естественного лидера.

На конференции в Вашингтоне американцы объявили, что не будут признавать правительства региона, которые придут к власти путем революции. И это был явный удар по Никарагуа, считавшейся базой для всех революционеров-либералов региона.

Американцам удалось добиться принятия специального положения договора, который предусматривал нейтралитет Гондураса в любом центральноамериканском вооруженном конфликте. Обычно Гондурас был союзником Никарагуа, поэтому и этот довольно странный пассаж был направлен против Селайи. К тому же никарагуанская армия могла силой установить центральноамериканское единство только через территорию Гондураса. Во все остальные республики никарагуанцы могли попасть лишь морем, а там безраздельно господствовал американский флот.

В 1904 году президент Рузвельт («имперский президент», как его до сих пор величают в США) сформулировал свою «поправку» к доктрине Монро. США взяли на себя непрощенное обязательство вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран, если те не могли выплатить свои долги иностранным государствам. Мол, дефолт той или иной страны может привести к вмешательству кредиторов-европейцев с опорой на вооруженные силы неамериканских государств, что противоречит доктрине Монро. Чтобы это предотвратить, американцы «соглашались» взять на себя долги латиноамериканских стран Европе, но взамен устанавливали полный политический контроль над страной-должником – якобы в целях обеспечения там внутренней стабильности и «разумной» финансовой политики.

Именно «миротворцу» Рузвельту принадлежит пресловутое выражение «политика большой дубинки». Президент говорил, что США должны сохранять на лице дружескую мину, но всегда держать наготове «большую дубинку».

Между тем мексиканский диктатор Диас взял курс на ослабление зависимости своей страны от американских инвестиций. Такой же курс проводил и сам Селайя, что давало почву для совместного противодействия экспансии США со стороны Мексики и Никарагуа. Диас стал активно раздавать нефтяные концессии англичанам, и его примеру в отношении концессий вскоре последовал Селайя. Не зря американский посланник в Манагуа напрямую сравнил Селайю с Диасом: оба были сторонниками модернизации своей страны при сохранении национального суверенитета¹³⁶.

Что касается политики в Центральной Америке, Мексика поддержала усилия Селайи по налаживанию регионального сотрудничества на базе соглашений Коринто 1902 года. Тем более что, как и Селайя, Мексика ненавидела Гватемалу (из-за территориального спора

¹³⁵ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 144–145.

¹³⁶ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 59.

вокруг Чьяпаса) и не хотела чтобы процесс объединения проходил под руководством этой страны. Селайя же был, с точки зрения Диаса, единственным полностью свободным от американского влияния президентом в Центральной Америке.

В начале 1908 года свергнутый президент Гондураса Бонилья попытался отплыть из США, чтобы восстановить свою власть. Но мексиканские и американские ВМС ему в этом воспрепятствовали. Американцы не дали возможности Селайе повысить его и так очень высокий после победоносного «блицкрига» 1907 года авторитет в Центральной Америке.

Американцы были недовольны не только растущим авторитетом Селайи в Центральной Америке. После того как в 1903 года США решили строить канал через Панамский перешеек, Селайя начал более пристально наблюдать за условиями, на которых американский бизнес вел дела в Никарагуа. Правительство стало требовать полного выполнения всех условий концессий. Такая активность никарагуанских властей вызывала в Вашингтоне раздражение, тем более что весь американский официальный истеблишмент в той или иной мере был связан с коммерческими интересами, в том числе в Никарагуа.

Первым раздражителем в американо-никарагуанских отношениях стало «дело Эмери». Американский бизнесмен Джордж Эмери имел в Москитии с 1883 года концессию на заготовку ценных пород дерева, которая охватывала практически одну пятую всей территории Никарагуа¹³⁷. Компания Эмери сначала заплатила за концессию 200 тысяч долларов (в то время никарагуанский песо и доллар были равны) и каждый год выплачивала роялти в размере 20 тысяч. Прибыль компании составляла примерно 186 тысяч долларов в год.

В 1906 году Селайя обвинил компанию в нарушении концессионного договора – Эмери не построил, как обещал, 50 миль железных дорог в зоне действия концессии. Никарагуанский президент потребовал компенсации в размере 500 тысяч долларов. Эмери не согласился и, в свою очередь, потребовал, чтобы дело разобрал третейский суд (причем от правительства Никарагуа в него входил упоминавшийся выше Сэмюэл Вейл). Суд встал на сторону Эмери, приговорив его, правда, к выплате компенсации в 12 тысяч долларов за иные мелкие нарушения.

Тогда в январе 1907 года Селайя вообще аннулировал концессию Эмери, обвинив компанию в том, что она продает ввезенные беспошлинно товары на местных рынках. Эмери обратился за помощью в госдепартамент США, утверждая, что решение Селайи нанесло ему ущерб в 2 миллиона долларов. Два года дело Эмери было практически приоритетным в никарагуанско-американских отношениях, но Селайя не поддавался нажиму из Вашингтона.

Но «дело Эмери» было отнюдь не единственным камнем преткновения между Вашингтоном и Манагуа.

В 1903 году Селайя предоставил горнорудную концессию в Москитии американскому финансисту Джеймсу Детрику. В эту концессию входила почти вся Москития, что вызвало резкое недовольство остального американского бизнеса в районе. Селайю стали обвинять в кумовстве и монополизме. В 1904 году Детрик купил основную золотодобывающую компанию Москитии «Ла Лус и Лос Анхелес».

Детрик был связан с деловыми кругами восточного побережья США, в основном Питтсбурга. До него американский бизнес в регионе ориентировался в основном на деловые круги Нового Орлеана. Именно магнаты Питтсбурга стояли за основной компанией Детрика в Никарагуа: US and Nicaragua Company. У самих же дельцов из Питтсбурга были прекрасные связи в администрации США.

В 1906 году они избавились от Детрика, обвинив его в неправильном расходовании средств и некомпетентности. Следующим на очереди был Селайя – американцы были недо-

¹³⁷ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

вольны ростом пошлин и активной борьбой никарагуанского президента за строгое соблюдение концессионных соглашений.

Американские бизнесмены в Москитии стали готовить очередное восстание против Селайи, причем в деле активно участвовал и американский консул в Блуфилдсе. После того как Селайя отобрал у Вейла эксклюзивную лицензию на импорт крепких спиртных напитков из США¹³⁸, тот стал душой заговора.

Селайя бросил вызов и мощному банановому спруту – американской «Юнайтед Фрут». Сама компания контролировала в Никарагуа производство примерно 15 % бананов, однако была фактическим монополистом, так как скупала весь урожай у большинства мелких производителей. Компания постоянно снижала закупочные цены, чем доводила многих мелких фермеров до банкротства.

В начале 1909 года ряд никарагуанских производителей решили прекратить деловые отношения с «Юнайтед Фрут». Борьба приобрела насильственные формы – были отмечены поджоги плантаций «Юнайтед Фрут», борьба против штрейкбрехеров и т. д. Правительство Никарагуа симпатизировало противникам «мамиты Юнай», как называли компанию в народе. Селайя решил создать монопольную пароходную компанию по вывозу бананов из Блуфилдса, что означало бы крах бизнес-империи.

Однако споры вокруг американских инвестиций были в то время обычным делом в отношениях США со всеми центральноамериканскими странами и не годились для оправдания широкомасштабной военной интервенции. Тем более что сами США совсем недавно – в 1907 году – лицемерно призывали положить конец войнам в Центральной Америке.

И все же после двух тревожных для них событий американцы решили действовать.

Во-первых, в 1909 году Селайе удалось подписать соглашение о получении двух кредитов от лондонского банкирского синдиката Этельбарга на сумму 1,25 миллиона фунтов стерлингов. Это был прямой вызов «поправке Рузвельта». Теперь в случае возможных финансовых трудностей Никарагуа Великобритания, а не США, получала право на вмешательство во внутренние дела страны.

Во-вторых, до американцев дошли сведения о том, что Селайя в Париже начал переговоры с японцами о предоставлении им концессии на строительство трансокеанского канала. Имелась и информация, что Никарагуа ведет подобные переговоры с Германией.

Со стороны Селайи эти переговоры (сугубо предварительные) были вполне естественными, так как США сами отказались от прокладки канала в Никарагуа. Однако в Вашингтоне не желали никакой конкуренции Панамскому каналу.

В марте 1909 года в Белый дом пришел новый президент – Тафт. Госсекретарем его администрации стал Филандер Нокс¹³⁹. Ранее Нокс был юристом компании «Росарио Майнинг Компани». Именно эта компания купила «Ла Лус и Лос Анхелес», и как раз перед приходом Тафта в Белый дом Селайя решил повысить налоги с «Росарио Майнинг Компани». Вел Нокс и «дело Эмери», представляя эту компанию в споре с никарагуанским правительством¹⁴⁰.

Неудивительно, что, придя в госдепартамент 5 марта 1909 года, Нокс немедленно потребовал все материалы о американо-никарагуанских инвестиционных спорах, в том

¹³⁸ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 146.

¹³⁹ Нокс родился в 1853 году в Пенсильвании в семье банкира. Стал одним из ведущих адвокатов Питтсбурга, представляя интересы могущественных компаний и банков этого района. Имел кличку «сонный Фил», так как иногда засыпал во время заседаний совета директоров. В 1901 году принял активное участие в учреждении сталелитейного гиганта – «Юнайтед Стейтс Стил Копорейшн». При Теодоре Рузвельте был министром юстиции и принял самое активное участие в выработке «поправки Рузвельта». В 1908 году выдвинул свою кандидатуру на пост президента США от республиканцев, но она не собрала большинства голосов съезда партии.

¹⁴⁰ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 92.

числе и по «делу Эмери». Затем госсекретарь дал указание американскому дипломатическому представителю в Никарагуа Грегори направить Селайе жесткую ноту, а потом вообще отозвал дипломата в Вашингтон¹⁴¹. Американские деловые круги в Блуфилдсе поняли сигнал и активизировали подготовку свержения Селайи. СМИ в США стали писать о том, что «Нокс теряет терпение» и что вообще давно пора проучить слишком самостоятельного никарагуанского президента.

Одним из первых шагов Нокса на посту госсекретаря был запрос всем бывшим и нынешним консулам США в Никарагуа об их мнении относительно Селайи. Как и рассчитывал Нокс, все американские дипломаты высказали резко негативную оценку. Селайе припомнили все: от «наездов» на американский бизнес до слишком большой любви к прекрасному полу. Его описывали как коварного деспота, который никогда не держит данного им слова.

Вывод из такого политико-психологического портрета напрашивался сам собой: США не могут терпеть такого человека на посту президента Никарагуа.

Однако Селайю не испугали американские угрозы. Весной 1909 года до Нокса дошли сведения, что Селайя собирается аннулировать концессию «ЮЭС энд Никарагуа Компани» (US and Nicaragua Company). Президент компании обратился за помощью лично к Ноксу, жалуясь на то, что никарагуанцы планируют экспроприировать его собственность, и прямо сказал, что пострадают «деловые интересы людей из Питтсбурга», которых новый госсекретарь знает лично. Хотя Селайя уже два года не скрывал, что собирается аннулировать концессию, только с приходом в госдепартамент Нокса этот вопрос стал предметом межгосударственных отношений.

В апреле 1909 года американский консул в Блуфилдсе Моффат сообщил в Вашингтон, что губернатор Москитии (официально бывшая Москития называлась «департаментом Селайя» в честь президента Никарагуа) Хуан Эстрада обратился к Селайе с просьбой прекратить борьбу с «ЮЭС энд Никарагуа Компани»¹⁴². Таким образом, Нокса просто поставили в известность, что губернатор Москитии (как и в 1899 году) встал на сторону будущего антиправительственного мятежа. При этом сам демарш Эстрады произошел по просьбе американских бизнесменов Москитии.

Эстрада получил от бизнесменов США миллион долларов на организацию переворота (об этом позднее официально заявил консул Моффат). 600 тысяч долларов собрал бывший полковник и амнистированный Селайей участник мятежа Рейеса 1899 года Адольфо Диас, причем он вложил и 63 тысячи из собственных средств.

В марте 1909 года Селайя поднял таможенные пошлины на Атлантическом берегу на 30 %, чем и запустил механизм собственного свержения. В мае выразила свое недовольство «Юнайтед Фрут». Чтобы воспрепятствовать паровой компании, задуманной Селайей для вывоза бананов, к Блуфилдсу подошли два американских военных корабля, на одном из которых находился племянник Нокса Линард. Он должен был изложить своему родственнику собственные впечатления о положении в Никарагуа.

В августе 1909 года на пост консула в Блуфилдсе был назначен упоминавшийся выше Томас Моффат, которого прозвали «революционным консулом» за активное вмешательство во внутренние дела Доминиканской республики и Венесуэлы, где он работал ранее.

¹⁴¹ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893-1912.* См.: <http://www.hio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹⁴² *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893-1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

Моффат организовал в магазине Вейла встречи заговорщиков, на которых присутствовали Хуан Эстрада и Адольфо Диас¹⁴³, а также офицеры ВМС США¹⁴⁴. Эстраде обещали полную поддержку США, если он начнет мятеж против Селайи.

Не слишком полагаясь на военный гений Эстрады, командующим своими войсками мятежники назначили жившего в эмиграции в Гватемале консерватора Чаморро, которого Селайя один раз уже разбил – в 1907 году в Гондурасе.

Первоначально Нокс все же хотел свергнуть Селайю чужими руками, и американцы пытались подговорить Коста-Рику начать войну против Никарагуа, чтобы сковать на время планировавшегося мятежа лучшие силы никарагуанской армии. Однако Коста-Рика на провокацию не поддавалась.

Тогда американцы попытались настроить против Селайи Мексику. Уже через неделю после вступления в должность госсекретаря Нокс сообщил мексиканскому посланнику в Вашингтоне де ла Барре, что Селайя якобы планирует вооруженную агрессию против Сальвадора и Коста-Рики¹⁴⁵ и поэтому у Мексики и США как коспонсоров Вашингтонской конференции 1907 года есть «моральное право» поставить никарагуанского президента в рамки. Де ла Барра без инструкций мексиканского МИД согласился с этим, чем дал американцам понять, что на помощь Мексики Селайе рассчитывать не придется.

Нокс предложил президенту Диасу созвать новую конференцию центральноамериканских государств, но без участия Никарагуа. Однако правительство Диаса дезавуировало своего посланника и выступило против созыва новой конференции без Никарагуа. Напротив, Мехико предложило пригласить на подобный форум Селайю. Просьбу же о вооруженном вмешательстве в центральноамериканский конфликт со стороны Мексики или США Диас предложил рассматривать только тогда, когда об этом попросят все центральноамериканские страны. Таким образом, теперь Ноксу дали понять, что Мексика не примет участия в свержении Селайи, которого высоко ценили в Мехико как активного противника враждебной Гватемалы.

К тому же мексиканцы прямо заявили, что у них нет никаких данных о подготовке никарагуанского вторжения в соседние страны. Мексиканцы отправили к Центральной Америке свою канонерку «Генерал Герреро» для наблюдения за ситуацией. Диас порекомендовал Селайе снизить воинственную риторику против Сальвадора, чтобы не дать американцам повода для военного вмешательства. Никарагуанский президент так и поступил, не преминув заявить, что является горячим поклонником Диаса и его политики модернизации при соблюдении национального суверенитета.

Между тем Селайе стало известно, что группы эмигрантов-консерваторов во главе с Чаморро выдвигаются к границе Никарагуа. Доверяя Эстраде, президент предупредил его о возможном вторжении¹⁴⁶. Эстрада заверил президента, что встретит эмигрантов достойно, и попросил прислать для отражения агрессии дополнительные партии вооружения.

С апреля 1908 года США держали у берегов Никарагуа мощную эскадру – крейсеры «Вашингтон», «Колорадо», «Саут Дакота» и «Олбани». На борту находился десант в составе 4000 морских пехотинцев.

7 октября 1909 года «революционный» американский консул Моффат сообщил из Блуффилдса, что «революция» в Никарагуа начнется в ближайшие дни¹⁴⁷. Планировалось опять

¹⁴³ Диас получал в американской компании 80 долларов в месяц.

¹⁴⁴ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹⁴⁵ *Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930.* University of Alabama Press, 1996. P. 93.

¹⁴⁶ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки.* М., 1975. С. 146.

¹⁴⁷ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

отделить атлантическое побережье от Никарагуа и провозгласить его независимой республикой. Также Моффат проинформировал, что под началом губернатора Эстрады 2000 бойцов, он обещал уважать американскую собственность и сразу же после выступления попросит у США признать его правительство. Консерватор Чаморро, который должен был возглавить «революционную» армию, тайно прибыл в Москитию из Коста-Рики в ночь на 6 октября 1909 года.

К моменту начала мятежа Эстрада получил от американского бизнес-сообщества в Москитии несколько сотен тысяч долларов, в том числе 150 тысяч – от Сэмюэля Вейла.

10 октября 1909 года (в «день мертвых», когда в Латинской Америке вспоминают умерших предков) Эстрада поднял восстание. Интересно, что, по сообщению Моффата (который был прекрасно информирован, так как сам принадлежал к кругу заговорщиков), мятежники планировали разделить Никарагуа на две республики и поставить оба государства под контроль консервативной партии¹⁴⁸. Первое, что сделали путчисты, – объявили о сокращении таможенных пошлин. Также были отменены все концессии, которые Селайя дал никарагуанским гражданам, – концессии для иностранцев никто не трогал. Через Моффата Эстрада передал заверения в искренней дружбе к США.

Американские компании на Атлантическом побережье немедленно стали платить налоги и таможенные пошлины в казну мятежников.

Для защиты граждан США в Блуфилдс сразу же были направлены два военных корабля «Падука» и «Дюбук». Эти самые американские граждане, по примеру их предшественников в 1899 году, с первого дня мятежа находились в рядах «армии» Эстрады, в которой насчитывалось не более 400 человек. Правительство мятежников возглавил Эмилио Эспиноса – брат никарагуанского посланника в США. Как и в 1899 году, пользуясь отсутствием дорог между западным и восточным побережьем Никарагуа, мятежники быстро заняли порт Сан-Хуан-дель-Норте и отрезали страну от Атлантического океана. В Новом Орлеане активно вербовали наемников для поддержки мятежа. Корабли «Юнайтед Фрут» доставляли мятежникам в кредит (причем неограниченный) продовольствие и все необходимое снаряжение. Без этой помощи, как признавал сам Эстрада, мятежники просто не смогли бы кормить свою армию и население Блуфилдса.

Якобы из гуманитарных соображений, американский консул в Блуфилдсе Моффат и капитан американского крейсера «Де Мойн» Шипли создали в Блуфилдсе госпиталь для помощи раненым в боях мятежникам. В первом же бою у местечка Рама оказались ранены и убиты десятки «революционеров». Американский пароход «Император», недавно прибывший из Нового Орлеана, перевез раненых мятежников обратно в Блуфилдс. Как сообщала 27 декабря 1909 года «Нью-Йорк Таймс», генерал Эстрада «тепло поблагодарил американцев за их гуманитарное содействие»¹⁴⁹.

Селайя не сомневался, что сможет подавить мятеж так же легко, как и в 1899 году. Никарагуанское правительство готовило к отправке по реке Сан-Хуан сильный отряд для разгрома Эстрады. Одновременно Селайя обратился к мексиканскому президенту Диасу с просьбой повлиять на США, чтобы американцы прекратили поддерживать путч. 21 октября 1909 года посланник Никарагуа в Мехико вручил ноту, в которой перечислялись конкретные факты участия американских граждан в мятеже. В ней также говорилось, что мятежники получают помощь людьми и оружием из Коста-Рики и Гватемалы¹⁵⁰. «Правительство Ника-

¹⁴⁸ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

¹⁴⁹ Bluefields. Nicaragua. См.: <http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?res=9C07E6DE1730E733A25754C2A9649D946897D6CF>.

¹⁵⁰ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 147.

рагуа просит правительство Мексики предпринять необходимые шаги, чтобы предотвратить это вмешательство и повлиять на правительство США...»

На территории, охваченной мятежом, жили всего 100 тысяч человек, и мятежники не могли предпринять наступление против Селайи иным путем, чем по реке Сан-Хуан. По этой же реке должна была продвигаться к порту Сан-Хуан-дель-Норте и экспедиционная армия самого Селайи (около 4 тысяч человек). От того, кто первым захватит важную водную артерию, зависел исход всей гражданской войны. В 1899 году это сделал Селайя, и теперь он был намерен повторить свой успех десятилетней давности. Установить контроль над рекой надо было быстро, пока к мятежникам не прибыли американские наемники из Нового Орлеана.

Капитан национальной гвардии Техаса Фоулер тем временем активно учил мятежников обращаться с современным американским оружием, особенно с пулеметами. Командующий морской пехотой США в Никарагуа Батлер позднее утверждал, что «вся революция организована и профинансирована американцами, которые имеют здесь нелегальные капиталовложения... Вся дегенеративная игра этих американцев состоит в том, чтобы заставить Соединенные Штаты произвести интервенцию и тем самым легализовать их инвестиции»¹⁵¹. В одном из писем Батлер назвал американских бизнесменов в Никарагуа «предательскими свиньями из отбросов нашей расы».

Госсекретарь Нокс на ранней стадии мятежа все же считал, что выступление против Селайи имеет мало шансов на успех и не верил лживым сообщениям Моффата об успехах Эстрады на поле боя. В Вашингтоне и не думали признавать правительство путчистов, хотя Моффат сообщал, что все население атлантического побережья встретило переворот с ликованием. 13 октября 1909 года Моффату дали указание не поддерживать официальных контактов с «правительством» мятежников и вообще избегать любых шагов, которые можно было бы истолковать как признание «революционеров».

29 октября головной отряд правительственных войск под командованием генерала Сальвадора Толедо стал грузиться на корабли для наступления на Сан-Хуан-дель-Норте. На следующий день шедшее в авангарде судно с 500 солдатами на борту едва не затонуло, так как неподалеку от него взорвалась мощная мина. В шалаше на берегу никарагуанцы обнаружили двух американцев – Ли Роя Кэннона и Леонарда Гросса. Оба гражданина США признались, что выполняли задание мятежников и должны были взорвать два парохода с правительственными войсками. Консул Моффат сообщил из Блуфилдса, что Гросс оказался полковником инженерной службы в армии мятежников, а Кэннон – его заместителем в чине подполковника¹⁵². Оба американца входили в передовой отряд войск мятежников и были посланы вместе с дозором в 10 человек, чтобы установить расположение правительственной армии.

17 ноября Кэннона и Гросса расстреляли по приговору военного суда, причем приказ о казни, как считали в Вашингтоне, отдал лично Селайя. Адвокат американцев Фернандо Кальдерон, а также командующий войсками генерал Толедо просили Селайю помиловать граждан США, так как опасались, что Вашингтон использует их казнь для агрессии против Никарагуа. Однако Селайя поступил с флибустьерами так же, как когда-то поступили с Уокером.

В США это известие вызвало взрыв негодования. СМИ требовали «примерно наказать» Селайю. В газетах появились карикатуры, на которых Селайя изображался в виде скорпиона под ногой «дяди Сэма». На другой карикатуре Селайю изображали маленьким маль-

¹⁵¹ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹⁵² FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.1909.i0033.pdf>).

чиком, которого шлепал по заднице президент Тафт с горячего одобрения все того же «дяди Сэма».

18 ноября Нокс запросил у американского консула в Сан-Хуан-дель-Сур всю информацию о деле двух американцев, причем и консул, и сам госсекретарь не сомневались, что Кэннона и Гроса захватили вместе с мятежниками¹⁵³. Ранее Кэннон и Гросс работали на американских концессиях в Никарагуа.

1 декабря 1909 года американский госсекретарь вызвал никарагуанского посланника и передал ему невиданную по грубости ноту. В ней утверждалось, что в нарушение решений Вашингтонской конференции 1907 года Селайя является источником напряженности во всей Центральной Америке, постоянно нарушая нейтралитет Гондураса. Мол, в США получены жалобы на поведение Селайи со стороны Сальвадора, Гватемалы и Коста-Рики.

К тому же «всем известно», говорилось в ноте, что при режиме Селайи в Никарагуа перестали существовать «республиканские институты», а пресса и общественное мнение были «задушены». «Истинный патриотизм» (видимо, Нокс считал истинным патриотом Никарагуа Эстраду, который хотел разделить страну на две части, или военнослужащего гватемальской армии Чаморро) Селайя карает тюрьмой. В целом «режим Селайи – позорное пятно в истории Никарагуа»¹⁵⁴.

С этим «пятном», по мнению госдепартамента США, и решила покончить «народная никарагуанская революция», к которой присоединились расстрелянные Селайей американцы. Нокс выразил непонятно на чем основанное убеждение, что идеалы «революции» Эстрады-Чаморро разделяет большинство никарагуанского народа, и сообщил, что сигналы о восстании против Селайи якобы есть и на тихоокеанском побережье Никарагуа.

Выступая от себя и от имени «большинства центральноамериканских республик», Нокс объявил о прекращении нормальных дипломатических отношений с правительством Селайи. При этом американцы готовы продолжать контакты с обоими правительствами Никарагуа.

Жесткая нота Нокса была явно связана с тем, что в гражданской войне в Никарагуа наметился перелом. Всего за несколько дней до американского демарша правительственные войска отбили город Сан-Хуан-дель-Норте и восстановили связь правительства с атлантическим побережьем¹⁵⁵. Однако при поддержке ВМС США мятежники установили морскую блокаду Саг-Хуан-дель-Норте, и правительственные войска не смогли отплыть в Блуфилдс, где легко подавили бы последний очаг восстания.

Заместитель госсекретаря Уилсон попытался побудить другие центрально-американские страны присоединиться к американскому демаршу, но те отказались. Так как ожидаемого всенародного восстания против диктатуры Селайи на горизонте явно не просматривалось, а мятежники едва удерживали атлантическое побережье страны, в Вашингтоне стали рассматривать вариант прямой военной интервенции США, причем на тихоокеанском побережье Никарагуа. Уилсон предложил захватить главный тихоокеанский порт Никарагуа Коринто и столицу Манагуа. Американцы организовали утечку этой информации мексиканскому посланнику в Вашингтоне, который немедленно передал ее в Мехико.

Селайя обратился за советом к мексиканскому консулу в Манагуа: если именно его личность может быть использована американцами в качестве предлога для интервенции, то он, Селайя, готов уйти в отставку. Еще 22 ноября 1909 года президент Никарагуа изложил ту же мысль в письме к президенту Мексики Диасу. Селайя был даже готов стать заложником,

¹⁵³ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

¹⁵⁴ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

¹⁵⁵ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 97.

если мятежники сдадут оружие его преемнику¹⁵⁶. Он просил Диаса предотвратить высадку морской пехоты США в Никарагуа.

Диас посоветовал Селайе уйти в отставку и обещал ему политическое убежище в Мексике. Тем самым мексиканцы хотели во что бы то ни стало предотвратить появление морской пехоты США в Никарагуа. 24 ноября мексиканцы сообщили президенту США Тафту, что Селайя готов уйти, если американцы окажут содействие в разоружении мятежников. Однако американцы, имевшие в районе мятежа флот, отказались это сделать. Стало понятно, что дело отнюдь не в личности Селайи.

Тогда мексиканцы порекомендовали Сейлайе остаться у власти до тех пор, пока в ходе переговоров с мятежниками не будет согласована кандидатура будущего временного президента Никарагуа.

Американцев это никак не устраивало. 15 декабря 1909 года мексиканский консул из Норфолка (основная база американского флота) сообщил из Вашингтона, что командующий Атлантическим флотом США получил приказ взять на корабли полный боекомплект и быть в готовности для обстрела с моря никарагуанских портов¹⁵⁷. Некоторые члены конгресса США предложили предоставить президенту Тафту необходимые полномочия для отправки регулярной армии в Никарагуа с целью установления там «ответственного республиканского правительства».

4 декабря 1909 года в ответ на пресловутую ноту Нокса Селайя обратился к США и предложил направить в Никарагуа беспристрастную комиссию для оценки реального положения в стране и расследования обстоятельств расстрела двух американских наемников. Эта же комиссия должна была установить, представляет ли Никарагуа угрозу для соседних государств. Селайя выразил готовность подать в отставку, если комиссия сочтет его действия неправомерными.

Тем временем мятежники лицемерно обещали сложить оружие, если Селайя покинет пост президента.

Но американцы свой выбор уже сделали. 7 декабря 1909 года в очередном послании к конгрессу Тафт еще раз подверг резкой критике Никарагуа, в том числе за «совершение неопишуемых актов варварства и угнетения». Президент был все же более откровенным, чем Нокс, в описании истинных причин американского вмешательства в Никарагуа: «...совершенно очевидно, что соображения, диктуемые географической близостью к зоне Панамского канала и особо важными интересами США в Центральной Америке, дают Соединенным Штатам особые права в зоне этих республик и в районе Карибского моря... Правительство (США) намеревается предпринять такие шаги в будущем, которые наиболее соответствовали бы поддержанию нашего достоинства, сохранению интересов США, нашим моральным обязательствам перед Центральной Америкой и цивилизацией»¹⁵⁸.

17 декабря 1909 года Селайя подал в отставку и 24 декабря на борту мексиканской канонерки покинул страну. В манифесте к депутатам парламента Селайя объявил, что вынужден уйти с поста перед лицом «бесстыдной и продажной революции», которая угрожает суверенитету Никарагуа. «Вам известно враждебное поведение мощной державы, которая вопреки любому праву вмешалась в наши внутренние дела и предоставляла мятежникам любую помощь, о которой те просили»¹⁵⁹.

В Мехико Селайю встречала восторженная демонстрация солидарности, а мексиканские газеты не жалели слов для критики политики США в отношении Никарагуа. Демон-

¹⁵⁶ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 150.

¹⁵⁷ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 151.

¹⁵⁸ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 152.

¹⁵⁹ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

страции в поддержку Селайи и против США прошли в Сальвадоре. Американцы считали свергнутого никарагуанского президента перманентной угрозой до тех пор, пока он находился в Западном полушарии. Поэтому Селайю преследовали и в Мексике: Нокс угрожал подать там против него иск в связи с расстрелом двух американцев. Чтобы не создавать осложнений для мексиканского правительства, Селайя отбыл в Испанию. Умер он в США в 1919 году, в нищете и всеми забытый. Но справедливость восторжествовала, и в 1930 году прах Селайи был торжественно перезахоронен на родине.

Однако преемник Селайи на посту президента американцам тоже не понравился. Доктор Хосе Мадрис был либералом и очень неудобным для критики человеком, поскольку до того, как стать президентом, он представлял Никарагуа в центральноамериканском арбитражном суде в костариканском городе Картаго. Мадрис довольно долго жил в эмиграции в Сальвадоре, откуда критиковал некоторые шаги Селайи во внутривластной сфере¹⁶⁰. Кандидатура Мадриса была предварительно согласована с Мексикой.

Мадриса знали как сторонника линии Селайи, и никарагуанский конгресс без проблем и единогласно утвердил его на посту президента на срок оставшихся полномочий Селайи (на 17 месяцев).

Нокс и Тафт явно шли ва-банк: в декабре 1909 года мятежники были разбиты у местечка Тисма, а никакого всенародного восстания против режима либералов так и не случилось. В британском МИД считали, что дни «революции» сочтены.

Посланцу мексиканского президента Диаса и Тафт, и Нокс объявили, что считают Мадриса «марионеткой» Селайи и признавать его не собираются. Наоборот, американцы предложили Мексике совместно признать президентом главу мятежников Эстраду, пригрозив, что в противном случае война в Никарагуа будет продолжаться.

Между тем сам Эстрада держался в Блуфилдсе только потому, что США ради свободной торговли объявили этот порт свободным от военных действий. На практике это означало запрет для никарагуанских правительственных войск штурмовать город. Сами мятежники нарушили данное ими слово и после отставки Селайи не прекратили боевых действий. Морская пехота США высадилась в Блуфилдсе якобы для организации упомянутого выше госпиталя и, естественно, для охраны жизни и собственности граждан США. Шесть американских крейсеров фактически блокировали порт Коринто. На борту в полной готовности находился десантный батальон морской пехоты. Британское адмиралтейство пришло к выводу, что США вложили в Эстраду слишком много денег, чтобы позволить разбить его¹⁶¹.

Мадрис предложил направить в Блуфилдс комиссию правительства для выработки мирного соглашения с мятежниками. 22 декабря 1909 года новый президент официально предложил Эстраде прекратить кровопролитие, хотя правительственные войска к тому моменту явно находились в гораздо лучшем положении, чем мятежники¹⁶². Главарь мятежников комиссию принять согласился, но в то же время ответил Мадрису, что не признает его легитимности и считает его «узурпатором».

Американцы пока все же не решались официально признавать правительство мятежников ввиду тяжелой военной ситуации последнего. Нокс лишь предложил американский корабль в качестве возможного места встречи представителей противоборствующих сторон.

В феврале – марте 1910 года правительственные войска перешли в наступление и разбили несколько отрядов мятежников на подступах к Блуфилдсу. Положение «революционеров» стало отчаянным, и 3 марта они обратились к США с просьбой о посредничестве в

¹⁶⁰ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 98.

¹⁶¹ *Gismondi M, Mouat J.* Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893-1912. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi/o26Mouat2002.pdf>.

¹⁶² FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frus1910.i0033.pdf>).

прекращении боевых действий. Мятежники предложили США назначить временного президента Никарагуа, причем ни Эстрада, ни Мадрис в этом качестве не рассматривались. Временный президент под контролем США должен был организовать президентские выборы, в которых, опять же, не участвовали бы Эстрада и Мадрис. Новое правительство Никарагуа должно было признать государственными все долги «революционного» правительства Эстреды, то есть фактически расплатиться с американским бизнес-сообществом в Москитии¹⁶³.

Но положение мятежников на тот момент было столь отчаянным, что Нокс поручил Моффату передать Эстраде, что на данный момент США не готовы к посредничеству¹⁶⁴.

В феврале 1910 года американцы стали концентрировать десантные силы морской пехоты на кораблях близ территории Никарагуа, вдоль берегов Тихого океана и Карибского моря. На рейде Коринто (Тихий океан) изготовился к броску полк морской пехоты под командованием полковника Джеймса Мэхони (крейсер «Буффало»). Однако уже в марте США решили вмешаться непосредственно в районе боев на атлантическом побережье, и полк Мэхони отозвали в Панаму.

Между тем никарагуанское правительство приобрело в Новом Орлеане старый британский пароход «Венера», вооружило его пушками и 19 мая 1910 года объявило морскую блокаду Блуфилдса. Появление в этом порту 16 мая военного корабля правительственных войск с десантом в 300 человек вызвало панику среди мятежников. Одновременно готовились к штурму Блуфилдса и 6 тысяч солдат правительственных сил. Мятежников было чуть более полутора тысяч, и моральное состояние их явно оставляло желать лучшего. При таком соотношении сил исход сражения за Блуфилдс был предreshен. Американцы поняли, что если они не вмешаются в никарагуанский конфликт напрямую, то мятеж будет подавлен.

16 мая командующий никарагуанскими правительственными войсками у Блуфилдса, близкий сторонник Селайи генерал Хулиан Ириас¹⁶⁵ предъявил с борта корабля ультиматум Эстраде – сложить оружие в течение 24 часов. Ириас давал время на вывод из Блуфилдса мирного населения, а также больных и раненых.

19 мая США заявили, что не признают морской блокады Блуфилдса, причем на том странном основании, что ее осуществляет пароход, нелегально закупленный для военных целей в США. К тому же блокада, по утверждению США, нарушала свободу торговли (то есть интересы американских бизнесменов-контрабандистов Москитии).

Напрасно правительство Мадриса доказывало, что «Венеру» купили в Новом Орлеане абсолютно открыто и власти знали, что корабль будет перевозить в Никарагуа оружие и боеприпасы.

Отряд ВМС США предупредил никарагуанцев, что помешает установлению блокады силой. Соотношение этой самой силы было не в пользу Никарагуа, и из блокады ничего не вышло.

19 мая 1910 года для охраны жизни и собственности американских граждан с кораблей «Падука» и «Дюбук» был высажен десант морской пехоты в Блуфилдсе. 400 американских морских пехотинцев должны были не допустить штурма города правительственными войсками. Командующий силами интервентов аргументировал вмешательство тем, что Блуфилдс является открытым городом, где нет гарнизона мятежников. Это было явной ложью, но Мадрис отдал приказ остановить приготовления к атаке города, так как не хотел давать американцам предлога для наращивания военного вмешательства. Интересно, что в своем

¹⁶³ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frasl910.i0033.pdf>).

¹⁶⁴ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frasl910.i0033.pdf>).

¹⁶⁵ В 1909 году Ириаса рассматривали как возможного преемника Селайи, но мексиканцы порекомендовали остановиться на Мадрисе, так как Ириас был известен своими антиамериканскими взглядами.

негативном ответе на ультиматум Ириаса Эстрада писал, что в Блуфилдсе находится его гарнизон, который решительно намерен обороняться.

Американцы объявили Блуфилдс «нейтральной зоной» и стали перебрасывать из Панамы дополнительные силы морской пехоты, которыми командовал упоминавшийся выше Батлер – «герой» подавления боксерского восстания в Китае.

Военная интервенция США в Никарагуа вызвала возмущение не только во многих странах Латинской Америки, но даже и в самих Соединенных Штатах. Сенатор Стоун обратился с запросом к Ноксу относительно правомерности пребывания американской морской пехоты в Блуфилдсе¹⁶⁶. Сенатор отмечал, что США даже не признали мятежников воюющей стороной, тем не менее оказывают им фактическую помощь.

В Сальвадоре прошли стихийные демонстрации под лозунгами «Долой американцев!» и «Долой никарагуанских консерваторов!». В столице Гондураса Тегусигальпе на антиамериканский митинг 24 июня собрались более 6 тысяч человек. Мощная демонстрация протеста готовилась 2 июля и в Коста-Рике, но правительство запретило ее, опасаясь, что страну может постигнуть участь Никарагуа.

Мадрис обратился за помощью к мексиканскому президенту Диасу, подтверждая готовность прекратить гражданскую войну заключением компромиссного соглашения с мятежниками. Главным для никарагуанского президента на тот момент было лишить американцев любого предлога для пребывания в Никарагуа.

Но президент США Тафт, как и ранее, проигнорировал посреднические усилия мексиканцев. К тому времени в Мексике нарастало революционное движение против диктатуры Диаса, причем революционеры при попустительстве правительства США активно формировали на американской территории свои отряды и закупали там же оружие и боеприпасы. Американцы решили, что слишком самостоятельному Диасу должна быть уготована такая же судьба, как его другу Селайе.

27 мая 1910 года никарагуанские войска захватили таможню Блуфилдса, чтобы лишить мятежников их основных финансовых ресурсов. Однако американцы попросту приказали перевести таможню в другое место, и платежи по-прежнему шли «революционному правительству». Капитан американского корабля «Падука» пригрозил потопить «Максимо Херес» (переименованную «Венеру»), если тот попытается приостановить морскую торговлю в Блуфилдсе¹⁶⁷.

Под носом у «Максимо Хереса» корабли мятежников под американским флагом доставляли «революционерам» все необходимое, включая оружие и боеприпасы.

Между тем положение в Блуфилдсе постепенно менялось в пользу мятежников. Последние получали морем и без ограничений боеприпасы и продовольствие из США. Насчет оплаты они могли не волноваться – расходы несло американское бизнес-сообщество, предвкушая сверхприбыли в случае победы «революции». К тому же основные доходы Никарагуа того времени – таможенные сборы порта Блуфилдс – текли в карманы мятежников.

В то же время правительственные войска с помощью американского флота были отрезаны от снабжения и вынуждены были без дела пребывать на позициях в болотистой, малярийной местности. В армии начались болезни, грозящие перерасти в эпидемию. Так как Блуфилдс они взять не могли, то в войсках стал отмечаться сильный упадок боевого духа. Никто не верил, что можно одержать победу вопреки США, которые поддерживают внутреннюю консервативную оппозицию.

¹⁶⁶ Леонов Я. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 154.

¹⁶⁷ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frasl910.i0033.pdf>).

Даже когда правительственные силы узнали о готовящемся контрнаступлении мятежников и решили упредить его контрударом, американцы запретили сделать это.

27 апреля 1910 года свои услуги в разрешении конфликта в Никарагуа предложил центральноамериканский арбитражный суд. Ноксу пришлось «поблагодарить» арбитраж за мирную инициативу, но на самом деле американцам она была не нужна. США были заинтересованы только в безоговорочной победе мятежников¹⁶⁸. 24 июня Эстрада при поддержке американцев отверг посредничество центральноамериканского арбитража.

9 августа Мадрис направил президенту Мексики Диасу телеграмму, в которой говорилось: «Внимательно изучив положение дел в Никарагуа, я пришел к убеждению, что восстановление мира будет очень трудным, даже невозможным делом в результате противодействия американского правительства, которое поддерживает внутреннюю оппозицию в надежде на конечный успех.

Внутри страны у меня достаточно сил, чтобы контролировать положение, но этого мало, чтобы избежать затягивания войны. Кроме того, создалась опасность отделения Атлантического побережья. Не имея возможности договориться с генералом Эстрадой, я думаю о целесообразности передачи поста президента... одному из депутатов, который начал бы переговоры о мире. Надеюсь, что после моей отставки они увенчаются успехом»¹⁶⁹.

18 августа 1910 года «революционеры» нанесли поражение деморализованным правительственным войскам у реки Типитапы. Часть армии перешла на сторону мятежников. Отряды консерваторов, поднявших восстание, приближались к Манагуа. Одновременно командир мятежников генерал Мена разбил правительственный отряд численностью 700 человек у Гранады.

19 августа Мадрис подал в отставку, заявив, что страна «наводнена вавилонянами с севера». Власть была передана депутату парламента Хосе Долоресу Эстраде – брату главаря мятежников. Такая отставка была равносильна капитуляции, и правительственная армия фактически распалась. Церковь отметила отставку Мадриса радостным перезвоном колоколов. 20 августа Мадрис покинул страну, а уже на следующий день в столицу вступил глава «революционного правительства» генерал Эстрада.

23 августа 1910 года Эстрада писал Ноксу, что первым шагом нового никарагуанского правительства является подтверждение самых теплых чувств по отношению к американскому народу¹⁷⁰. Лидер победивших мятежников заверил Нокса, что за жизни американских флибустьеров Кэннона и Гросса, а также за прочие «варварские акты» его предшественника будет выплачена компенсация.

4 сентября американские морские пехотинцы, выполнив задачу, отплыли из Блуфилдса обратно в Панаму.

Новая проамериканская администрация Эстрады была сформирована из представителей богатой консервативной элиты. Однако глава консерваторов генерал Эмилиано Чаморро сам хотел стать президентом и пребывание в кресле главы государства Эстрады (который формально был либералом) воспринимал как недоразумение. Такой же точки зрения придерживались и вдохновители заговора из Блуфилдса. Тамошние американцы считали, что Эстрада уже выполнил свою задачу, когда гарнизон Блуфилдса перешел на сторону «революции». Но сам Эстрада полагал, что именно он был «архитектором победы», и не хотел уходить в отставку. Министром внутренних дел (второй по значению пост в правительстве) Эстрада сделал своего сторонника (тоже либерала) генерала Хосе Марию Монкаду.

¹⁶⁸ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frasl910.i0033.pdf>).

¹⁶⁹ Леонов Я. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 156.

¹⁷⁰ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frasl910.i0033.pdf>).

В самой консервативной партии намечался раскол. Многие консерваторы не хотели признавать лидерства клана Чаморро. Другой богатый клан – Куадра – заключил против Чаморро тактический союз с Адольфо Диасом¹⁷¹.

Перед США стала сложная задача обеспечения устойчивости созданного ими марионеточного правительства, которое не пользовалось поддержкой подавляющего большинства населения.

13 сентября 1910 года правительство Эстрады, в котором вице-президентом стал американская креатура Адольфо Диас, было признано США. В Манагуа в ознаменование этого важного для вчерашних мятежников события весь день через каждые четверть часа гремел артиллерийский салют¹⁷².

Победившие консерваторы провели масштабную чистку в государственном аппарате Никарагуа. Были уволены все, кого подозревали в симпатиях к Селайе. Были заменены почти все послы и преподаватели университета. Среди уволенных оказался выдающийся поэт Рубен Дарио, много сделавший для развития испанского литературного языка (другой латиноамериканский поэт, чилиец Пабло Неруда считал, что Дарио научил латиноамериканцев говорить). Чистка была произведена по прямому указанию американцев.

Самым популярным человеком в новой администрации (насколько вообще можно говорить об ее популярности) был генерал Луис Мена, толковейший из командиров, воевавших на стороне мятежников. Первоначально Мена считал себя политическим сторонником Чаморро, но потом решил, что вполне может претендовать и на самостоятельную роль. Тем более что армия подчинялась не столько правительству, сколько ему лично. Эстраде пришлось сделать Мену военным министром. Генерала сначала поддерживали и американцы, которые не доверяли Эстраде просто потому, что он все-таки был либералом и когда-то его назначил в Блуфилдс Селайя.

Новое правительство Никарагуа находилось в безвыходном финансовом положении, причиной которого был сам мятеж. Страну наводнили бумажные деньги (примерно на 12 миллионов песо), не имевшие никакого обеспечения золотом или серебром. Владельцы никарагуанских облигаций в Европе (выпущенных Селайей по кредитному договору с синдикатом Этельбарга в 1909 году) требовали уплаты долга.

Марионеточное правительство попросило государственный департамент прислать в Никарагуа миссию для содействия реорганизации государственного устройства. Американцы направили в Манагуа посланника США в Панаме Доусона. Ранее Доусон уже участвовал в «дипломатии доллара», контролируя таможни Доминиканской республики.

27 октября 1910 года Доусон высказал свои рекомендации, получившие название «пактов Доусона» (хотя сам американец их не подписал). Пакты подписали президент Эстрада, военный министр Мена, министр иностранных дел Диас, а также лидер консерваторов Чаморро. Содержание пактов сводилось к следующему:

- будут объявлены выборы в конституционную ассамблею, которая, в свою очередь, выберет президентом Эстраду, а вице-президентом – Диаса на два года;
- ассамблея разработает проект новой конституции, которая запретит монопольные концессии и будет гарантировать «легитимные права иностранцев»;
- на следующих выборах президента через два года Эстрада не имеет права выставять свою кандидатуру;
- должна быть создана смешанная комиссия по удовлетворению претензий всех граждан (в том числе и американцев), которым в ходе гражданской войны был нанесен имущественный ущерб;

¹⁷¹ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 141–142.

¹⁷² Леонов Я. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 156.

– при выполнении этих условий правительство США окажет содействие Никарагуа в получении кредита, который должен быть гарантирован никарагуанскими таможенными пошлинами¹⁷³.

Сам Доусон рекомендовал на пост президента Никарагуа Адольфо Диаса.

Основной целью «пактов Доусона», как мы видим, было финансовое закабаление Никарагуа и обеспечение некой внутривластной стабильности в стане победивших мятежников.

Но как раз стабильности в стране и не наблюдалось. Американский посланник в Никарагуа Норкотт сообщал: «После долгих размышлений Эстрада пришел к заключению, что единственной надеждой Никарагуа является тесное сотрудничество с США. Что этот его курс вызовет антагонистическое отношение всех республик Центральной Америки – явно чувствуется здесь... Кроме того, враждебное отношение к США является естественным для подавляющего большинства никарагуанцев»¹⁷⁴. Позднее Норкотт признавал, что «президент Эстрада держится исключительно благодаря нашей поддержке и уверенности в том, что в случае волнений он безусловно эту поддержку получит»¹⁷⁵.

27 ноября 1910 года состоялись явно сфальсифицированные выборы в конституционную ассамблею, на которых, разумеется, победили консерваторы. В этих «выборах» приняли участие всего 30 тысяч человек. Многих сторонников либералов просто не пустили на избирательные участки. Однако госдепартамент США признал это волеизъявление честным, а ничего иного и не требовалось. 31 декабря ассамблея в соответствии с «пактами Доусона» избрала Эстраду и Диаса на посты президента и вице-президента страны соответственно. 1 января 1911 года США признали марионеточное правительство.

Однако новым раскладом сил в стране был недоволен Чаморро, который фактически руководил через своих сторонников работой конституционной ассамблеи. Чаморро попытался в проекте новой конституции ослабить власть президента за счет передачи его полномочий самой ассамблее. Сторонники Эстрады с протестом вышли из ассамблеи, которая, тем не менее, утвердила новую конституцию.

Тогда Эстрада наложил на конституцию вето, распустил ассамблею и назначил новые выборы этого органа¹⁷⁶. Эстрада действовал с санкции госдепартамента, и Чаморро пришлось покинуть Никарагуа.

Но состав новой ассамблеи (избранной 16 апреля 1911 года) контролировал опять-таки не Эстрада, а военный министр и свежеепеченный лидер консерваторов генерал Мена. Эстрада решил расправиться с ним при помощи генерала Монкады, и 10 мая Мена был неожиданно арестован по обвинению в планировании государственного переворота. Однако армия немедленно потребовала освобождения своего лидера, и Эстрада осознал, что не может рассчитывать на поддержку даже своей президентской гвардии.

Посланник США в Манагуа тоже отказал Эстраде в доверии – американцы решили, что арест Мены является сигналом к восстанию либералов во главе с генералом Монкадой. 9 мая 1911 года Эстрада был вынужден подать в отставку и передать власть американскому ставленнику Адольфо Диасу¹⁷⁷. Мавр сделал свое дело – бывший лидер «революции» отправился в эмиграцию в США. Мена был освобожден.

Американский сенатор Ладд точно сформулировал цели интервенции США в Никарагуа: «... в 1910 году морская пехота США вторглась в Никарагуа, расстреляла около 200

¹⁷³ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 142.

¹⁷⁴ *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 423.

¹⁷⁵ *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 423.

¹⁷⁶ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 143.

¹⁷⁷ В то время Диас все еще получал свое жалование как служащий американской горнорудной компании.

никарагуанских граждан и навязала стране в качестве номинального президента сотрудника одной североамериканской компании. Без поддержки морской пехоты США этот президент не смог бы продержаться у власти и 24 часов»¹⁷⁸.

Диас приступил к реализации основной части «пактов Доусона» – получению американского кредита. 1 сентября 1911 года было подписано соглашение, кабальное даже по меркам того времени. Никарагуа получала заем американских банкиров (размещенный в виде облигаций) в размере 1,5 миллиона долларов под 6 % годовых. Срок погашения облигаций был явно нереальным – 15 октября 1912 года. В качестве залога держатели облигаций получили право купить 51 % акций Национального банка Никарагуа¹⁷⁹. Сам банк учреждался с капиталом в 5 миллионов долларов, причем правительство Никарагуа было обязано внести 100 тысяч сразу.

Кроме того, под залог облигаций передавались никарагуанские таможенные пошлины. При этом Никарагуа вряд ли вообще могла рассчитывать на «живые» деньги, так как из американского кредита следовало выплачивать британскому синдикату Этельбарга (который предоставил заем Селайе в 1909-м) по 430 тысяч долларов год.

Таким образом, соглашение было классическим примером применения на практике «поправки Рузвельта». Американцы перекупали (за счет никарагуанских таможенных сборов) никарагуанский долг европейцам и ставили тем самым страну под свой полный финансовый контроль. Генеральным инспектором никарагуанской таможни 23 ноября 1911 года был с одобрения госсекретаря США назначен американский полковник Клиффорд Хэм, занимавший этот пост до 1928 года. Теперь именно он определял ставки таможенных пошлин и давал указания, куда направить поступления от их сбора. Таким образом, Никарагуа полностью лишалась финансового суверенитета.

В тот момент в Никарагуа было в обращении бумажных денег на 32 миллиона долларов (консерваторы печатали их гораздо более высокими темпами, чем Селайя), и правительство никак не могло обменять их на монеты из драгоценных металлов. Американцы «согласились» обследовать финансовую ситуацию Никарагуа и дать свои рекомендации по ее улучшению.

Мизерный американский заем, конечно, никак не мог поправить сложного финансового положения страны (да и цель американцев была абсолютно другой – выбить из Никарагуа европейских конкурентов).

Правда, американцы обещали разместить никарагуанские облигации на 15 миллионов долларов. Но они так и не сделали этого, поскольку сенат США не утвердил соответствующего соглашения.

В мае 1911 года была создана смешанная комиссия по разбору имущественных претензий. Из трех членов этого органа два были американцами и только один – никарагуанцем. В комиссию поступило 7908 имущественных претензий к никарагуанскому государству на общую сумму в 13,8 миллиона долларов.

Даже госдепартамент США признавал, что претензии американских компаний были во многом надуманными. Например, они включали в себя упущенную прибыль, что не допускалось. К тому же по иронии судьбы американцы требовали возмещения ущерба ввиду ликвидированных новым проамериканским режимом под лозунгом «борьбы с монополизмом» концессий времен Селайи.

В итоге комиссия одобрила выделение в качестве возмещения ущерба 1,8 миллиона долларов (что превышало всю сумму американского кредита). По 66 американским претен-

¹⁷⁸ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 16.

¹⁷⁹ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 146.

зиям объемом 7,57 миллиона долларов было выплачено 538 тысяч долларов (то есть треть американского кредита)¹⁸⁰.

Получалось, что реально никакого кредита Никарагуа не получила. США предложили своим марионеткам в Манагуа заключить новое финансовое соглашение.

В ноябре 1911 года в Никарагуа прибыли два финансовых эксперта (американец и англичанин). Они выяснили, что с марта по ноябрь 1911 года американское марионеточное правительство в Никарагуа напечатало бумажных денег на 16 миллионов песо (больше, чем Селайя за 17 лет пребывания у власти)¹⁸¹. Таким образом, в стране было бумажных денег на 48 миллионов песо, и эксперты логически заключили, что для их выведения из оборота Никарагуа нужен новый кредит.

26 марта 1912 года было подписано дополнительное финансовое соглашение, по которому срок погашения кредита 1911-го продлевался на год. Никарагуа гарантировала, что не будет увеличивать количество бумажных денег в обращении и направит 500 тысяч долларов на погашение этих ассигнаций. Расходы самого никарагуанского правительства не должны были превышать 255 тысяч долларов ежегодно.

Держатели никарагуанских облигаций получали в качестве дополнительной гарантии 51 % акций никарагуанских железных дорог вместе с принадлежавшими им паровозными линиями. Эти дороги должны были быть преобразованы в американскую компанию с местом регистрации в штате Мэн. При этом правительство не имело права менять тарифы на железнодорожные перевозки без ведома кредиторов.

Отныне Никарагуа лишалась не только пошлин, но и единственного средства транспортировки отечественной экспортной продукции.

Разоренная гражданской войной и грабительскими кредитными соглашениями Никарагуа объявила 1 июля 1911 года о дефолте по облигациям, принадлежавшим британским кредиторам. В ответ англичане удержали находившийся на их счетах никарагуанский депозит в размере 371 730 фунтов стерлингов. Залог был внесен Селайей для привлечения инвесторов на строительство железной дороги между обоими океанскими берегами Никарагуа. Однако американское марионеточное правительство расторгло относящийся к этой железной дороге концессионный договор. Неудивительно – ведь американцам такая железная дорога была не нужна, потому что составляла конкуренцию американским транспортным компаниям в Москитии, так же как и «Юнайтед Фрут».

Превзойдя наглостью самих себя, американцы предложили синдикату Этельбарга зарезервировать львиную долю никарагуанского депозита для расчета с кредиторами по соглашению марта 1912 года – то есть европейцы должны были заплатить американским кредиторам никарагуанскими деньгами. К тому же британцам предложили вместо 6 % по облигациям довольствоваться 5 %. Неудивительно, что англичане отказались от столь «лестного» предложения.

При президенте Диасе Никарагуа стала напоминать американскую колонию. Дело дошло до того, что в январе 1912 года временный поверенный в делах США в Никарагуа Гантер попросил отсрочить принятие новой конституции страны до приезда нового американского посланника Вейцеля, чтобы дать последнему возможность предварительно просмотреть проект. Этот демарш был сделан по прямому указанию Нокса, который проинструктировал Гантера, что США будут считать принятие никарагуанской конституции до приезда Вейцеля отходом от «дружественных» американо-никарагуанских отношений¹⁸².

¹⁸⁰ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 147.

¹⁸¹ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 149.

¹⁸² *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 158–159.

Весной 1912 года активизировались сепаратистские настроения на атлантическом побережье, но на этот раз американцы выступили против очередной «революции». Ведь таможенные сборы из Москитии через американского инспектора никарагуанских таможен текли в карманы американских держателей никарагуанских облигаций. Американский консул в Блуфилдсе с «сожалением» сообщал, что отношение там к американцам уже не столь «сердечное», сколь раньше¹⁸³. В частности, были отмечены попытки поджога американской собственности.

Сервильная политика американского ставленника Диаса не только натолкнулась на жесткое противодействие загнанных в подполье либералов, но и дала военному министру Мене предлог для захвата власти.

Главой либеральной партии в то время стал сторонник Селайи и активный борец против американского империализма Бенхамин Селедон. Селедон родился в 1879 году и выучился на адвоката. За проявленную личную отвагу в битве против гондурасско-сальвадорских войск при Намасигуе получил чин полковника. Успешно боролся против путча Эстрады, что принесло ему генеральский чин. В правительстве Мадриса занял пост военного министра и после поражения либералов был вынужден покинуть Никарагуа.

В последний день мая 1912 года либералы подняли восстание против режима «родино-продавцев» (так называли правительство Диаса в Никарагуа), взорвав крепость Форт Лома в Манагуа. При взрыве погибли около 60 человек, затем на воздух взлетели склады пороха в столице. Интересно, что в этот же день американскому посланнику в Манагуа сообщили о готовящемся Меной перевороте. Мена убеждал своих сторонников поддержать переворот, утверждая, что политика США в отношении президента Диаса не пользуется поддержкой ни американского конгресса, ни общественного мнения США.

Свое восстание бывший военный министр поднял 29 июля 1912 года. Американцы, как уже говорилось, знали о предстоящем выступлении Мены, который размещал в США военные заказы без ведома собственного правительства. Он вывозил оружие из столичного арсенала в Гранаду и продвигал на посты политических руководителей департаментов своих людей.

О грядущем перевороте открыто говорили на улицах Манагуа. По сведениям американского посланника, среди советников Мены имелось несколько европейцев, что было для Вашингтона крайне подозрительно. 29 июля Диас подчинил себе столичную крепость Лома, чем и вызвал переворот. Люди Мены обстреляли гарнизон из пулеметов и захватили крепость. В 16:30 президент Диас прибыл в американскую миссию и просил посланника помочь убедить Мену сложить оружие¹⁸⁴. Бывшему министру была обещана амнистия.

Невзирая на проливной дождь и выстрелы на улицах Манагуа, посланник отправился в штаб-квартиру Мены (где было около 150 человек, примкнувших к перевороту; им противостояли примерно 600 солдат правительственных войск во главе с Чаморро). Американец опасался, что в случае смерти генерала его сын – «безответственный индейский негроид»¹⁸⁵ – может устроить репрессии в Гранаде. Мена сначала считал условия Диаса «унизительными», но потом все же согласился сдаться в обмен на гарантию безопасности со стороны американского посланника. Тот потребовал от Мены написать письмо об отставке, что генерал, пытавшийся убедить собеседника положиться на его слово, с неохотой и сделал. Посланник не без гордости сообщал в Вашингтон, что он «ликвидировал всю эту историю», то есть переворот Мены.

¹⁸³ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

¹⁸⁴ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

¹⁸⁵ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

Мена укрылся в Масайе и объявил о союзе с либералами в целях свержения режима Диаса. К нему присоединился его сын, командовавший войсками в Гранаде. Вейцель был вне себя от обмана Мены, который к тому же потребовал немедленной отставки президента Диаса и начал вооружать сторонников Селайи во главе с Селедоном.

Американцы сообщали, что в Гранаде были арестованы многие «видные граждане» (то есть представители олигархии), которых три дня продержали без пищи и воды, а потом стали продавать им еду по баснословным ценам. Одного арестованного американца даже раздели донага, что «вызвало у него истерику». Учениц дорогой французской женской школы якобы заставили доказывать, что они женщины, а не переодетые мужчины. Посланник США в Манагуа сделал странный вывод: будь мотивы восставших политическими, а не уголовными, то иностранцев не арестовывали бы (!).

Всего за несколько дней к армии Мены и либералов, которую называли «Армией защиты национального суверенитета», примкнули сотни людей, и над режимом Диаса нависла угроза скорого военного поражения. Повстанцы неуклонно продвигались к столице. Правительство Диаса начало паковать чемоданы.

Американцы стали срочно искать предлог для новой военной интервенции. Теперь в этом качестве выступили атаки повстанцев против железных дорог, являвшихся с недавних пор американской собственностью¹⁸⁶. Ради проформы посланник США в Манагуа Вейцель «потребовал» от Диаса обеспечить защиту американской помощи и получил необходимый ответ, что никарагуанские власти не в состоянии этого сделать сами. Диас писал: «...Мое правительство желает, чтобы правительство Соединенных Штатов своими силами гарантировало безопасность собственности американских граждан в Никарагуа и распространило эту защиту на всех граждан Никарагуа»¹⁸⁷.

Вейцель немедленно передал эту «просьбу» капитану американского крейсера «Аннаполис», стоявшему на рейде в порту Коринто. С «Аннаполиса» в Манагуа был направлен отряд моряков США численностью в 100 человек, который прибыл в никарагуанскую столицу в 3:30 утра 4 августа 1912 года и разместился в здании американской дипмиссии.

11-14 августа повстанцы вели артиллерийский обстрел Манагуа. 12-13 августа они окружили столицу. Селедон, командовавший повстанцами, предупредил американского посланника Вейцеля как дуайена дипломатического корпуса о готовящемся обстреле. Вейцель потребовал отказаться от обстрела, но Селедон его приказ проигнорировал.

Несколько снарядов попали в президентский дворец, и американцы использовали это для высадки дополнительных воинских контингентов в Никарагуа. В ночь на 13 августа повстанцы предприняли штурм города, но их армия в количестве примерно 800 человек была отбита с большими потерями. Вейцель писал в Вашингтон, что в случае занятия Манагуа повстанцы якобы обещали отдать его своим сторонникам на разграбление в течение четырех дней¹⁸⁸.

За время обстрела города повстанцами по Манагуа было выпущено примерно 600 снарядов, но только один из них упал в непосредственной близости от миссии США.

14 августа в Коринто прибыл еще один батальон морской пехоты в количестве 341 солдат и 13 офицеров под командованием Батлера. 17 августа американцы (около 60 моряков и морских пехотинцев) оккупировали Блуфилдс, чтобы создать базу для широкомасштабной интервенции и воспрепятствовать занятию этой важнейшей экспортной гавани страны повстанцами.

¹⁸⁶ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

¹⁸⁷ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

¹⁸⁸ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

Таким образом, американцы создали плацдармы для развертывания операций как на тихоокеанском, так и на атлантическом побережье Никарагуа.

Отряд Батлера вместе с 80 моряками погрузился на поезд и уже 15 августа прибыл в Манагуа. Батлер и Вейцель послали трех морских пехотинцев в Масайю к Мене с предложением почетной капитуляции. Мена, больной ревматизмом, сообщил, что рад бы сдаться, но войсками уже командует Селедон.

Американцы попытались прямо на поезде занять оплот либералов город Леон, но повстанцы просто высадили их, и янки пришлось возвращаться в Манагуа. Престиж доселе непобедимых американцев сильно пострадал. 25 августа Батлер направил отряд в 190 человек якобы для того, чтобы возобновить железнодорожное сообщение между Манагуа и Коринто. Повстанцы в нескольких местах взорвали пути, но вооруженного сопротивления не оказывали.

В Леоне американцев встретил командир повстанцев, направивший на Батлера револьвер. Но морпех, изловчившись, выхватил его, с улыбкой вынул все патроны и вернул обратно. Американцы въехали в Леон фактически как военнопленные. Поезд медленно продвигался сквозь враждебно настроенную толпу, скандировавшую антиамериканские лозунги. Женщина крупного телосложения прорвалась к Батлеру и угрожала ему мачете. Тем не менее отряд Батлера проследовал в Коринто, а потом обратно в Манагуа. В Леоне Батлера спас сальвадорский посланник, уговоривший местных жителей не трогать американцев¹⁸⁹.

4 сентября 1912 года госдепартамент США заявил, что целями пребывания американских войск в Никарагуа являются охрана дипломатической миссии США и поддержание транспортного сообщения между Манагуа и Коринто, а также, естественно, защита жизни и собственности американских граждан. О помощи якобы попросили 125 американских плантаторов и два десятка американских предприятий. Потребовали присылки войск и американские банкиры, заинтересованные в обслуживании Никарагуа своего внешнего долга. На самом деле они были очень обеспокоены тем, что и Мена, и Селедон потребовали отмены неравноправных кредитных соглашений с США. К тому же США были полны решимости добиться выплаты компенсации за жизни казненных в 1909 году флибустьеров Кэннона и Гросса.

Интервенция США вызвала протесты во всех странах Центральной Америки. Американский посланник сообщал из Сальвадора о массовом митинге рабочих и студентов 9 сентября 1912 года¹⁹⁰. Демонстранты протестовали против нападения США на «братскую страну». Президент Сальвадора поручил посланнику государства в Вашингтоне произвести демарш в защиту Никарагуа, но американцы его просто проигнорировали. Они лишь снисходительно заметили, что президент Сальвадора имеет искаженную информацию насчет положения в Никарагуа.

Между тем в сентябре в Коринто прибыли еще два батальона морской пехоты США. Под предлогом охраны железной дороги между Коринто и Манагуа американцы решили оккупировать Леон – центр восстания, а также Масайю и Гранаду.

15 сентября батальон Батлера с пулеметами и двумя трехдюймовыми орудиями по железной дороге отправился в Масайю. На окраине города на холме Ла-Барранка правительственные войска осаждали либералов Селедона. После переговоров Селедон пропустил поезд с американцами, и Батлер направился в Гранаду. Там он потребовал от генерала Мены сложить оружие¹⁹¹.

¹⁸⁹ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

¹⁹⁰ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

¹⁹¹ Селедон направил к Мене курьера с предложением устроить американскому эшелону совместную засаду, но курьера перехватили правительственные войска.

К Мене из Леона пробились примерно 400 либералов, которых генерал начал вооружать. Однако Мена был по-прежнему прикован к постели ревматизмом, и воля его к сопротивлению была сломлена. 22 сентября 1912 года американцы стали разрабатывать план штурма Гранады, но на следующий день Мена капитулировал в Масайе (на американском военном корабле его перебросили в зону Панамского канала). Верховным вождем восстания официально стал Селедон.

В сентябре на территории Никарагуа уже находились около 2400 американских морских пехотинцев и моряков. Расправившись с Меной (которому разрешили эмигрировать), американцы 2 октября двинули все свои силы к Масайе.

Всего к последнему оплоту либералов – Масайе – были стянуты примерно две тысячи американцев и пять тысяч солдат правительственных никарагуанских войск. У Селедона имелось около 600 бойцов, но он более месяца умело отбивал все попытки штурма Ла-Барранки. Командующий американскими оккупационными войсками полковник Педдлтон предъявил Селедону ультиматум: 3 октября оставить позиции и в указанном американцами месте сдать оружие. В противном случае американцы угрожали решительным штурмом. Ответ Селедона был краток: «Я не хочу позорного мира для себя и сыновей моей Родины. Мы не предатели... Тот, кто умеет умирать, умеет жить свободным... Я и мои храбрые товарищи выбираем смерть, мы решили не сдаваться». В своем завещании примерно за сутки до гибели Селедон писал: «Если я погибну, то погибну за Родину, за ее честь и незапятнанный суверенитет».

4 октября 1912 года в 5:15 утра американцы подвергли крепость Ла-Барранка ожесточенному артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Потом три батальона морских пехотинцев пошли на штурм. Повстанцы, большинство из которых не были профессиональными военными и испытывали недостаток в боеприпасах, храбро сопротивлялись. Но силы были неравны. Бой продолжался 40 минут. Крепость пала, и Селедона расстреляли. Его труп победившие консерваторы торжественно пронесли по улицам никарагуанских городов.

Со стороны восставших погибли 163 человека (непосредственно в бою 27, остальных расстреляли, взяв в плен), американцы потеряли семь человек убитыми и 28 ранеными. Никарагуанский посланник в Вашингтоне выразил правительству США «искренние соболезнования» по поводу гибели американцев за «высокие идеалы»¹⁹².

В частях Диаса погибли, по разным данным, от 13 до 18 человек. Эти войска подвергли Масайю грабежу, как если бы речь шла о неприятельском городе. Были убиты не менее 41 мирного жителя.

6 октября американцы заняли центр восстания Леон, потеряв при обстреле местным населением трех человек убитыми.

Восстание либералов и Мены было подавлено, но американцы оставили в Манагуа отряд морской пехоты численностью 130 человек якобы для защиты своей дипломатической миссии.

На фоне массовых репрессий против сторонников либералов проходила и предвыборная кампания в Никарагуа. Либеральная партия в знак протеста против казней и американской интервенции вообще решила не выдвигать своего кандидата на пост президента, понимая, что ни о каких нормальных выборах речи не идет. В консервативной партии соперничали Диас и Чаморро. Интересно, что после «освобождения» Гранады от восставших американцы получили благодарственное письмо «от дам Гранады», которое подписала «леди» по фамилии Чаморро.

¹⁹² FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frasl912.i0030.pdf>).

Но бизнес (в том числе и иностранный) предпочел Диаса, так как Чаморро был слишком одиозен, и его избрание могло спровоцировать новую гражданскую войну¹⁹³. Сам Диас хотел уйти из политики, но американцы сделали ставку именно на него.

Примечательно, что Диас хотел избрания президента не гражданами, а парламентом. Но американцы со ссылкой на «пакты Доусона» потребовали инсценировки народного волеизъявления.

Под защитой американских штыков Диас 2 ноября 1912 года был «избран» президентом Никарагуа (население консервативной Гранады проголосовало за Чаморро). Срок его полномочий начался 1 января 1913 года. Чаморро был назначен посланником в Вашингтон.

25 ноября 1912 года американский Тихоокеанский флот наконец покинул Коринто, оставив, правда, в порту крейсер «Аннаполис».

После подавления восстания Мены и либералов Никарагуа находилась на грани банкротства. По американским оценкам, только прямой ущерб от военных действий составил два миллиона долларов (то есть больше, чем весь кредит, который американцы выделили своим марионеткам в Никарагуа). Резко сократились таможенные сборы. Если до восстания они составляли в среднем 138 тысяч долларов в месяц, то в августе 1912 года упали до 56 тысяч, а в сентябре – до 31 тысячи¹⁹⁴. Да и само восстание удалось подавить во многом потому, что правительство Диаса в критическом августе 1912-го получило от Национального банка (фактически принадлежавшего американцам) кредит в 100 тысяч долларов.

Диасу опять пришлось идти с протянутой рукой к своим хозяевам. Но те потребовали сначала решить вопрос о трансокеанском канале. В XIX веке США и Никарагуа заключили шесть договоров о прокладке канала, но ни один из них американцами выполнен не был.

К концу 1912 года было совершенно ясно, что вот-вот вступит в строй Панамский канал. Поэтому единственной целью переговоров для США было не допустить строительства на территории Никарагуа канала-конкурента третьей страной.

9 февраля 1913 года посланник США в Никарагуа Вейцель и министр иностранных дел Никарагуа Диего Чаморро подписали очередной договор о канале, получивший наименование «договор Вейцеля – Чаморро». Согласно этому кабальному для Никарагуа документу США получали на вечные времена эксклюзивное право прокладки канала по территории Никарагуа. Для защиты канала Никарагуа обязалась предоставить США в аренду на 99 лет острова Корн в Атлантическом океане и военно-морскую базу в заливе Фонсека в Тихом океане. Кроме того, США получали право на каботажное судоходство в водах Никарагуа с правом проведения погрузочно-разгрузочных работ в любом никарагуанском порту.

За все эти уступки США была готова заплатить Никарагуа три миллиона долларов.

Договор вызвал бурю возмущения в Центральной Америке. Протест в Вашингтон направили Сальвадор и Коста-Рика. Костариканцы ссылались на никарагуанско-костариканский договор 1858 года и на арбитражное решение президента США Кливленда от 1888 года. Согласно этим документам Никарагуа не имела права строить канал, проходящий по пограничной реке Сан-Хуан, без предварительного согласия Коста-Рики. Сальвадор протестовал против предоставления США военно-морской базы в заливе Фонсека, так как этот залив находился в совместном владении Сальвадора, Гондураса и Никарагуа.

Коста-Рика официально проинформировала Никарагуа и США, что не считает договор имеющим юридическую силу. Костариканцы хотели передать договор на рассмотрение международного суда в Гааге.

Дело дошло до того, что договор Вейцеля – Чаморро был провален даже в американском сенате.

¹⁹³ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 154.*

¹⁹⁴ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 154.*

США и Никарагуа начали новые (на сей раз тайные) переговоры. 5 августа 1914 года, когда все внимание мировой общественности было привлечено к только что начавшейся в Европе мировой войне, был заключен новый американско-никарагуанский договор Брайана (госсекретарь США) – Чаморро. В целом этот документ мало отличался от предшествующего. Уточнялось, что база в заливе Фонсека будет предоставлена США именно на никарагуанской территории. Была исключена статья об эксклюзивном праве США на каботажное судоходство в никарагуанских водах. В остальном все осталось без изменений.

18 февраля 1916 года новый договор был ратифицирован Сенатом США, 12 апреля – никарагуанским парламентом. При ратификации в американском сенате сенатор Смит заметил, что одобрять договор как-то неудобно, поскольку никарагуанский посланник предложил США больше, чем у него просили. Сомневался и бывший госсекретарь Рут: можно ли вообще иметь дело с правительством Никарагуа, которое так беспардонно распродает собственный суверенитет? Известный прогрессивный сенатор Бора заявил: «Я никогда не считал, что договор с Никарагуа – это договор с никарагуанским народом. Мы просто заключили договор сами с собой. Мы заключили договор с правительством, которое представляло нас самих, хотя во время переговоров и сидело на противоположной стороне стола. Мы заключили договор с правительством, которое было нашим орудием»¹⁹⁵.

Сальвадор и Коста-Рика обратились в центральноамериканский арбитражный суд, требуя признать договор Брайана – Чаморро недействительным. При этом Сальвадор утверждал, что договор Брайана – Чаморро нарушает нейтралитет Гондураса, зафиксированный в Вашингтонских конвенциях 1907 года, а также противодействует достижению единства центральноамериканских республик. 9 марта 1917 года центральноамериканский суд принял решение в пользу Сальвадора¹⁹⁶, но США не обратили на это никакого внимания.

Как только режим Диаса заключил с американцами в феврале 1913 года договор о канале (точнее, о том, что он так никогда и не будет проложен), американцы согласились начать переговоры о новой порции финансовой «помощи» Никарагуа. Американские держатели никарагуанских облигаций согласились направить некоторую часть никарагуанских же таможенных сборов в казну правительства. Однако режим Диаса по-прежнему был фактическим банкротом, не выплачивая даже заработную плату государственным служащим.

Налоги не собирались, страна была по-прежнему наводнена бумажными деньгами, процветал бандитизм.

После победы на президентских выборах в США в 1912 году демократа Вильсона (который слыл прогрессивным политиком) в Никарагуа начали распространяться слухи, что новая администрация США не признает марионеточный никарагуанский режим. Эти слухи стали настолько угрожающими для Диаса, что посланник США в Манагуа поспешил их публично опровергнуть.

8 октября 1913 года после восьмимесячных переговоров с американскими кредиторами было заключено новое, еще более кабальное, чем предыдущие, финансовое соглашение между США и Никарагуа.

Правительство Никарагуа выпускало новые долговые облигации на сумму 1 064 000 долларов под 6 % годовых со сроком погашения 1 октября 1914 года. Эти облигации продавались американским кредиторам за миллион долларов. Большая часть выручки от продажи облигаций направлялась на погашение предыдущих облигаций, то есть в карманы тех же американцев. 100 тысяч долларов выделялись на погашение претензий иностранных граждан, 350 тысяч передавались правительству Никарагуа для обеспечения обмена местной

¹⁹⁵ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 18.

¹⁹⁶ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 154.*

валюты на иностранную. Это тоже было в интересах американских бизнесменов в Никарагуа, которые активно выводили из страны полученные там прибыли.

Под новый кредит заложили остававшиеся 49 % акций Национального банка, 49 % акций железных дорог, а также часть таможенных поступлений. 51 % акций железных дорог (которые с 1912 года были зарегистрированы в штате Мэн) был продан американским кредиторам за миллион долларов. Те, в свою очередь, обещали вложить еще 500 тысяч в модернизацию дорог. Американские банкиры «согласились» приобрести 51 % акций Национального банка за 153 тысячи долларов¹⁹⁷.

Одновременно они отказались от концессии на строительство железной дороги между атлантическим и тихоокеанским побережьями Никарагуа. Американскому бизнесу в Москитии такая дорога была не нужна. Товарные потоки шли на Новый Орлеан и Бостон, а по железной дороге возможное в будущем прогрессивное правительство Никарагуа могло бы быстро перебрасывать войска для борьбы с очередным переворотом. У самих американских компаний на атлантическом побережье были построены десятки миль собственных железных дорог.

В Национальном банке и железных дорогах, которые теперь окончательно перешли под контроль американцев, управление осуществляли по девять директоров. Американские кредиторы назначали шестерых из них, правительство Никарагуа – двух, госдепартамент США – одного.

Железные дороги Никарагуа на тихоокеанском побережье начали сооружаться в 1878 году, и к 1903-му благодаря активной политике Селайи было построено 127 миль между портом Коринто и Гранадой. С 1905-го по 1909 год железные дороги были сданы в аренду синдикату частных предпринимателей, но потом Селайя вернул их под контроль государства. Когда американцы в 1913 году установили контроль над железными дорогами, они вдвое увеличили плату за проезд пассажиров и провоз грузов¹⁹⁸. Одновременно никарагуанское правительство освободило владельцев дорог на 20 лет от всех налогов и пошлин при импорте товаров для железнодорожных нужд. За это правительству разрешили перевозить собственные грузы за половинный тариф, а некоторые чиновники могли ездить на поезде бесплатно.

В результате очередной американской финансовой комбинации 1913 года долговая нагрузка Никарагуа только выросла. Страна лишилась стратегически важной собственности (железных дорог) и национального центрального банка. Поступления с никарагуанских таможен распределялись американским генеральным инспектором, прежде всего в пользу иностранных кредиторов. При этом живых денег режим Диаса опять практически не получил, и положение никарагуанских государственных финансов стало еще более отчаянным. В январе 1914 года Диас попытался получить от банкиров еще один кредит хотя бы на 250 тысяч долларов, но ему ответили отказом.

В 1914 году Никарагуа столкнулись с тяжелой засухой и набегами саранчи, которые практически уничтожили в некоторых местах урожай кофе. Это грозило крахом всей внешней торговли и прекращением притока иностранной валюты и таможенных пошлин. Диас хотел выпустить очередную порцию бумажных денег, но контролируемый американцами Национальный банк не стал этого делать.

Диас униженно просил американцев быстрее выделить ему три миллиона долларов по договору о канале, но США были готовы сделать это только после ратификации договора. Тогда Диас побудил никарагуанский конгресс выдать ему полномочия по дефолту правительства, как по внутреннему, так и по внешнему долгу. Но если указ о внутреннем дефолте

¹⁹⁷ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 158.

¹⁹⁸ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 163.

Диас подписал сразу, то указ о дефолте внешнем отложил, используя его как средство для того, чтобы все же заставить кредиторов пойти на переговоры о реструктуризации внешнего долга страны.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война едва не привела к полному краху никарагуанской экономики. Европейские импортеры отказались предоставить никарагуанским производителям кофе обычные коммерческие кредиты (фактическую предоплату), и экспорт кофе замер. Никарагуанские производители стали требовать кредитов от правительства, но Диас никарагуанскими финансами уже не распоряжался.

Только в сентябре – октябре 1914 года на переговорах с иностранными кредиторами удалось добиться права временно вернуть правительству поступления от таможенных пошлин (до этого они шли кредиторам, так как выступали залогом по облигациям всех выпусков). Правительству разрешили также выпустить еще миллион кордоб (так называлась теперь никарагуанская валюта, приравненная к доллару) для выделения целевых кредитов производителям кофе. 500 тысяч кордоб было выделено на выплату заработной платы государственным служащим, но только при условии введения новых налогов.

В обмен на эти уступки американские банкиры выторговали себе право не вкладывать обещанных 500 тысяч долларов в модернизацию никарагуанских железных дорог¹⁹⁹.

Неудивительно, что финансовая ситуация Никарагуа только ухудшалась, поскольку обещанных американцами денег по договору Брайана – Чаморро в 1916 году так и не поступило. Страна опять оказалась на грани банкротства, и 1 января 1917 года американский генеральный инспектор никарагуанских таможен приостановил выделение средств правительству.

Сложной оставалась и политическая обстановка в Никарагуа. В июле 1914 года два американца вместе с рабочими-неграми попытались захватить Блуфилдс и отделить Москитию от Никарагуа. Но на сей раз государственный департамент публично осудил мятеж и он был быстро подавлен.

Либералы, полагавшие, что мировая война отвлечет внимание США от Никарагуа, опять подняли голову. Они выставили своим кандидатом на президентских выборах 1916 года стойкого соратника Селайи Хулиана Ириаса, который был смертельным врагом как Диаса (который по конституции не имел права баллотироваться на второй срок), так и лидера консерваторов Чаморро. Либералы требовали отмены договора о канале и пересмотра грабительских финансовых соглашений с американскими кредиторами.

Однако 17 сентября 1916 года американский посланник в Манагуа Джефферсон пригласил к себе Ириаса и в присутствии адмирала Капертона (командующего американским флотом у берегов Никарагуа) доходчиво объяснил ему, что США не потерпят на посту президента человека, выступающего против договора Брайана – Чаморро. К тому же новый президент, с точки зрения американцев, должен был по-прежнему санкционировать пребывание отряда морской пехоты США в Манагуа, что было для Ириаса заведомо неприемлемо. И в довершение от Ириаса потребовали веских доказательств, что после свержения Селайи он не участвовал в попытках дестабилизации никарагуанского правительства²⁰⁰. Ириас понял, что его возможная победа на выборах приведет к немедленной американской военной интервенции, и снял свою кандидатуру – чего, собственно, и добивались американцы.

Диас усиленно продвигал на пост президента представителей консервативного семейного клана Куадра, соперника клана Чаморро. Сначала Диас избрал в качестве своего преемника Педро Рафаэля Куадру, финансового агента Никарагуа в США, а затем – Карлоса Куадру Пасоса, члена никарагуанско-американской смешанной комиссии по удовле-

¹⁹⁹ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 160.

²⁰⁰ *Гонионский С. А.* Сандино, М. 1965. С. 18–19.

нию претензий на возмещение ущерба. И тот и другой были еще в большей степени американскими марионетками, чем сам Диас. Однако глава другого мощного консервативного клана Эмилиано Чаморро (посланник в Вашингтоне) заявил, что сам хочет стать президентом, так как в 1912 году «уступил» Диасу место только в обмен на аналогичный жест в 1916 году. Чаморро вернулся в Никарагуа и добился выдвижения своей кандидатуры от консервативной партии.

За две недели до выборов свой выбор в пользу Чаморро сделали американцы, и Пасос снял кандидатуру. Либералы пытались договориться о тактическом союзе против Чаморро с кланом Куадра, но не успели этого сделать. Поэтому на президентских «выборах» у Чаморро соперников не было, и 1 января 1917 года он вступил в должность президента (получив во время голосования 51,8 тысячи голосов)²⁰¹.

Хотя Чаморро опирался на поддержку армии, американцы крепко держали на его шее долларовую петлю и в день его инаугурации приостановили, как уже упоминалось, перевод на счета правительства таможенных платежей. Не спешили они и выплачивать деньги по договору о канале. На момент вступления Чаморро в должность правительство было должно собственным служащим 500 тысяч долларов в виде задержанной заработной платы.

В самих США между тем возник спор между госдепартаментом и американскими кредиторами (никарагуанцев даже не пригласили), куда конкретно направить три миллиона долларов по договору Брайана – Чаморро²⁰². Банкиры – владельцы облигаций настаивали на том, что сначала должен был погашен облигационный долг. Того же требовали и европейские (в основном британские) кредиторы, имевшие еще облигации Селайи выпуска 1909 года. Американское правительство считало, что всех иностранных кредиторов следует обслужить на равных условиях, а банкирам стоит помолчать, поскольку только у них имеется залог в виде поступлений от никарагуанских таможен. Такая позиция госдепартамента объяснялась тем, что США уже приняли решение вступить в войну против Германии на стороне Антанты и не хотели без нужды ссориться со своим основным союзником – Великобританией.

Тогда американские банкиры попытались договориться с Чаморро напрямую, но госдепартамент предупредил, что оставляет за собой право направить три миллиона туда, куда посчитает нужным. Чаморро пришлось согласиться на проведение в Вашингтоне специальной конференции правительства Никарагуа, американских кредиторов и госдепартамента.

Осенью 1917 года были подписаны соглашения о распределении трех миллионов долларов. Из них 2,025 миллиона получили британцы из синдиката Этельбарга. Затем был погашен американский кредит никарагуанскому центральному банку в размере 100 тысяч долларов.

В результате Чаморро из этих трех миллионов получил только 500 тысяч на погашение накопленного долга по зарплате госслужащих и 334 тысячи на погашение текущих долгов. К тому же никарагуанскому правительству пришлось согласиться на так называемый «финансовый план», который разработали американские эксперты. По этому «плану» американские советники, которых, несмотря на сопротивление Чаморро, назначили американские же кредиторы, фактически составляли никарагуанский бюджет.

Никарагуа, таким образом, лишилась последних признаков суверенного государства. Не помогло даже решение Чаморро объявить 9 мая 1917 года войну Германии и Австро-Венгрии (США вступили в войну в апреле 1917-го) для того, чтобы понравиться американскому общественному мнению. Посланник Мексики в Гватемале абсолютно верно характе-

²⁰¹ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 165.*

²⁰² *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 165.*

ризовал Чаморро в донесении в Мехико от 31 октября 1918 года как «жалкого чиновника американского госдепартамента»²⁰³.

В декабре 1919 года Чаморро намекнул американцам, что хотел бы остаться президентом еще на один срок. В США поняли, что такое грубое нарушение основного закона Никарагуа наверняка приведет к народному восстанию, и скомандовали президенту «отбой». Чаморро послушно снял свою кандидатуру, но решил оставить президентское кресло в семье. Он заставил консервативную партию выдвинуть кандидатом своего дядю Диего Чаморро – посланника в Вашингтоне. На практике получалось, что только посланник в США может стать следующим никарагуанским президентом. Американский посланник в Манагуа признавал, что кандидатура Диего Чаморро не пользуется поддержкой ни среди консерваторов, ни среди населения в целом²⁰⁴. В знак протеста против неприкрытого кумовства подал в отставку даже министр иностранных дел Уртечо, который выдвинул свою кандидатуру как независимый кандидат.

Государственный департамент США «в ответ на многочисленные просьбы представителей различных политических партий Никарагуа» лицемерно заявил, что у Америки нет собственных предпочтений и она уважает выбор никарагуанского народа.

Проблема была в том, что, согласно никарагуанскому избирательному законодательству, никакого реального выбора у избирателей не было. Голосовать имели право только те, кого правительственные чиновники заносили в списки избирателей. Сторонникам либералов в этом просто отказывали, и они тем самым лишались права голоса.

Сами либералы на сей раз выдвинули абсолютно приемлемого для американцев человека – богатого кофейного плантатора и человека очень умеренных взглядов Хосе Эстебана Гонсалеса. Официально Гонсалес шел на выборы от так называемой Коалиционной партии, в которой объединились как либералы, так и не довольные засильем клана Чаморро консерваторы. По оценкам американского посланника в Манагуа, при свободных выборах победу наверняка одержал бы Гонсалес.

Оппозиция требовала разрешить голосовать всем избирателям вне зависимости от их наличия в списках. Под давлением госдепартамента (который опасался восстания в случае откровенно нелегитимных выборов) Чаморро согласился на это, но одновременно заявил, что бюллетени незарегистрированных избирателей все равно учитываться не будут (!). Правительство в нарушение закона привело на избирательные участки переодетых в гражданское военнослужащих (по закону не имевших права голоса) и активно не пускало на эти же участки сторонников либералов, многие из которых вообще были арестованы за день до голосования.

За выборами наблюдал специальный представитель госдепартамента Джесси Миллер.

Диего Чаморро набрал в результате «выборов» 62 тысячи голосов, Гонсалес – 32 тысячи, Уртечо – 762 голоса. Миллер сообщил в госдепартамент, что у консерваторов и либералов примерно одинаковое количество сторонников. Это, казалось бы, ясно говорило о массовых фальсификациях народного волеизъявления²⁰⁵. Однако общая оценка Миллера была более чем странной – при таком «несовершенном» избирательном законодательстве выборы в целом, дескать, верно отражают настроения населения Никарагуа.

Правда, само население Никарагуа так не считало. Американцам пришлось для сохранения внутривнутриполитической стабильности в стране направить в январе 1922 года своего эксперта Доддса для выработки нового никарагуанского избирательного закона.

²⁰³ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 163.

²⁰⁴ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 172.

²⁰⁵ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 174.

Никарагуа тем временем стала фактически вотчиной семейного клана Чаморро. Люди с этой фамилией занимали посты министра внутренних дел, советника по финансовым вопросам, спикера конгресса, начальника столичной крепости, управляющего таможнями, начальника крупнейшего порта Коринто, консулов Никарагуа в Новом Орлеане, Сан-Франциско и Лондоне²⁰⁶.

Обстановка в Никарагуа продолжала накаляться. Во второй половине 1921 года революционеры-либералы провели несколько вооруженных рейдов против правительственной армии в районе никарагуанско-гондурасской границы. Правительство подавило повстанцев, но никарагуанский бюджет в результате этого опять оказался на грани банкротства.

В мае 1922 года столичная крепость Лома была захвачена уже консерваторами, недовольными доминированием клана Чаморро в политической жизни страны. Это восстание, по сути, подавил американский посланник, заявивший оппозиционерам, что любая стрельба в Манагуа приведет к немедленной военной интервенции США²⁰⁷. На встрече в американской дипмиссии революционеры согласились сложить оружие в обмен на амнистию.

Спустя некоторое время либералы атаковали города Леон и Чинандега. Правительству пришлось объявить в стране осадное положение. Таким образом, Никарагуа оказалась на грани гражданской войны. Американцев это никак не устраивало, и они решили предотвратить возможную революцию с помощью дипломатии.

С этой целью США созвали в декабре 1922 года в Вашингтоне конференцию стран Центральной Америки. По итогам встречи был подписан договор «о мире и дружбе». Но целью создания этого документа было совсем другое. В нем говорилось, что все страны-участники отныне не будут признавать правительства, пришедшие к власти в «результате государственного переворота или революции, направленной против существующего правительства»²⁰⁸. Напомним, что в 1909 году США активно поддерживали мятеж против законного президента Никарагуа Селайи. Теперь же все центральноамериканские страны обязались не оказывать помощи революционерам в других странах региона.

Конференция в Вашингтоне приняла и еще одно решение, оказавшееся для Никарагуа (впрочем, не только для нее) роковым. Всем странам региона было рекомендовано создать армию нового типа – «национальную гвардию», причем под руководством американских инструкторов. Эта армия нового типа якобы должна была быть далекой от политики и тем самым положить конец череде бесконечных военных переворотов в латиноамериканских республиках.

12 октября 1923 года неожиданно умер президент Диего Чаморро, и его пост занял вице-президент Бартоломе Мартинес. Для американцев этот человек был «темной лошадкой». Ему не очень доверяли, причем главным образом потому, что Мартинес не был коррупционером и его трудно было подкупить. О нем говорили, что он покинул президентское кресло более бедным, чем был до вступления на пост главы государства.

Благодаря высоким ценам на кофе после окончания Первой мировой войны Мартинес смог с помощью возросших таможенных поступлений расплатиться с частью внешнего долга и вернуть Никарагуа Национальный банк и железные дороги. Американцам такая самостоятельность не понравилась, и когда Мартинес объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 1924 года, они сочли, что это нарушает конституцию Никарагуа (хотя Мартинес на пост президента до этого не избирался и имел полное право участвовать в выборах).

²⁰⁶ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 19.

²⁰⁷ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 175.

²⁰⁸ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 20.

14 ноября 1923 года США фактически предъявили Никарагуа ультиматум: они заявили, что признают легитимность президентских выборов 1924 года только при выполнении двух условий²⁰⁹. Первое из этих условий было вынужденной данью моде: американцы требовали изменить избирательное законодательство и сделать его более демократичным. Только в этом случае США готовы были отозвать в январе 1925 года (после инаугурации нового президента) отряд морской пехоты из Манагуа. В Вашингтоне понимали, что если избирательное недемократическое законодательство останется в неприкосновенности, то за выборами 1924 года наверняка последует вооруженное восстание. Оно было явно не на руку новой республиканской администрации в Белом доме, которая пришла к власти в 1920 году под лозунгами изоляционизма во внешней политике (республиканцы были даже против членства Америки в Лиге Наций).

Второе условие было гораздо более важным и фактически сводило на нет первое. Американцы обусловили вывод своих войск из Манагуа созданием никарагуанской национальной гвардии под руководством американских офицеров (со ссылкой на решения последней центральноамериканской конференции). Гвардия должна была заменить одновременно прежнюю армию и полицию. США боялись, что если либералы победят на выборах (что было более чем вероятно), то армия демократизируется и станет возможной преградой на пути очередной американской интервенции.

При невыполнении этих условий американцы фактически отказывались признать легитимность будущего президента Никарагуа.

Между тем ставший для страны уже одиозной фигурой Эмилиано Чаморро пытался сохранить президентский пост в семье и подумывал опять выдвинуть свою кандидатуру. Но даже американцы понимали, что очередного Чаморро народ не примет.

Тогда консерваторы попытались заключить соглашение с либералами и выдвинуть единого кандидата (то есть сделать выборы безальтернативными). Идея провалилась, и послушная Чаморро консервативная партия опять выдвинула его в президенты. Страна неумолимо скатывалась к гражданской войне.

Либеральная партия, в свою очередь, раскололась на две фракции. Либеральные националисты выдвинули кандидатом Хуана Баутисту Сакасу, врача и уроженца либеральной твердыни – Леона. Сакаса учился в США с 1889-го по 1901 год, имел диплом врача Колумбийского университета (позднее он был одним из руководителей университета Леона) и хорошо говорил по-английски, а значит, являлся для американцев приемлемой персоной на посту президента. Правда, в свое время он поддерживал Селайю, но американцы были готовы простить ему ошибки молодости в обмен на послушание.

Вторая фракция, уступавшая первой влиянием, – либеральные республиканцы – бросила в предвыборную гонку Луиса Кореа.

Американцы увидели в таком раскладе хорошую возможность наконец-то объединить либералов и консерваторов под своим руководством.

Между тем и действующий президент Мартинес вел переговоры с либеральными националистами о создании предвыборной коалиции. Однако американцы 13 июня 1924 года еще раз четко дали понять, что выступают против него, и Мартинес снял кандидатуру²¹⁰.

Но затем он вступил с либеральными националистами в союз. В качестве совместной кандидатуры был выдвинут мало кому известный консервативный политик Карлос Солорсано. Его главным достоинством для США было родство с Адольфо Диасом. Сакаса стал кандидатом на пост вице-президента.

²⁰⁹ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 179.*

²¹⁰ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 182.*

Либералам было обещано как минимум два министерских поста в будущем правительстве, пять мест политических руководителей департаментов (то есть глав администрации) и пропорциональное представительство в верховном суде. Либералам резервировали также треть мест в парламенте. Но большинство ключевых постов все равно оставалось за консерваторами. В руках Солорсано был столичный гарнизон. США такая схема устраивала, потому что выводила либералов из оппозиционной ниши и накрепко привязывала их к коррупционной системе, которую американцы создали в Никарагуа.

Чаморро, вопреки советам госдепартамента, из борьбы не вышел, тем более что его решила поддержать часть консерваторов, отколовшаяся после союза Солорсано с Сакасой от этого блока. Проблему Чаморро очень верно отразил мексиканский журналист Немесио Гарсиа Наранхо: «...у бедного Чаморро был единственный дефект – тот же, что и у сапожной щетки, которая после длительного употребления загрязняется»²¹¹.

Солорсано и Сакаса одержали на выборах 1924 года победу²¹². Американцы стали спешно формировать национальную гвардию, так как все еще сомневались в прочности новой либерально-консервативной коалиции.

4 января 1925 года состоялась инаугурация Солорсано. Уже через три дня американский временный поверенный в Манагуа передал ему план по организации национальной гвардии и заручился согласием нового президента на назначение командующим гвардией американского майора Кейзера²¹³. Солорсано сам попросил оставить в Манагуа американскую морскую пехоту до тех пор, пока первые отряды национальной гвардии не будут готовы к боевым действиям. Поверенный в делах США отмечал, что Солорсано «действительно крайне озабочен» возможностью вывода морской пехоты уже в январе 1925-го и просит отложить его (госдепартамент вначале полагал, что морская пехота покинет никарагуанскую землю 9 февраля).

7 января Солорсано направил госсекретарю личную ноту с просьбой отложить вывод американских войск до начала функционирования национальной гвардии. Госдепартамент ответил, что «несколько удивлен», так как о выводе войск сразу после выборов было объявлено еще за год до этого²¹⁴. Американцы все же милостиво согласились оставить в Манагуа отряд морской пехоты не более, чем до 1 сентября 1925 года – но только в интересах «процветания» Никарагуа.

В феврале 1925-го США передали Никарагуа свой план по организации национальной гвардии, согласно которому в новой «армии» должно было состоять всего-навсего 23 офицера и 392 солдата и сержанта, не считая американского персонала. При этом гвардия заменяла собой полицию, армию и военно-морской флот. Правда, в будущем при необходимости численность гвардии можно было бы увеличить²¹⁵. Подготовку гвардии за счет никарагуанского бюджета должны были осуществлять американские офицеры.

Даже посланник США был поражен этим планом, отметив, что он вызовет недовольство других центральноамериканских государств, так как создается впечатление, что американцы, уходя из Никарагуа, на самом деле там остаются, пусть и в другом облики. Сомневался и Солорсано, но его предупредили нотой государственного департамента от 11 марта 1925 года: если он немедленно не согласится, морская пехота США покинет Манагуа.

²¹¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 21.

²¹² Интересно, что на избирательных участках за порядком следили морские пехотинцы США. Однако консерваторы запротестовали, когда пехотинцы решили понаблюдать и за подсчетом голосов. Либералы не возражали.

²¹³ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frasl925v02.i0024.pdf>).

²¹⁴ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frasl925v02.i0024.pdf>).

²¹⁵ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frasl925v02.i0024.pdf>).

14 мая никарагуанский конгресс утвердил американский план по созданию национальной гвардии. Правда, в законе ничего не говорилось о том, что гвардию создадут американцы, но Солорсано предупредил посланника США, что это было сделано с оглядкой на общественное мнение и что на самом деле в плане ничего не изменится, а участие американцев будет оформлено обменом нот.

Лишь 1 августа 1925 года морская пехота США покинула Манагуа. Над столичной крепостью «Марсово поле» впервые за 12 лет был поднят не американский, а никарагуанский флаг.

Вопреки сожалению Солорсано, обычные никарагуанцы не испытывали к уходящим американцам никаких теплых чувств. Американцы вели себя в Манагуа вызывающе, особенно в нетрезвом виде. Морские пехотинцы США постоянно становились героями пьяных драк в барах Манагуа, где они активно приставали к местным женщинам. Командир отряда оправдывался, что не имеет необходимого оборудования, чтобы заняться со своими подчиненными атлетическими видами спорта. 8 декабря 1921 года во время пьяной драки морской пехотинец застрелили полицейского. После этого американцам пришлось организовать патрулирование города, чтобы вовремя извлекать из баров своих подвыпивших соотечественников. В январе 1922 года пришлось направить в Манагуа подкрепление (97 морпехов и моряков), так как ненависть никарагуанцев стала практически открытой.

Как только американцы ушли, Солорсано стал избавляться от своих либеральных союзников. Своих постов лишились военный министр Хосе Мария Монкада и министр финансов Виктор Роман-и-Рейес²¹⁶. Последнего 29 августа 1925 года родственник президента генерал Ривас, командовавший столичной крепостью Лома, арестовал прямо на светском приеме в Международном клубе (вместе с двумя редакторами газет) – по обвинению в заговоре против правительства. Американский посланник сообщал, что гости на приеме были шокированы выстрелами в воздух. В Никарагуа было объявлено осадное положение. Новым военным министром стал сам президент.

В столицу вернулся Эмилиано Чаморро, явно намереваясь опять взять власть. Солорсано был готов уйти в отставку, но либералы, напуганные возможностью появления в президентском кресле их исконного врага Чаморро, убеждали его остаться. Так же думал и американский посланник Эберхардт. Он сообщил в Вашингтон, что отставка Солорсано означает гражданскую войну, так как консерваторы не хотят ни при каких условиях допустить, чтобы президентом стал вице-президент либерал Сакаса.

7 сентября 1925 года в целях достижения «стабилизирующего эффекта» Эберхардт предложил направить в Коринто американский военный корабль. К этой просьбе послушно присоединился и сам Солорсано. Корабли ВМС США быстро прибыли в порт, но уже 20 сентября их отправили обратно, чтобы не компрометировать Солорсано.

Однако очередная «революция» в Никарагуа все же состоялась, хотя и не по вине либералов. 25 октября 1925 года в 4 часа утра столичную крепость Лома захватил Эмилиано Чаморро. Через три часа он позвонил американскому посланнику и высказал свое требование: немедленное удаление всех либералов из правительства, так как они попали туда в результате «нечестных выборов». Солорсано может оставаться президентом, но только в том случае если сам Чаморро будет назначен на пост военного министра²¹⁷.

У президента состоялось совещание с участием американского посланника, причем Чаморро на нем представлял не кто иной, как Адольфо Диас. Либералы решительно отказались уйти из кабинета министров. Во время совещания люди Чаморро хладнокровно убили прямо перед президентским дворцом двух человек, чтобы требования их главаря выгля-

²¹⁶ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 39.*

²¹⁷ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frus1925v02.i0024.pdf>).

дели более убедительными. Рудиментарная национальная гвардия сильно уступала по численности путчистам и предпочла не вмешиваться в события. Эберхардт попросил Солорсано срочно вооружить национальных гвардейцев пулеметами. Посланник предупредил Чаморро, что США не признают правительство Никарагуа, пришедшее к власти в результате переворота.

Госсекретарь Келлог одобрил позицию Эберхардта.

Между тем уже 26 октября Солорсано согласился на все требования Чаморро и разорвал предвыборное коалиционное соглашение с либералами. Лично Чаморро было решено выплатить 10 тысяч кордоб, чтобы возместить его расходы на переворот (во время которого погибли 20 человек)²¹⁸.

Чаморро быстро направил 500 солдат в Леон, чтобы в зародыше подавить возможное восстание либералов.

Он изгнал из конгресса 18 депутатов-либералов и заменил их своими сторонниками. Вице-президент Сакаса отказался покинуть свой пост и вынужден был перейти на нелегальное положение, так как его угрожали убить. 9 ноября 1925 года Сакаса объявился в Гондурасе. Бывший вице-президент направил письмо американскому посланнику, умоляя США встать на сторону конституции, но Эберхардт предложил госдепартаменту никак не реагировать на события в Никарагуа.

Госдепартамент согласился и проинструктировал Эберхардта, что в случае отставки Солорсано США не предпримут никаких усилий, чтобы обеспечить Сакасе кресло президента²¹⁹. Чаморро попросил американского посланника подсказать выход из сложившегося конституционного кризиса и подчеркнул, что новое правительство обязательно будет лояльным Вашингтону. Сакасу обвинили в подготовке переворота и дали ему 25 дней на то, чтобы вернуться в страну и предстать перед судом.

Сакаса между тем добрался до Вашингтона и 21 декабря 1925 года был принят госсекретарем Келлогом. Но как только никарагуанец попытался разъяснить внутривнутриполитическую ситуацию в стране, Келлог оборвал его и сказал, что в госдепартаменте якобы не принято дискутировать относительно внутреннего положения иностранных государств²²⁰. Сакаса же, дескать, был удостоен лишь протокольной беседы, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и пришел без никарагуанского посланника, поэтому политические разговоры исключены. А если он все-таки хочет поговорить об обстановке в Никарагуа, то ему надо обратиться к начальнику латиноамериканского отдела госдепартамента Фрэнсису Уайту.

Уайт объяснил Сакасе, что США оказывают поддержку всем конституционным правительствам, но поддержку чисто моральную. В случае Никарагуа это означает, что США не признают правительства, которое придет там к власти насильственным путем, но и не окажут военной помощи Сакасе в отстаивании конституционных идеалов. Плохо, если народы центральноамериканских стран будут надеяться на Вашингтон. Это умаляет их национальное достоинство. Можно представить, с каким чувством Сакаса слушал эти лицемерные тирады.

Американцы готовились заменить Солорсано отнюдь не Сакасой, а своей привычной марионеткой Адольфо Диасом, который должен был стать временным президентом. Чаморро сделали бы сенатором (ему должен был уступить свое кресло один из консерваторов), после чего его назначил бы исполняющим обязанности президента до конца срока

²¹⁸ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frusl925v02.i0024.pdf>).

²¹⁹ Сакаса просил соизволения вернуться в Никарагуа на военном корабле США, рассматривая это как гарантию личной безопасности. Американцы отказались, сославшись на то, что появление американского корабля в Никарагуа произведет нежелательный эффект на общественное мнение страны (!). Между тем военные корабли США только что покинули Коринто.

²²⁰ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frasl925v02.i0024.pdf>).

полномочий Солорсано уже сам Диас. С планом полностью согласился и Эберхардт, подчеркнув в беседе с Чаморро, что главное – это видимое соблюдение буквы закона.

Но, понимая, что ни одно из центральноамериканских государств не удастся убедить в конституционности режима Чаморро, Келлог 7 января 1926 года направил ноты Сальвадору, Гватемале, Коста-Рике и Гондурасу. Он четко заявил, что в качестве президента Чаморро признан не будет²²¹. Правда, Эберхардта проинструктировали, что занятие Чаморро президентского кресла – отнюдь не повод для отзыва посланника США в Вашингтон: «Ваше присутствие в Манагуа необходимо для защиты американских интересов»²²². При этом американские визы в паспорта, выданные режимом Чаморро, ставить запрещалось. Гватемальцы, костариканцы и гондурасцы выразили поддержку линии госдепартамента, Сальвадор колебался.

13 января 1926 года «зачищенный» и запуганный Чаморро никарагуанский конгресс объявил Сакасе импичмент и приговорил его к двухлетней ссылке за пределами страны (то есть запретил возвращаться на родину). Пост вице-президента был объявлен вакантным. 16 января конгресс вынес постановление о том, что именно Чаморро будет замещать президента. В тот же день Солорсано подал в отставку.

Либералы не признали нового президента и стали готовиться к восстанию. Разочарованный пассивностью США, Сакаса наладил в Вашингтоне хорошие отношения с мексиканским посланником Тельесом, надеясь, что мексиканские суда перебросят оружие в Никарагуа для грядущего восстания либералов²²³.

В Мексике с 1924 года у власти находился президент Плутарко Кальес, одно время даже считавший себя чуть ли не «пролетарским президентом» и социалистом. В 1925 году Кальес стал прижимать американские нефтедобывающие компании в Мексике, требуя от них перерегистрации концессий в соответствии с положениями прогрессивной мексиканской конституции 1917 года. В ответ американцы начали пропагандистскую войну против Кальеса, называя его большевиком и марионеткой Москвы (Мексика первой в Латинской Америке установила дипломатические отношения с СССР в 1924 году)²²⁴. Кальес действительно считал Москву важным союзником в борьбе против империалистического диктата США, хотя, конечно, никогда коммунистом не был. Его идеалом были немецкие социал-демократы.

В начале 1926 года Кальес был не прочь поддержать никарагуанских либералов, чтобы показать США независимость мексиканской внешней политики. В январе 1926-го мексиканцы сообщили Сакасе, что поддержат его, но только если он лично приедет в Мехико для переговоров. Однако, с оглядкой на США, Сакаса решил в Мексику пока не ездить.

2 мая 1926 года вспыхнуло восстание в Блуфилдсе: либералы объявили «либеральную конституционную войну» режиму Чаморро. Американцы немедленно направили в Блуфилдс боевой корабль – крейсер «Кливленд» – как повелось, для защиты собственности американских граждан. 6 мая «Кливленд» прибыл в Блуфилдс. На следующий день там высадились морские пехотинцы, объявившие город нейтральной зоной²²⁵. Госдепартамент велел флоту сохранять строгий нейтралитет, в частности, не мешать либералам собирать в

²²¹ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frasl925v02.i0024.pdf>).

²²² FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²²³ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 168.

²²⁴ Формально, следует подчеркнуть, Мексика этих отношений и не прерывала. Например, мексиканский почетный консул выразил соболезнование во время покушения на В. И. Ленина в 1918 году. В 1924-м обе страны просто решили обменяться полноценными посольствами. Будучи в том же году в Европе, Кальес даже хотел приехать из Берлина в Москву, но болезнь и необходимость длительного лечения в германской столице не дали ему этого сделать.

²²⁵ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

Блуфилдсе таможенные пошлины. Тем не менее морские пехотинцы разоружили либералов, так как город был провозглашен ими нейтральной зоной (то есть свободной от боевых действий).

7 июня госдепартамент отозвал Эберхардта из Манагуа, но подчеркнул, что этот шаг не носит политического характера.

Восстание либералов было подавлено (в основном потому, что осталось без мексиканской помощи оружием и боеприпасами и вина за это полностью лежала на Сакасе), и военный вождь повстанцев генерал Монкада эмигрировал в Гватемалу, а оттуда – в Мексику.

В июне 1926 года Сакаса наконец-то сам прибыл в Мехико. В обмен на помощь оружием со стороны Кальеса он обещал в случае прихода к власти проводить независимую внешнюю политику, в частности, аннулировать договор Брайана – Чаморро²²⁶. Мексиканцы выделили Сакасе на закупку оружия и боеприпасов несколько сотен тысяч долларов. Эти деньги, которые выплачивались через мексиканского посланника в Гватемале, Сакаса использовал и на лоббирование интересов либералов в центральноамериканских странах, чтобы удержать их от признания режима Чаморро.

Мексиканцы даже попытались сколотить центральноамериканский блок против Чаморро. Гватемальское правительство президента Орельяно фактически согласилось и предоставило территорию своей страны как базу для сбора сил никарагуанских либералов. Сальвадор склонялся к «благожелательному нейтралитету» в пользу либералов, но мексиканцы считали тамошний режим ненадежным партнером. Зато консервативный режим в Гондурасе встал на сторону Чаморро, а Коста-Рика объявила полный нейтралитет.

Собрав в Мексике силы, Монкада и уже упоминавшийся выше сторонник Селайи Хулиан Ириас 16 августа 1926 года снова высадились с вооруженным отрядом на атлантическом побережье Никарагуа. 26 августа в никарагуанском порту Пуэрто-Кабесас было образовано правительство либералов во главе с Сакасой. Семь мексиканских кораблей начиная с августа 1926 года доставляли сторонникам Сакасы оружие и боеприпасы, причем как на атлантическое, так и на тихоокеанское побережье. На борту кораблей были и мексиканские добровольцы, полные решимости нанести поражение американским ставленникам в Никарагуа.

Американцы поняли, что с помощью ненавистного им Кальеса либералы могут выиграть войну и без содействия США, и тогда все американское влияние в Никарагуа будет поставлено под вопрос. В Вашингтоне решили попытаться уговорить Чаморро уйти по хорошему.

27 августа в госдепартамент был вызван никарагуанский посланник, которому сообщили, что, по мнению США, единственным выходом из гражданской войны в Никарагуа является отставка Чаморро с поста президента²²⁷. Американцы предложили провести встречу основных никарагуанских политиков на военном корабле США. 29 августа американский временный поверенный в Манагуа зачитал Чаморро послание Келлога. Но Чаморро был непреклонен и изъявил решимость остаться у власти «вопреки всем никарагуанцам». Одновременно он высказался в пользу американской военной интервенции для наведения порядка в Никарагуа²²⁸ и даже пообещал передать американцам всю власть в стране.

Временный поверенный США Деннис подключил к переговорам Адольфо Диаса, который обещал уговорить Чаморро уйти в отставку.

²²⁶ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 169.

²²⁷ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²²⁸ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

26 августа 1926 года в Блуфилдс прибыл американский военный корабль «Галвестон», и город был опять объявлен нейтральной зоной. Американцы, снова, как и в 1909-1910 годах, помешали либералам, которые готовились к штурму Блуфилдса, захватить этот важный атлантический порт.

10 сентября 1926-го Чаморро по совету Диаса обратился к американскому временному поверенному с просьбой организовать переговоры противоборствующих сторон, изъявив готовность уйти в отставку, но только при условии, что его преемник будет членом консервативной партии. На этот шаг помимо уговоров Диаса Чаморро побудила пойти и катастрофическая финансовая ситуация правительства.

Уже 11 сентября госдепартамент разрешил Деннису выступить в роли посредника. 23 сентября 1926 года либералы и консерваторы в районе Блуфилдса договорились о перемирии сроком на 15 дней. Днем позже Деннис встретился с либералами и не преминул сообщить в госдепартамент, что у либералов нет толковых военных лидеров и продолжение противоборства неминуемо приведет к их поражению²²⁹.

Специально для переговоров между либералами и консерваторами американцы объявили порт Коринто нейтральной зоной и предложили провести встречу противоборствующих сторон на корабле ВМС США «Денвер».

16 октября 1926 года переговоры начались, причем обе стороны настаивали, чтобы их вел Деннис. Последний отмечал, что встреча проходила в духе «сердечности» и обе стороны «братались»²³⁰. В принципе либералы воевать не хотели. Их интересовало только разделение власти с консерваторами, как это и имело место до путча Чаморро. Да и консерваторы, за исключением самого Чаморро, были не прочь договориться с либералами: ведь никакой разницы в политических программах партий к тому времени уже не осталось. Обе основные политические силы были намерены соблюдать американо-никарагуанские соглашения, прежде всего договор Брайана – Чаморро. Келлог отправил всем участникам переговоров приветственную телеграмму, восхваляющую их «патриотические усилия».

Американцы хотели быстрее закончить переговоры в Никарагуа, потому что разведка США уже доложила о сильном влиянии на никарагуанских либералов «большевика» Кальеса. В Вашингтоне ни в коем случае не хотели, чтобы в Никарагуа утвердился революционный режим наподобие мексиканского, дружелюбно настроенный по отношению к СССР.

Но первоначально на переговорах наметился тупик. Консерваторы считали, что президентом до выборов должен быть обязательно представитель их партии, а либералам отводили лишь несколько министерских постов (фактически предлагая возврат к формуле до октября 1925 года). Либералы считали, что в соответствии с конституцией пост президента должен занять Сакаса. Как и опасались американцы, либералы открыто заявили, что им помогает Мексика и если их требования не будут учтены, они устроят в Никарагуа революцию типа мексиканской²³¹. Для Вашингтона такая перспектива была просто кошмарной. Однако от Денниса не укрылся раскол в стане либералов: если одна часть партии склонялась к компромиссу, то другая была настроена на решительные революционные действия.

Либералы вынесли на арбитраж США простой вопрос: должно ли конституционное правительство Никарагуа возглавляться Сакасой или нет. Деннис от ответа уклонился, заявив, что это не предмет для суждений иностранной державы.

Тогда либералы предложили передать решение вопроса на суд центральноамериканских держав (уже обработанных мексиканцами). Однако консерваторы отказались, заявив,

²²⁹ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²³⁰ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²³¹ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

что эти страны пристрастны. В ответ либералы заявили о прекращении переговоров. Деннис пытался их спасти, и консерваторы опять предложили возврат к статус-кво (включая возвращение либеральных депутатов конгресса). Президентом они предложили назначить Адольфо Диаса.

Но либералы упирались, и Деннис сообщал, что ужесточение их позиции связано с ростом мексиканской помощи. Американский временный поверенный 19 октября 1926 года предложил госдепартаменту срочно подготовить войска для отправки в Никарагуа с целью «предотвращения иностранной (мексиканской) интервенции».

Госдепартамент 22 октября поручил временному поверенному в Гватемале (где находился вице-президент Никарагуа) Эллису расколоть либералов и для этой цели провести беседу с Сакасой. Тому следовало четко заявить, что революция в Никарагуа с мексиканской помощью будет рассматриваться США как враждебный акт и Сакаса «понесет за это личную ответственность»²³². 23 октября Эллис встретился с Сакасой, причем в присутствии американского военного атташе. Сакаса не дал четкого ответа, но подчеркнул, что никогда не был революционером. Вопрос участия Мексики в событиях в Никарагуа он обсуждать отказался.

Пока на «Денвере» шли переговоры, продолжались стычки между либералами (они называли себя конституционалистами) и консерваторами. Как правило, бои заканчивались в пользу правительственных войск, лучше обученных и вооруженных. Но если консерваторы еще могли отбивать атаки либералов, то сил для решительного контрнаступления у них уже не хватало.

24 октября переговоры либералов и консерваторов были прерваны, причем Деннис считал, что первые не хотят видеть президентом Адольфо Диаса только потому, что связаны обязательствами на сей счет с Мексикой.

30 октября 1926 года Чаморро сложил с себя полномочия президента. Консерваторы сообщили Деннису, что планируют вернуть в конгресс изгнанных оттуда депутатов-либералов и после этого парламент изберет временным президентом Диаса. Американцы дали добро – Келлог сообщил Деннису, что США готовы признать де-юре любого президента, которого выберет конгресс. Выбор в качестве президента Диаса Келлог счел «мудрым»²³³. Еще бы – ведь в беседе с Деннисом Диас заявил, что сразу же после избрания пригласит американских офицеров для обучения национальной гвардии. Госсекретарь поручил Деннису принять участие в инаугурации Диаса и обещал новому правительству американский кредит.

Если же Сакаса не признает выбор никарагуанского конгресса, подчеркнул Келлог, США сочтут его «революционером», то есть мятежником.

При явном большинстве консерваторов в парламенте избрание американской марионетки Диаса было делом решенным. Так и произошло – 10 ноября 1926 года Диас стал президентом, причем за него проголосовали 44 депутата из 53 присутствовавших. Либералы в заседании конгресса не участвовали. 14 ноября Диас вступил в должность и был немедленно признан Соединенными Штатами. Центральноамериканским странам американцы объяснили, что Сакаса сам фактически снял с себя полномочия вице-президента, уехав из страны. Американцы выразили надежду, что либералы сложат оружие и войдут в правительство Диаса.

Однако для Сакасы идти на компромисс со столь ненавидимым во всей стране человеком, сколь Диас, означало бы политическое самоубийство, тем более что основная часть либералов никогда бы не поддержала такого шага.

Поэтому Сакасе не оставалось ничего иного, как образовать 1 декабря 1926 года в Пуэрто-Кабесасе (город на атлантическом побережье) собственное правительство и принять

²³² FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²³³ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

на себя обязанности временного президента Никарагуа. Сам Сакаса прибыл в Пуэрто-Кабесас 2 декабря. Военным министром и главнокомандующим армией либералов стал генерал Хосе Мария Монкада.

Но если мексиканцы не очень верили в честность и принципиальность Сакасы, то Монкаде они не доверяли еще больше. До Мексики постоянно доходили слухи о переговорах Монкады с командующим американской эскадрой в никарагуанских водах генералом Латимером. Американцы сосредоточили в никарагуанских портах 16 боевых кораблей, причем как на Атлантическом, так и на Тихом океане. Один из революционно настроенных генералов-либералов Луис Бельтран Сандоваль (который поднял восстание в мае 1926 года) даже просил у Сакасы разрешения расстрелять Монкаду как предателя, но Сакаса не стал вносить в стан либералов ненужный, как ему казалось, разлад²³⁴.

Тем не менее 7 декабря 1926 года Мексика официально признала Сакасу законным президентом Никарагуа.

8 декабря Диас обратился к госсекретарю Келлогу с просьбой помочь Никарагуа в борьбе против «мексиканской интервенции». На всякий случай Диас не преминул подчеркнуть, что либералы и мексиканцы представляют угрозу интересам граждан США в Никарагуа. Выбор средств Диас целиком оставлял на усмотрение госдепартамента США. Келлог сначала колебался, но 15 декабря Диас вновь попросил об американской помощи. Если она срочно не последует, то либералы при поддержке мексиканцев свергнут его режим²³⁵. Эберхардт вторил Диасу, сообщая в госдепартамент, что Никарагуа находится на пороге общенародного восстания против правительства.

Американцы немедленно попытались пресечь поставки мексиканского оружия Сакасе, и уже в середине декабря один из мексиканских кораблей не смог произвести разгрузку оружия и боеприпасов²³⁶. 18 декабря Келлог сообщил посланнику в Манагуа Эберхардту, что США начнут продавать Диасу оружие, а американский флот возьмет под защиту никарагуанские берега.

19 декабря Эберхардт проинформировал Вашингтон, что хотя большинство никарагуанцев якобы поддерживают Диаса, ему все равно не устоять против объединенных сил либералов и Мексики. В правительственной армии, по данным Диаса, было около 7000 человек, в том числе 2000 на атлантическом побережье. В районе столицы было дислоцировано 1,5 тысячи военнослужащих.

Либералы в западной части страны располагали только 200 вооруженными бойцами в районе Леона. Несколько сотен сторонников либералов не имели оружия и, по данным американцев, отправились в длительный поход на атлантическое побережье, чтобы получить снаряжение у Сакасы. Американцы еще не знали тогда, что ведет горстку этих людей человек, который скоро станет главным противником США в Латинской Америке.

Эберхардт сетовал на то, что война обходится Диасу в 10 тысяч долларов в день и от недавнего американского кредита в 300 тысяч осталось только 20 тысяч²³⁷.

Используя в качестве предлога убийство одного американца, 23 декабря 1926 года в 11 часов утра американская морская пехота высадилась в Пуэрто-Кабесасе без всякого предварительного уведомления и объявила город нейтральной зоной. Войскам Сакасы было предписано срочно (до 16:00 24 декабря) покинуть Пуэрто-Кабесас, в противном случае они будут разоружены силой. 500 морских пехотинцев окружили резиденцию Сакасы, которую

²³⁴ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 25.

²³⁵ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²³⁶ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 174.

²³⁷ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

охраняли не более 20 человек. На резиденцию направили свои орудия американские корабли «Кливленд» и «Денвер». Под прицел корабельных орудий были взяты и казармы армии либералов. Протест Сакасы был проигнорирован.

Министр иностранных дел Сакасы указывал в письме Келлогу на то, что американцы упорно хотят сохранить Диаса у власти военной силой, начиная с 1912 года. Напрашивается вопрос: является ли Никарагуа свободной и суверенной страной или колонией и протекторатом США²³⁸? Может быть, США забыли, что и маленькие нации имеют право на самостоятельное существование?

Излишне говорить, что никакого ответа Сакаса не получил.

Войска США захватили и другие города на атлантическом побережье. Например, в устье Рио-Гранде высадились 600 морских пехотинцев, в то время как либералов в городе насчитывалось 18 человек. Американцы явно были хорошей осведомлены – они появились на Рио-Граде только после того, как основные части либеральной армии покинули город для битвы с войсками Диаса.

Когда последние, будучи разбитыми, стали отходить к Блуфилдсу, Диас срочно попросил через Эберхардта объявить нейтральной зоной район их дислокации, чтобы избежать полного разгрома.

Таким образом, американцы фактически вмешались в гражданскую войну на стороне режима Диаса.

Войска Сакасы ушли из Пуэрто-Кабесаса, бросив большое количество оружия и боеприпасов. Американцы запретили никарагуанцам в Пуэрто-Кабесасе даже носить ножи.

На январь 1927 года американцы наметили полномасштабную военную интервенцию в Никарагуа. С целью ее пропагандистского оправдания госсекретарь Келлог пошел на беспрецедентный шаг. 12 января 1927 года он сделал заявление о политике Мексики и стоящих за ее спиной советских большевиков в Латинской Америке. Не утруждая себя никакими доказательствами, Келлог утверждал, что мексиканцы помогают никарагуанским либералам по приказу Москвы, чтобы взять под контроль всю Центральную Америку, прежде всего зону Панамского канала. США, естественно, не могут безучастно взирать на подрывную деятельность мексиканских и русских большевиков и намерены всеми средствами, в том числе и военными, отстаивать свои интересы перед лицом коммунистической агрессии.

С такими же заявлениями выступил 10 января и президент США Кулидж: «Мы не можем безразлично относиться к тому, что происходит в Центральной Америке. К любой угрозе стабильности в Никарагуа мы отнесемся с глубокой озабоченностью и примем необходимые меры для защиты жизни и собственности американцев»²³⁹.

В своем послании конгрессу Кулидж особо подчеркнул, что события в Никарагуа ставят под угрозу права США на постройку в этой стране трансокеанского канала²⁴⁰. Американский президент поставил в заслугу США, что при помощи американских экспертов долг Никарагуа был сокращен с 22 миллионов долларов в 1917 году до 6,6 миллиона в 1926-м. Правда, он не упомянул, что сами американцы и ввергли Никарагуа в долговую кабалу после 1910 года.

При этом и Кулидж, и Келлог распространяли свои домыслы уже задним числом. Ведь 6 января 1927 года американская морская пехота начала высаживаться в Коринто (хотя Диас утверждал, что прочно контролирует западную часть Никарагуа). Вокруг Никарагуа было сконцентрировано 16 военных кораблей США с десантом на борту.

²³⁸ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frasl926v02.i0026.pdf>).

²³⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 26.

²⁴⁰ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frusl927v03.i0017.pdf>).

Кроме того, Кулидж отдал приказ продать режиму Диаса 3000 винтовок системы Крэга (производились в США в 1894-1904 годах), 200 пулеметов «браунинг» и три миллиона патронов. 7 января американская морская пехота опять вошла в Манагуа, откуда ушла меньше, чем полтора года назад, в августе 1925-го.

Если сначала морские пехотинцы должны были охранять только дипмиссию США, то к 1 февраля 1927 года (естественно, по «просьбе» Диаса) морская пехота США взяла на себя «защиту» Манагуа в целом. Диас обратился с такой просьбой еще 4 января – якобы для того, чтобы отбить возможный мексиканский десант на тихоокеанском побережье. Без американской морской пехоты правительство Никарагуа, дескать, не могло гарантировать безопасность жизни и собственности иностранцев в Манагуа, а также безопасность американской миссии в столице. 2 февраля в Манагуа было уже 320 американских морских пехотинцев.

Американскую интервенцию в Никарагуа решительно осудил Коминтерн. В воззвании Исполкома Коммунистического интернационала от 30 января 1927 года говорилось: «Армия Североамериканских Соединенных Штатов оккупирует Никарагуа, обезоруживает и подвергает преследованиям беззащитное население. Могуущественный североамериканский империализм, больше всех нажившийся на всемирной войне²⁴¹ и закабаляющий все народы, ныне сбрасывает демократическую маску, плохо скрывающую его алчность и обнаруживает циничное намерение поработить мелкие страны Центральной Америки и превратить Латинскую Америку в колонию Соединенных Штатов»²⁴².

Послание Кулиджа конгрессу о коммунистической угрозе со стороны Мексики вызвало в американском парламенте дебаты о политике США в Мексике и Никарагуа. Многих конгрессменов отнюдь не испугали «страшилки» Кулиджа, ссылавшегося на мировой коммунизм. Например, конгрессмен Хаддлстон из Алабамы говорил: «...мы в настоящее время являемся объектом всеобщего осуждения в странах Южной Америки... Президент вмешался в Никарагуа, чтобы подавить революцию и в целях поддержки Диаса, на которого можно положиться, так как он сделает все, чего президент хочет... Это не только нарушает суверенитет Никарагуа, но и доказывает тот факт, что мы установили протекторат. Никарагуа стала более зависимой от нас – ведь мы диктуем, кто должен стоять там у власти, а это ведет к полной утере независимости... Мы находимся там, чтобы помочь американским инвесторам и держателям акций получать их доходы»²⁴³.

С Хаддлстоном был полностью согласен председатель сенатского комитета по внешней политике Бора: «Соглашение о займе и канале мы заключили сами с собой, Диас не удержался бы у власти ни одного дня, если бы не присутствие американской морской пехоты»²⁴⁴.

Диас разделял такую точку зрения. 9 февраля 1927 года он заявил в интервью американскому агентству «Ассошиэтед Пресс»: «Если Соединенные Штаты сочтут, что я должен уступить свой пост кому-нибудь другому, я сделаю это немедленно... Но я всегда возражал против вывода морской пехоты из Никарагуа, и я приветствую ее возвращение. Кто бы ни был президентом, я или кто-нибудь другой, морская пехота США должна всегда оставаться в Никарагуа»²⁴⁵. 24 февраля нью-йоркские газеты сообщили, что Диас предложил США взять на себя «защиту» Никарагуа в последующие 100 лет.

23 февраля 1927 года над столичной крепостью Лома в Никарагуа взвился американский флаг. Временный поверенный в делах Великобритании даже поинтересовался у никарагуанского правительства, не означает ли это прекращения существования Никарагуа как

²⁴¹ Имелась в виду Первая мировая война.

²⁴² Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918-1928. М., 1982. С. 281–282.

²⁴³ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918-1928. М., 1982. С. 282.

²⁴⁴ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918-1928. М., 1982. С. 282.

²⁴⁵ Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 27.

независимого государства. Диас распорядился снова поднять над крепостью национальный флаг.

В феврале 1927-го американцы усилено наращивали свое военное присутствие в Никарагуа. К концу месяца под командованием бригадного генерала Логана Феланда было примерно 2000 военнослужащих. 25 февраля на территорию Никарагуа были доставлены и боевые самолеты – шесть двухместных бипланов «Де Хэвиленд». Этот самолет являлся самым массовым в США в годы Первой мировой войны – было произведено 4846 единиц. 1538 самолетов были модернизированы в 1919-1923 годах (изменено местоположение второго пилота и бензобака) и получили наименование DH4B. Именно они и были направлены в Никарагуа.

«Де Хэвиленды» установили несколько мировых рекордов. В 1922 году на этом самолет был совершен трансконтинентальный перелет, а в 1923-м – первая в мире успешная дозаправка в воздухе. Крейсерская скорость самолета составляла 90 миль в час (максимальная – 140 миль), радиус действия – 400 миль. Использование «Де Хэвилендов» в качестве бомбардировщика в Никарагуа было импровизацией – самолет сконструировали для разведки и наблюдения. С его помощью американцы стремились обнаруживать части либералов еще на дальнем подходе к крупным городам. Самолет был вооружен четырьмя пулеметами и мог нести 322 фунта бомб (150 кг).

Между тем американская интервенция фактически спасла Диаса от полного разгрома. 6 февраля либералы в упорной уличной борьбе захватили город Чинандега в западной части страны (город обороняли 500 солдат правительственных войск, либералов, по данным американского посланника, было от 600 до 2000). Правительственным войскам удалось отбить город только с помощью американских самолетов, которые варварски бомбили Чинандегу – ее центр превратился в груды развалин. Это был первый в истории случай бомбежки крупного населенного пункта – за десять лет до того, как нацистский легион «Кондор» стер с лица земли испанскую Гернику. Авиабомб у американцев сначала не было, и они сбрасывали на город канистры с динамитом и металлическими поражающими частями. Сбрасывали пилоты США на Чинандегу и самодельные зажигательные бомбы (полностью выгорело десять кварталов города).

Американские пилоты официально числились инструкторами национальной гвардии. Келлог писал Эберхардту в Манагуа, что госдепартамент якобы не знал о службе двух американских летчиков в национальной гвардии, иначе он запретил бы им участвовать в боевых действиях²⁴⁶.

Американцы распустили слухи, что город подожгли отступившие либералы.

19 февраля 1927 года в Чинандегу и Леон были введены морские пехотинцы США (усиленная рота при поддержке военных моряков с американских кораблей).

Военная интервенция США вызвала резкое осуждение не только латиноамериканской, но и собственно американской общественности. И если общественность в госдепартаменте привыкли не замечать, то отмахнуться от демаршей европейских стран было уже сложнее. В феврале 1927 года британский посол в Вашингтоне заявил, что Англия имеет такое же право на защиту своих подданных в Никарагуа, как и США. В Коринто прибыл английский военный корабль. Подобные демарши сделали правительства Италии и Бельгии.

В этой обстановке Кулидж хотел как можно быстрее закончить интервенцию каким-либо компромиссом между либералами и консерваторами в Никарагуа – но компромиссом на американских условиях.

Посланник США в Манагуа не прекращал посреднических усилий, и в январе 1927 года американцы заметили, что Сакаса стал колебаться. Он уже согласился на то, чтобы пре-

²⁴⁶ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

зидентские выборы 1928 года проходили под наблюдением США, что якобы гарантирует их честность. Правда, Сакаса предпочитал все же, чтобы выборы контролировали совместно американцы и представители центральноамериканских республик, но в Вашингтоне почувствовали, что лед тронулся.

Диас не согласился на наблюдателей из центральноамериканских республик (мол, Гватемала и Коста-Рика стоят на стороне либералов), и посланник США в Манагуа его в этом поддержал. Келлог попросил американского адмирала Латимера встретиться с Сакасой и передать ему два пункта позиции Соединенных Штатов:

– США никогда не признают режим Сакасы, так как он «революционный»;

– США признают только того президента Никарагуа, который одержит победу на выборах 1928 года под американским наблюдением. Пока же США признают режим Диаса как «конституционный».

Таким образом, Латимер должен был развеять все иллюзии либералов относительно возможной смены курса в Вашингтоне. Келлог писал Латимеру, что Сакаса, видимо, до сих пор не уяснил существа американской политики по отношению к Никарагуа. Мол, если либералы думают, что их признают в случае победы в гражданской войне, то они глубоко ошибаются.

В начале февраля 1927 года Сакаса согласился на посредничество США и предложил, чтобы консерваторы и либералы встретились в Вашингтоне²⁴⁷. Однако американцы отказались приглашать Сакасу в Вашингтон, так как это было бы равнозначно признанию его правительства де-факто. Поэтому никарагуанским противоборствующим сторонам надо было встречаться на родине.

12 февраля Диас в панике сообщил Эберхардту, что мощная либеральная армия в 1000 человек (даже посланник счел эти цифры явным преувеличением) движется на важный город Матагальпа. Без помощи США город удержать не удастся. Консерваторы бежали из Матагальпы, но когда выяснилось, что либералов поблизости нет, снова ее заняли. Этот эпизод ясно свидетельствует о моральном состоянии войск Диаса.

Американский сенатор Бертон Уиллер назвал Диаса «рыдающей марионеткой» и агентом «некоторых нью-йоркских банкиров» (имелись в виду владельцы облигаций никарагуанского долга). 15 марта 1927 года упомянутые банкиры («Гэранти Траст» и «Дж. И В. Селигмен») после одобрения госдепартамента выделили режиму Диаса кредит в размере миллиона долларов под 7 % годовых. Помимо все тех же железных дорог и Национального банка Диас должен был гарантировать новый заем путем введения налога в 12,5 % на импорт, 50 %-ного налога на алкогольные напитки и табачные изделия, а также за счет налога на экспорт кофе.

17 марта 1927 года 800 либералов при 25 пулеметах атаковали Матагальпу, которую обороняли 700 солдат правительственных войск (20 пулеметов). После ожесточенного боя нападавшие отошли, но следующей атаки правительственные силы уже не выдержали бы. На поле боя якобы было найдено семь трупов мексиканцев, которых опознали по характерным татуировкам. Нашли и некоего убитого «блондина», которого объявили почему-то немцем. Через час либералы (якобы под руководством некоего «латыша Мюллера») атаковали снова, и консерваторы отступили от Матагальпы на 20 миль.

После битвы у Матагальпы Эберхардт оценивал численность правительственных войск в 3000 человек («хорошо вооруженных, но со слабым боевым духом»), а либералов – в 1500-2000 человек («хорошо вооруженных и с высоким боевым духом»)²⁴⁸.

²⁴⁷ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁴⁸ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

В начале марта в Матагальпе был ранен американский консул, и морская пехота США (150 человек) заняла город, объявив его нейтральной зоной. Таким образом, американцы постепенно занимали крупные никарагуанские города под предлогом защиты жизни и собственности иностранцев. Подобная тактика обрекала либералов на партизанскую войну, так как они не могли захватить ни одного города без риска вступить в противоборство с американскими войсками и тем самым дать США повод для наращивания интервенции. В стране в марте 1927 года было уже 5400 морских пехотинцев и моряков США.

Главная армия либералов (1000 человек, 38 пулеметов) во главе с Монкадой медленно продвигалась с атлантического побережья в западную часть страны. Либералы успешно атаковали небольшие отряды правительственных войск, избегая крупных сражений. Эберхардт сокрушался, что военными операциями правительственных войск руководят явно не очень благоразумные люди. Американцы понимали, что как только Монкада окажется поблизости от крупных городов, к нему присоединятся тысячи восставших и дело Диаса будет проиграно окончательно. Еще 16 февраля посланник в Манагуа сообщил в Вашингтон, что без «полномасштабной интервенции» США «навести порядок» в Никарагуа не представляется возможным.

В начале апреля к Монкаде из Леона уже пытались выйти на соединение около 2000 либералов, и правительственные войска спасало только то, что у их противников практически не было оружия.

4 апреля 1927 года Кулидж принял решение срочно направить в Никарагуа полковника Генри Стимсона, чтобы тот организовал переговоры либералов и консерваторов и тем самым закончил войну, не дав ей перерасти в народную революцию. Стимсон был личным другом президента Теодора Рузвельта, военным министром в правительстве президента Тафта. Этот же пост он занимал позднее, в 1940-1945 годах при другом Рузвельте – Фраклине Делано. Стимсон придерживался мнения, что никарагуанцы пока еще не доросли до того, чтобы самим распоряжаться своей судьбой.

9 апреля Стимсон отплыл из Нью-Йорка и 16-го прибыл в Коринто. С самого начала эмиссар США вел переговоры с либералами на основании программы из шести пунктов, предложенной Диасом (и заранее согласованной с американцами). Программа предусматривала разоружение обеих армий, передачу оружия на хранение войскам США, всеобщую амнистию и возвращение политических эмигрантов, введение либералов в правительство и в полицию, проведение в 1928 году президентских выборов под эгидой США. Миссию Стимсона облегчало то обстоятельство, что еще в начале марта Монкада сигнализировал американцам о своей готовности сложить оружие на этих условиях²⁴⁹. Он соглашался на любое правительство в Никарагуа до выборов 1928 года, которое установят американцы. Единственным условием Монкады было проведение переговоров только с американским представителем (ради спасения своего престижа).

Практически одновременно с прибытием в Никарагуа Стимсона армия Монкады была разбита консерваторами. От полного разгрома ее спас отряд во главе с никому не известным тогда Аугусто Сандино. Тем не менее, разделившись на отдельные отряды, либералы Монкады отступали вглубь страны, на восток. Американцы отмечали, что помимо недостатка еды и боеприпасов причиной поражения главной либеральной армии стали разногласия между главнокомандующим Монкадой и другим главным генералом либералов – Сандовалем²⁵⁰.

В госдепартаменте были так приятно удивлены успехами армии Диаса (хотя и считали данные о потерях либералов сильно завышенными), что поспешили объявить миссию Стим-

²⁴⁹ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁵⁰ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

сона не посреднической, а чисто наблюдательной. Однако в своей первой телеграмме из Манагуа 20 апреля 1927 года Стимсон считал бывшие расчеты госдепартамента относительно скорой победы консерваторов «чересчур оптимистическими». Армия Монкады потерпела поражение, но не разбита. Если либералы перейдут к партизанской войне небольшими подразделениями, то разгромить их будет очень трудно, и это займет много времени. Между тем, через шесть недель у правительства Диаса, которое и так держалось только за счет американских кредитов, закончатся деньги. Стимсон приходил к выводу, что ни один никарагуанский лидер не может одержать победу силой оружия и вопреки США. Другими словами, бывший министр обороны США констатировал в Никарагуа патовое положение с военной точки зрения.

Сердцевиной возможного мирного урегулирования Стимсон считал (и в этом его поддерживали либералы) честные президентские выборы в 1928 году под наблюдением США. Именно это Стимсон считал той «уступкой», которую надо преподнести либералам. «Голая» военная интервенция будет контрпродуктивной²⁵¹.

Через три дня Стимсон сообщил, что боевой дух правительственных сил и окружения Диаса оставляет желать лучшего, в то время как либералы многочисленны и полны решимости сражаться. Американский спецпредставитель считал, что надо срочно добиться мира на основе плана Диаса до июня, иначе не удастся собрать урожай, и вся Никарагуа погрузится в хаос и анархию. Стимсон предрекал, что не все либералы сложат оружие даже под гарантию американцев и, возможно, американской морской пехоте придется разоружать отдельные отряды силой. Судя по ответной телеграмме Келлога, тот явно сомневался, что наличных сил морской пехоты и моряков хватит для разоружения повстанцев. Он поинтересовался у Стимсона, сколько времени может занять подобное разоружение и насколько сильным может оказаться сопротивление.

25 апреля Сакаса согласился направить в Манагуа своих представителей на мирные переговоры. В то же время Монкада реорганизовал свою армию и сосредоточил ее у реки Типитапа, откуда он мог угрожать и Гранаде, и Манагуа. Войска Диаса отказались атаковать либералов и отступили. Эберхардт и Стимсон требовали укрепления американского военного присутствия в Никарагуа, чтобы либералы опять не решили все-таки свергнуть Диаса силой.

Адмирал Латимер при поддержке Эберхарта предложил силой остановить либералов у реки Типитапы²⁵² и не дать им продвинуться к столице. Предлог для вмешательства в боевые действия был все тем же: защита железной дороги и жизней американских граждан в Гранаде и Манагуа.

В целом, отмечал Эберхардт, большинство никарагуанцев расценивает американское вмешательство как «эгоистичную» интервенцию в пользу Диаса, однако такие «ответственные» либералы, как Сакаса и Монкада, не станут воевать против США (они сообщили об этом лично Стимсону, а Сакаса сделал на сей счет и публичное заявление), и это надо использовать²⁵³. Недовольных возможным мирным соглашением либералов можно будет разоружить и наличными американскими силами, но если прислать в Никарагуа дополнительно 800 военнослужащих США, то это произойдет быстро. Не сложат оружия только отдельные мелкие партизанские отряды в труднодоступных районах (здесь Эберхардт и Стимсон не ошибались). Но мир в густонаселенной западной части страны будет обеспечен.

²⁵¹ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁵² Река Типитапа, соединяющая озера Никарагуа и Манагуа, была последним естественным водным рубежом на пути армии либералов к столице с востока.

²⁵³ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

26 апреля 1927 года в своей телеграмме в Вашингтон Стимсон впервые наряду с прочими военачальниками либералов упомянул Сандино – как хорошего партизанского командира, мало чего стоящего в дни мира. В целом в случае достижения мира, считал Стимсон, отдельные банды мародеров еще могут скрыться в горах, но Никарагуа полностью успокоится уже в июне – июле²⁵⁴.

27 апреля делегация либералов на американском эсминце отправилась в Манагуа. В этот же день госдепартамент разрешил Стимсону и Эберхардту пригрозить Сакасе возможностью насильственного разоружения частей либералов, если он окажется не готов к фактической капитуляции. Одновременно Латимеру (командовавшему всеми американскими частями и флотом в Никарагуа) дали полномочия не пускать либералов за реку Типитапа.

Между тем, по мнению Стимсона, в конце апреля ситуация правительственных войск, несмотря на их превосходное вооружение, стала «плохой». Они уже три недели оттягивали наступление на армию Монкады, дав либералам возможность оправиться от поражения и перегруппировать силы. Стимсон относил это на счет «полнейшей некомпетентности (командного состава) и предательства»²⁵⁵. Монкаду от решительного наступления удерживал только недостаток боеприпасов.

4 мая 1927 года Стимсон в сопровождении Эберхардта приехал в ставку главнокомандующего армией либералов Монкады в городок Типитапа. Сначала переговоры шли непросто – либералы никак не хотели соглашаться с тем, что президентом до 1928 года останется Диас. Ведь это означало, что конституционный вице-президент и лидер либералов Сакаса незаконно лишался своей должности. А ведь армия либералов формально называла себя конституционалистской и боролась, соответственно, за строгое соблюдение основного закона страны. В полдень Эберхардт устроил для участников переговоров «дружеский завтрак» на 40 персон, после чего переговоры пошли успешнее²⁵⁶.

Когда Монкада сказал Стимсону, что США ошибаются, поддерживая Адольфо Диаса на посту президента, Стимсон ответил: США признали Диаса, а Америка ошибок не делает²⁵⁷. Монкада настаивал: США все же сделали ошибку, и она будет стоить им потери авторитета в Латинской Америке. Стимсон был непреклонен: он приехал в Никарагуа, чтобы «добиться мира», и если потребуется, то и с помощью силы.

В качестве переводчика Монкада привлек своего племянника Анастасио Сомосу Гарсию. По-английски Сомоса говорил бегло, но, как отмечал известный американский журналист Уильям Крем, «с таким фантастическим количеством ошибок, какое можно услышать лишь у гангстера американо-итальянского происхождения»²⁵⁸.

Анастасио Сомоса (чьим прадедом был уже упоминавшийся на страницах этой книги «Робин Гуд» Бернабе Сомоса) родился 1 февраля 1896 года в городке Сан-Маркос. Он являлся незаконнорожденным сыном состоятельного владельца кофейной плантации и его служанки. В то время в Никарагуа такие вещи были делом обычным. Отец признал сына, а дядя Сомосы Хосе Мария Монкада отправил его по линии фонда Рокфеллера учиться в США. В Филадельфии Сомоса окончил коммерческое училище, но попал на два месяца в тюрьму за подделку долларов.

После возвращения в Никарагуа Сомоса безуспешно занимался бизнесом и решил выбиться в люди за счет удачной женитьбы. Еще в Америке он познакомился с Сальвадорой Дебайле Сакасой – дочерью одного из самых богатых людей страны и представительницей

²⁵⁴ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁵⁵ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁵⁶ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 29.

²⁵⁷ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 80.

²⁵⁸ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 32.

важнейшего либерального олигархического клана Никарагуа (мать Сальвадоры была дочерью президента Никарагуа Роберто Сакасы Саррио и сестрой будущего вице-президента и вождя либералов Сакасы). Когда у Сальвадоры, приехавшей в Филадельфию из Европы после начала Первой мировой войны, обострился аппендицит, ее навестил в больнице брат, которого сопровождал молодой, приятный и услужливый человек (друзья в Америке звали его «Сони»). Это и был будущий диктатор Никарагуа Анастасио Сомоса.

Родители невесты были против брака, но Сомоса достигал поставленной цели любыми путями, и в 1919 году Сальвадора стала его женой. Брак был заключен без ведома родителей в Филадельфии. Потом свадебную церемонию пышно, по обычаю никарагуанской олигархии, повторили в Леоне. Богатые родственники обеспечили молодым свадебное путешествие в Европу, которое длилось почти год. Жена была немного старше мужа, что по меркам тогдашней Латинской Америки казалось странным.

Сальвадора родила мужу трех детей – дочь Лилиану и сыновей Луиса и Анастасио. Но еще до этого у Сомосы появился внебрачный сын Хосе от служанки его матери. По просьбе супруги отец признал его.

Вскоре после заключения брака Сомоса опять попался на мошенничестве и был предан суду, но связи жены спасли его от неприятных последствий.

Никаких политических убеждений Сомоса не имел – его жизненной целью было личное благополучие любой ценой. Отец Сомосы был человеком консервативных взглядов²⁵⁹, что среди владельцев кофейных плантаций встречалось редко. Обычно эти люди, производившие современный и модный товар для Европы и завязанные на внешнюю торговлю, придерживались либеральных убеждений. Сомосу сделали либералом родственные связи с Монкадой и Сакасой – окажись среди его родственников консерваторы такого же уровня, будущий диктатор Никарагуа стал бы консерватором.

Благодаря связям жены Сомоса в 1926 году стал «политическим начальником» (то есть префектом) в Леоне – оплоте либералов и клана Сакасы. Когда началась война между либералами и консерваторами, Сомоса, естественно, примкнул к первым. Неподалеку от его родного городка Сан-Маркос отряд Сомосы был разбит, и позднее он сдался правительственным войскам. Монкада тем не менее произвел племянника в генералы, хотя больше никакого участия в боевых действиях тот не принимал.

4 мая 1927 года Стимсон и Монкада при помощи любезного переводчика Анастасио Сомосы наконец-то договорились (при этом американцы заняли позиции на южном берегу реки Типитапа, сменив разбежавшиеся части консерваторов).

Точнее, Монкада сдался, согласившись на президентство Диаса до 1928 года. Армия либералов подлежала разоружению, оружие сдавалось американцам. В случае необходимости американцы получили право разоружать части либералов силой. За каждую сданную винтовку солдаты Монкады получали по 10 долларов.

Распускались и войска консерваторов. Вместо обеих враждующих армий американцы создавали «неполитическую» национальную гвардию. США обещали в 1928 году честные выборы под своим наблюдением. Для соблюдения условий соглашения они получали право оставить в Никарагуа контингент морской пехоты. Стимсон отмечал, что Монкада настроен конструктивно и примирительно. Генерал либералов признал, что может победить консерваторов, но якобы не может «умиротворить» Никарагуа без американской помощи²⁶⁰. Еще Монкада пожаловался Стимсону, что страну наводнили вооруженные группы, которые не подчиняются ни ему, ни Адольфо Диасу.

²⁵⁹ Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936-1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 12.

²⁶⁰ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

Договоренности Стимсона – Монкады были одобрены Сакасой и получили наименование «пакт Эспино Негро» (то есть «пакт тернового дерева» – под этим деревом Монкада и сдался американцам).

7 мая 1929 года Монкада обратился к армии либералов с призывом как можно скорее сложить оружие. Американцы спешили, потому что в Никарагуа скоро начинался сезон дождей, которые серьезно усложняли морской пехоте и авиации США борьбу с партизанами. 12 мая Монкада и все генералы либеральной армии обратились с письмом к Стимсону, в котором изъявляли намерение как можно быстрее сдать оружие. Монкада выражал уверенность, что американские войска смогут обеспечить в Никарагуа мир и спокойствие. Американский посланник Эберхардт отмечал, что воззвание Монкады подписали 11 генералов-либералов, «за исключением Сандино»²⁶¹.

Так оно и было. Приказу Монкады о капитуляции не подчинился лишь один генерал либеральной армии – Аугусто Сесар Сандино.

Предки Сандино прибыли из Испании в Латинскую Америку в XVIII веке. Три брата Сандино (как в сказке) рассеялись по Новому Свету: один обосновался в Никарагуа, другой – в Мексике, третий – в Колумбии.

По обстоятельствам своего рождения Сандино был похож на Сомосу, и эти люди были почти ровесниками.

Аугусто Николас Кальдерон Сандино родился 18 мая 1895 года в маленьком поселке Никиноомо (департамент Масайя, в 30 километрах к западу от Манагуа), в котором было всего несколько каменных домов и пара сотен хижин под пальмовыми листьями. Именно в одной из таких хижин и появился на свет самый выдающийся никарагуанец, имя которого теперь известно всему миру. Как и Сомоса, Сандино был внебрачным ребенком. Его отец, зажиточный владелец плантации кофейных деревьев Грегорио Сандино – либерал и сторонник Селайи, был человеком уважаемым, и его каменный дом стоял в лучшем месте поселка – на центральной площади.

К моменту рождения Аугусто дон Грегорио уже бросил его мать – поденщицу и домашнюю прислугу Маргариту Кальдерон, чтобы жениться на богатой уроженке Масайи по имени Америка (брак с ней был заключен 27 января 1897 года, она родила дону Грегорио сына Сократеса и двух дочерей – Марию Асунсьон и Зойлу Америку)²⁶². 14 июля 1895 года мальчика крестили.

Сандино вспоминал: «Я был зачат в любви, или в грехе, как вам больше подходит. Когда я появился на свет, отец уже успел забыть о той, кто стала матерью его первенца. Причина столь короткой памяти легко объяснима – моя мать была батрачкой, крестьянкой, а отец сватался к сеньорите Америке Тиффер из богатой буржуазной семьи.

Так и получилось, что я родился и рос в нищете. Мать с утра до позднего вечера работала на кофейных плантациях, а меня оставляла одного в хижине. Научившись ходить, я уже отправлялся на сбор кофе вместе с ней и помогал наполнять корзины кофейными ягодами. Когда мы не собирали кофе, то убирали пшеницу или маис. Одним словом, делали все, что нам приказывали. Платили нам так мало, что само существование казалось нам беспрерывной, непреходящей, жгучей болью!

Чтобы не умереть с голоду, мать закладывала в ломбарде за несколько сентаво мои рубашонки и единственные рваные штаны. Часто, когда мать была больна и не могла под-

²⁶¹ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁶² Внучка Зойлы Америки стал супругой президента Никарагуа Даниэля Ортеги – продолжателя дела Аугусто Сандино.

няться на работу, я по ночам воровал маис на полях и таскал овощи с чужих огородов. Так я рос в постоянно борьбе с жизнью, беспощадной и жестокой»²⁶³.

Эта жизнь щедро одаривала батрачку и ее сына все новыми и новыми страданиями. В 1904 году Маргарита Кальдерон нанялась к мэру (алькальду) Никиноомо. Она попросила в долг у мэра десять песо и, чтобы быстрее отдать их, нанялась на работу в другое поместье, где платили больше. Разъяренный алькальд счел это нарушением полагавшегося в таком случае чинопочитания и заключил батрачку в долговую тюрьму. Так как за девятилетним Аугусто некому было присматривать, то он отправился в тюрьму вместе с матерью. «Побои, грубое обращение, грязь, холод... – вот что ждало нас в той деревенской тюрьме, – вспоминал Сандино. – У мамы начались преждевременные роды, она истекала кровью. И единственным человеком, который мог хоть чем-то помочь ей, был я, девятилетний мальчик. В ту ночь, когда мать, обессиленная, уснула, прижавшись к ней, я плакал и думал: «Почему бог допускает такое? Почему падре говорит, что власть от бога? И почему тогда власти помогают только богатым? Какое все это дерьмо – бог, власти, жизнь!»²⁶⁴

Аугусто был вторым по старшинству из шести детей своей матери.

Не в силах содержать ребенка, мать отдала его бабушке, у которой Аугусто прожил несколько лет²⁶⁵. Затем его взял в свой дом отец. Аугусто тогда было 11 лет, большую часть из которых он прожил впроголодь и зачастую не ел по нескольку дней. Говорят, что Аугусто встретился с отцом на дороге, когда нес тяжелые тюки. Мальчик поставил их на землю и спросил дона Грегорио: «Я Ваш сын или нет?» Когда тот подтвердил, Аугусто со слезами на глазах продолжил: «А если сын, то почему Вы не относитесь ко мне, как к Сократесу?» Так дон Грегорио взял внебрачного сына в свой дом.

Аугусто выполнял в хозяйстве отца любую порученную ему работу: пас скот, работал на плантации, возил товары на базар. Мальчик не имел права садиться за стол со своими единокровными братом и сестрами, ел и спал вместе с прислугой. Он очень интересовался сельскохозяйственными машинами, которые с удовольствием разбирал и помогал чинить. В 1912 году, как и большинство никарагуанцев, Аугусто Сандино был возмущен американской интервенцией. Его героем стал генерал Селедон – Сандино с отцом видели, как труп этого никарагуанского патриота консерваторы радостно тащили по улицам. Дон Грегорио Сандино был два раза арестован в годы правления консерваторов (один раз – как раз за то, что протестовал против убийства Селедона)²⁶⁶.

Отец дал сыну образование – отправил его в бесплатную государственную школу, недавно открытую по распоряжению президента-либерала Селайи. Таким образом, Аугусто принадлежал к тем 5% никарагуанских детей, которые могли позволить себе учиться в то время. Так как он попал в школу поздно, дети смеялись над его неграмотностью и неясным происхождением, что приводило к частым дракам. Точно известно, что Сандино закончил четыре класса, хотя есть данные, что он потом учился в коммерческом училище в Гранаде.

Семья Сандино занялась зерновым бизнесом. Аугусто и его отец покупали у крестьян зерно и перепродавали его крупным оптовикам в Манагуа, Гранаду, Хинотепе и Масайю. С юношеских лет у Сандино стали проявляться лидерские способности, и он организовывал потребительско-сбытовой кооператив, чтобы объединить крестьян перед лицом торговцев-перекупщиков зерна, постоянно снижавших цены. Встревоженные торговцы из Масайи в 1920 году послали на переговоры с Сандино влиятельного политического деятеля – Хосе

²⁶³ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 32–33.

²⁶⁴ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 33.

²⁶⁵ По другой версии, мать решила уйти в Гранаду вместе с неким мужчиной по имени Гарсия, и Аугусто отказался к ней присоединиться.

²⁶⁶ Navarro-Genie M. A. Augusto «Cesar» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002. P. 4.

Марию Монкаду, будущего главнокомандующего армии либералов. С помощью Аугусто его отец смог вдвое увеличить свой капитал.

Между 1913-м и 1916 годом Сандино уехал из Никиноомо, вероятно, из-за ссоры с мачехой. Он работал где-то в районе границы с Коста-Рикой механиком. Позднее Сандино говорил, что он попал на корабль в Сан-Хуан-дель-Сур и посмотрел половину мира. Есть данные, что какое-то время он жил в США.

В 1919 году Сандино вернулся на родину и открыл в Никиноомо собственное предприятие по торговле зерном. В 1920 году он принял участие в президентской кампании либералов, агитируя за них в своем родном поселке.

Первой любовью будущего «генерала свободных людей» стала односельчанка и однофамилица Мария Соледад Сандино (в некоторых источниках девушку называют Мария Мерседес)²⁶⁷. Аугусто, которому тогда исполнилось 19 лет, был невысокого роста (163 см) и не отличался представительной внешностью. Но 16-летней девушке парень нравился своей серьезностью и обходительностью. Родители Марии Соледад были, конечно, против знакомства дочери с оборванцем, но сама она хотела выйти за Аугусто замуж. Сандино вспоминал «...Моя первая любовь была настолько сильной, что я сходил с ума, я плакал, страдал, не спал ночей, а если спал, то грезил о ней. Моя любовь была сокровищем, о котором я не решался сказать никому, даже ей»²⁶⁸. Он написал девушке письмо, в котором угрожал убить ее и себя, если она его отвергнет, но так и не решился отправить послание адресату.

Однако судьба и на этот раз не пожелала проявить великодушие по отношению к бедному парню. Так как родители Марии не хотели давать разрешение на помолвку с бедняком, Аугусто в 1920 году отправился на заработки в Блуфилдс, чтобы скопить денег на свадьбу. В письмах Марии он молил небо, чтобы они стали мужем и женой. Когда Аугусто исполнилось 25 лет, он и Мария наконец-то были помолвлены. Казалось, что счастье близко, но судьба опять жестоко посмеялась над парнем.

В Никиноомо жил некий Дагоберто Ривас, сын богатых родителей, ненавидевший Сандино, который упорно пытался выбиться в люди. 19 июня 1921 года Ривас с друзьями налетел на Сандино прямо у церкви после воскресной мессы. Как сообщали столичные газеты, Ривас дал Сандино пощечину. Завязалась драка, и Аугусто выстрелил в обидчика из пистолета и попал ему в левую ногу. Газеты писали, что Ривас признал свою вину и что Сандино («уважаемый коммерсант») до драки отличался примерным поведением.

Относительно причин инцидента есть разные версии. Кто-то говорил, что Ривас обвинил Сандино в ухаживаниях за его овдовевшей сестрой. Но на самом деле, видимо, Сандино был недоволен партией зерна, которую он купил у Риваса, а тот не хотел платить неустойку.

Отец Риваса был влиятельным депутатом от консервативной партии, и Аугусто грозила тюрьма. Ему пришлось бежать из родного поселка (сначала в Блуфилдс на заработки), а потом и из страны.

Сначала Сандино подался на атлантическое побережье Никарагуа, но уже через месяц по соображениям безопасности перебрался в Гондурас. Там он работал какое-то время охранником на складе в гондурасском порту Ла-Сейба и два года на заводе по производству сахара. В письмах отцу он жаловался на тяжелые условия работы, одиночество и тоску по родине. Он мечтал скопить достаточно денег, чтобы вернуться и жениться на своей Марии.

В 1923 году Сандино переехал в Гватемалу и в городе Кирагуа нанялся механиком на предприятие «Юнайтед Фрут». Позднее он вспоминал, что Гондурас его заставила покинуть какая-то романтическая история, связанная с женщиной.

²⁶⁷ Историки выяснили, что практически подростком Аугусто имел внебрачную связь с односельчанкой по фамилии Санчес, которая родила ему дочь Наталью Санчес Сандино.

²⁶⁸ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 35.

Тем не менее из Гондураса Марии Соледад приходили нежные письма: «Любовь моя, вот и прошел год нашей разлуки. Но ни год, ни 20 лет не смогут убить чувство, которое живет в моей душе. Этот год был полон воспоминаний о тебе и грусти о том, что ушло. В эти двенадцать месяцев жизнь подвергла меня суровым испытаниям. Тебе, как и любому, кто ни разу не рисковал, не понять, что значит искать счастья на чужбине... Моя дорога трудна, она не похожа на увеселительную прогулку с толстой чековой книжкой в кармане. А сам я не похож на обладателя чековых книжек, на тех беззаботных пташек, что не знают мира и жизни. И это обстоятельство наполняет меня гордостью...»²⁶⁹

Сандино хотел вернуться на родину, но его смертельный враг Дагоберто Ривас стал военным начальником в Никиноомо, и возвращение грозило Аугусто тюрьмой или смертью. Сандино просил Марию приехать к нему, но у девушки умер отец и заболела мать, которую она не могла бросить.

Марии и Аугусто не суждено было соединить свои судьбы. В 1923 году они окончательно расстались. Ровно через 10 лет, будучи уже генералом и всемирно известным человеком, Аугусто приехал в Никиноомо. Их встреча с Марией после 13 лет разлуки оказалась последней. В следующем году Сандино был убит. Мария Соледад на десятки лет пережила своего возлюбленного, но замуж так и не вышла.

В 1923 году, недолго пробыв в Гватемале, Сандино перебрался в Мексику, где стал работать механиком на нефтяном предприятии американской компании «Саут Пенн Ойл Компани», а с 1925 года – в самой богатой иностранной нефтяной компании Мексики «Уас-тека Петролеум». В анкете при поступлении на работу, Сандино указал, что женат и имеет ребенка. Он сделал это, видимо, для того, чтобы получить работу как семейный человек.

В 1917 году в Мексике победила народная революция. В 1923-м страной управлял президент Альваро Обрегон – герой революционных битв. В 1924 году его сменил уже упоминавшийся выше Кальес, называвший себя «пролетарием».

Профсоюзы рабочих-нефтяников Мексики слыли самыми радикальными в стране, даже большевики в далекой Москве казались им слишком умеренными. Но в целом среди рабочих нефтяных приисков были крайне популярны Ленин, Бакунин и Троцкий, чьи портреты висели не только в домах, но и на городских улицах. В честь Ленина называли детей, другими излюбленными именами для новорожденных были «забастовка» и «профсоюз». В 1924 году, как уже упоминалось, Мексика восстановила дипломатические отношения с СССР, а годом позже нефтяники страны встречали делегацию своих коллег из Баку, которым они обещали непременно совершить в стране пролетарскую революцию.

В 1925 году Кальес стал прижимать иностранные нефтяные компании, в 1926-м мексиканское правительство объявило войну католической религии как вековому орудю угнетения трудящихся масс. Мексиканские газеты были полны острой и справедливой критикой американского империализма.

Штат Веракрус, где Сандино работал в 1925 году, был самым революционно настроенным в Мексике. Его возглавлял губернатор Адальберто Техеда, считавший себя искренним социалистом и активно проводивший радикальную аграрную реформу.

Именно в такой по-настоящему революционной атмосфере и произошло формирование политических убеждений Аугусто Сандино.

Этот процесс шел непросто. Сначала Сандино искал утешения в новых формах религии, одно время интересовался «адвентистами седьмого дня». Потом он увлекся входившей в моду йогой и на какое-то время даже стал вегетарианцем. Привычку регулярно медитировать он сохранил на всю жизнь. Посещал он и кружок спиритуализма, модного тогда (особенно в Мексике) среди «образованных» слоев общества. В числе спиритуалистов было много масо-

²⁶⁹ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 37.

нов, социалистов и даже коммунистов. Спиритуалисты считали себя просвещенным авангардом общества в борьбе против мирового зла и в этом чем-то походили на адвентистов, за тем серьезным исключением, что большинство спиритуалистов были врагами современной религии.

Вращался Сандино и в масонских кругах. Мексиканские масоны (к которым принадлежал и президент страны Кальес) были непримиримыми врагами католической церкви и считали себя идейными наследниками Великой французской революции. К масонам Сандино привлекали провозглашаемые ими идеалы братства и равенства, которых ему так не хватало в детстве и юности.

Конечно, Сандино восхищался Симоном Боливаром. Он признавался, что когда читал о жизни этого человека, то плакал.

Мексиканские коллеги не раз выражали в беседах с Сандино возмущение компрадорской и угоднической по отношению к США политикой никарагуанских консерваторов. Аугусто оправдывался, говоря, что он не государственный деятель и не может отвечать за правительство Никарагуа. Вот если бы ему, Сандино, найти всего сотню преданных родине людей, то можно было бы и изменить судьбу Никарагуа, вырвать ее из-под американского контроля. «С тех пор, – писал позднее Сандино, – я начал искать эти сто человек»²⁷⁰.

Сначала Сандино работал механиком, потом перешел в «белые воротнички», став бухгалтером. Он не курил и не пил – и поэтому скопил солидную сумму денег, все еще мечтая жениться на ждавшей его Марии. К тому же в 1926 году ссора с Ривасом уже подпадала под срок давности, и уголовное преследование на родине Сандино не угрожало. В связи с этим отец просил Аугусто вернуться в Никиноомо и вновь заняться бизнесом.

6 мая 1926 года вспыхнуло восстание либералов в Никарагуа. Сандино немедленно подал заявление об увольнении (хотя, руководя отделом по сбыту бензина, то есть будучи не рабочим, а служащим, получал очень неплохой заработок), которое было одобрено компанией 15 мая. 1 июня Сандино был уже в Никарагуа, чтобы присоединиться к восставшим либералам. Хотя восстание было подавлено, но Сандино не покинул Никарагуа, не переставая надеяться на взрыв народного возмущения против «режима марионеток банкиров с Уолл-стрит» (в этой терминологии ясно прослеживается влияние радикального профсоюзного движения Мексики).

Пока же он с группой друзей завербовался на золотые прииски Сан-Альбино недалеко от границы с Гондурасом, принадлежавшие все тем же американцам. На предприятии Сандино стал секретарем главного бухгалтера и сразу же приобрел большой авторитет среди рабочих, признавших в нем своего лидера (снова сказался мексиканский профсоюзный опыт). Явно на основе своих мексиканских впечатлений Сандино рассказывал рабочим, что во многих странах рабочие кооперативы помогают трудящимся избежать эксплуатации (очень модная среди немецких социал-демократов того времени идея «кооперативного социализма», которой увлекались Кальес и мексиканское правительство в целом). Сандино говорил рабочим, что он не коммунист, а социалист.

И в этом утверждении опять проглядывает мексиканский опыт Сандино. В Мексике Кальес постоянно говорил (в том числе и с оглядкой на США), что коммунизм – это чуждая мексиканскому менталитету «экзотическая» идеология, а социализм – то, к чему нужно стремиться. Мексиканским и латиноамериканским революционерам были непонятны интернациональные основы коммунизма (типа лозунга, что у пролетария нет отечества). Сами они были революционными националистами и считали борьбу против американской гегемонии основной целью и смыслом жизни.

²⁷⁰ Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 39.

Интересно, что позднее, когда его имя уже стало широко известно, Сандино не раз говорил иностранным корреспондентам и никарагуанцам, что он самый настоящий коммунист²⁷¹. Возможно, в этом была изрядная доля бравады. Нет никаких данных, что Сандино внимательно изучал труды Маркса и Ленина, хотя в Мексике их можно было относительно легко достать, – но и исключать полностью этого нельзя. (Ни Маркса, ни Ленина долго не переводили на испанский язык; например, «Капитал» перевели лишь в 1921 году.) Сандино не скрывал, что хочет устроить в Никарагуа революцию типа мексиканской.

Постепенно Сандино убедил рабочих прииска в необходимости продолжить борьбу против марионеточного консервативного правительства. Однако оружия не было, и пока Аугусто научил рабочих делать самодельные динамитные бомбы из взрывчатки, которой на прииске хватало.

Осенью 1926 года Сандино и его сторонники на прииске называли себя «вооруженной либеральной группой» и решили приступить к вооруженной борьбе против правительства и американских интервентов.

На свои сбережения из Мексики (около трех тысяч долларов – очень большая сумма по тем временам) Сандино купил у контрабандистов из Гондураса несколько винтовок и патроны. Восстание началось 19 октября 1926 года. В группе Сандино было 29 человек, которых потом по имени командира стали называть сандинистами. 3 ноября повстанцы Сандино атаковали городок Эль-Хикаро (500 жителей). Нападение было неудачным, так как город обороняли около 200 солдат правительственных войск. Но и то, что сандинисты не понесли потерь и смогли отступить в горы департамента Северная Сеговия²⁷², уже следует считать успехом.

Естественным бастионом Сандино на долгие годы стал район Эль-Чипоте (или Эль-Чипотон, как его прозвали). Это была небольшая возвышенность на одном из отрогов хребта, подступы к которой затрудняли две реки. На руку партизанам было и обилие пещер в этом районе.

В начале декабря 1926 года Сандино узнал, что лидер либералов Сакаса высадился в Пуэрто-Кабесасе и провозгласил создание своего правительства. Сандино принял решение отправиться в Пуэрто-Кабесас, чтобы получить необходимые его отряду винтовки, пулеметы и патроны. В индейском каноэ Сандино с шестью бойцами девять дней плыл на восток по течению реки Коко.

Сакаса (которого называли «улыбающейся посредственностью») принял Сандино дружелюбно и направил его в распоряжение главнокомандующего армией либералов Монкады. Монкада встретил старого знакомого весьма холодно. Он отказался признавать в Сандино серьезного военачальника и просьбу об оружии отклонил. Монкада был неприятно поражен, когда Сандино показал ему политический памфлет собственного сочинения, в котором говорилось, что «собственность – это кража» (слова известного французского социалиста Прудон, популярного среди мексиканских рабочих того времени). Ведь никаких социальных целей у движения либералов не было.

И Монкада, и Сакаса были представителями старых олигархических кланов, элиты страны. Эти люди уже родились богатыми, привыкли к хорошим винам и заграничным путешествиям. Сандино – нищий батрак, невероятным трудом выбившийся в мелкие бизнесмены и клерки – был для них чужаком, человеком из неизведанного мира нужды. Вожди либералов соглашались видеть в нем помощника, такого же мелкого клерка, только на поле брани, но признать в нем равного для них было бы просто немыслимо. Поэтому если сдав-

²⁷¹ Navarro-Génie M. A. Augusto «César» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002. P. 22.

²⁷² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 40.

шийся в плен Сомоса благодаря родственным связям с кланом Сакасы стал генералом, то Сандино томился в Пуэрто-Кабесасе, никому не нужный.

«...моя доверчивость, моя искренность рабочего и сердце патриота испытали первое разочарование в политике нашего правительства»²⁷³, – писал он тогда, имея в виду правительство либералов. Через несколько дней томительного ожидания Сандино узнал, что в Сеговию, где базировался его отряд, Монкада хочет послать «экспедиционный корпус» под командованием генерала Адриана Эспиносы. Сандино было предложено «сопровождать» Эспиносу. Бывшему механику при этом запретили вести собственную политическую пропаганду.

24 декабря 1926 года, как уже упоминалось, американцы предписали войскам Сакасы в течение 24 часов покинуть Пуэрто-Кабесас. Либералы бросили много оружия, и американцы затопили его в прибрежных водах Атлантики. Сандино вместе с шестью бойцами отступил вслед за личной гвардией Сакасы. К маленькому отряду присоединились несколько молодых женщин²⁷⁴, которые помогли собрать и вынести 30 винтовок и 7 тысяч патронов. Монкада снисходительно разрешил «назойливому» Сандино оставить это оружие у себя. С такого скромного арсенала и началась борьба Сандино, о которой вскоре узнал весь мир.

Сандино и его товарищи отправились, на сей раз против течения Коко, в тяжелый обратный путь и прибыли на базу лишь 2 февраля 1927 года. После встречи с Сакасой и Монкадой Сандино понял, что ни либералы, ни консерваторы не являются патриотами Никарагуа: «Консерваторы и либералы – одинаковые прохвосты, трусы и предатели, не способные руководить мужественным, патриотически настроенным народом... Именно тогда я понял, что у нашего народа нет руководителей и что нужны новые люди»²⁷⁵.

Отряд Сандино в горах Сеговии рос и вскоре насчитывал более 300 человек. Но вооружения катастрофически не хватало, и многие бойцы могли положиться в сражении только на мачете. Среди солдат были несколько детей, которые выполняли функции разведчиков и связных.

Вскоре Сандино занял Окоталь – первый город в северо-западной части страны, который перешел под контроль либералов. Там была сформирована новая гражданская власть. Позднее консерваторы перешли в наступление и отбили у либералов города Эстели и Хинотега. Сандино писал: «Кроме моего отряда, удерживавшегося в Сан-Рафаэль-дель-Норте, ни на западе, ни в северных департаментах страны не было организованных сил либералов»²⁷⁶. Ему советовали по примеру других вождей либералов бежать в Гондурас.

Когда в апреле 1927 года консерваторы нанесли Монкаде серьезное поражение (и могли при желании полностью разгромить его армию), главнокомандующий либералов вспомнил о Сандино и потребовал, чтобы его отряд срочно прибыл на помощь (тогда отряд насчитывал уже 800 бойцов, по-прежнему плохо вооруженных). «Если Вы срочно не поддержите армию, – писал Монкада бывшему механику, – то будете нести ответственность за катастрофу»²⁷⁷. Несмотря на то, что Сандино к тому времени фактически вел бои в окружении, он отправил к Монкаде 150 человек без оружия, которых сопровождали лишь восемь вооруженных бойцов.

Сам Сандино окружил и после 12-часового боя штурмом взял довольно крупный по никарагуанским меркам город Хинотега. Либералам достались запасы оружия и боепри-

²⁷³ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 124.

²⁷⁴ Недоброжелательно настроенные по отношению к Сандино исследователи посему-то окрестили этих женщин «местными проститутками».

²⁷⁵ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 41.

²⁷⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 124.

²⁷⁷ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 43.

пасов. В то время это был, пожалуй, единственный успех либеральной армии в целом по стране.

Между тем 150 сандинистов прибыли к Монкаде вовремя и спасли обоз армии либералов. Сандино же, передав Хинотегу генералу либералов Парахону, со всеми своими оставшимися 800 бойцами под красно-черным знаменем (эти цвета означали главный лозунг сандинистов – «Свобода или смерть!») отправился к Монкаде. Сандинисты захватили штаб армии консерваторов, заседавшей на Монкаду, несколько сотен винтовок, миллионы патронов и полевой госпиталь врага.

Таким образом, Садино, по сути, спас главную армию либералов от сокрушительного поражения. Его солдат «с энтузиазмом» приветствовали бойцы Монкады. Сам Монкада встретил Сандино в гамаке, поднялся ему навстречу с иронической улыбкой и снисходительно похлопал его по плечу.

Монкада понимал, что Сандино как единственный генерал (теперь он получил-таки это звание) армии либералов, не потерпевший ни одного поражения, может претендовать и на политическую роль. Ни Сакаса, ни Монкада этого не желали. Поэтому удивленному Сандино был зачитан приказ Монкады, запрещающий частям либералов переходить из одной армии в другую. Дело в том, что многие солдаты из других частей либералов переходили к Сандино, который заботился о своих бойцах. Монкада боялся, что под его командованием вскоре останется меньше людей, чем у бывшего батрака Сандино.

Монкаду возмутило и то, что отряд Сандино воюет под черно-красными знаменами, популярными у мексиканских анархистов, и что его бойцы носят знамена с черепом и перекрещенными костями. Он потребовал немедленно избавиться от этих символов, иначе могут подумать, что Сандино – «большевик»²⁷⁸. Сандино был вынужден подчиниться, но от возмущения зарыдал.

Заодно Монкада решил избавиться и от самого Сандино. Он отдал ему приказ идти на город Боаку, якобы на соединение с тамошним отрядом либералов. Однако Боака была занята правительственными войсками, так что Монкада послал Сандино в западню. Вдобавок он не предупредил о ночном продвижении отряда Сандино другие части либералов на маршруте следования, и те едва не открыли по сандинистам огонь.

«В Боако меня встретил град вражеских пуль, – вспоминал впоследствии Сандино. – Я был вынужден занять оборонительные позиции...»²⁷⁹

Сандино был искренне возмущен пактом Монкады и Сакасы со Стимсоном. Он считал, что дни консерваторов сочтены и успешному маршу либеральной армии на Манагуа уже никто противостоять не сможет. Сандино чувствовал, что у него и его людей украли победу в самый последний момент. И с военной точки зрения он был абсолютно прав.

Сандино был единственным генералом армии либералов, который отказался сложить оружие до тех пор, пока последний американский солдат не покинет никарагуанскую землю. Монкада был взбешен самостоятельностью какого-то бывшего механика и спросил Сандино, кто, собственно, сделал его генералом. «Мои товарищи по борьбе, сеньор», – ответил тот. Монкада, любитель хорошей еды и красивых женщин, искренне не понимал, что еще нужно этому Сандино. Ведь ему предлагали пост политического начальника в родном департаменте. А в условиях Никарагуа политическая власть автоматически означала возможность личного обогащения. Монкада просто отказывался верить в то, что у полуграмотного, по его понятиям, человека могут быть какие-то там принципы.

Сандино обхитрил Монкаду. Он сказал, что ему надо посоветоваться с бойцами, и отбыл из ставки либералов, тем самым избежав ареста. 9 мая он написал Монкаде, что ему

²⁷⁸ Navarro-Génie M. A. Augusto «César» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002. P. 29.

²⁷⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 128–129.

трудно собрать своих людей вместе, чтобы централизованно сдать оружие²⁸⁰. Но уже 12 мая Сандино открыл карты и обратился с воззванием к местным властям всех департаментов: «Мое решение таково: если даже все сложат оружие, я этого не сделаю. Пусть я лучше погибну с теми немногими людьми, которые остались со мной. Лучше умереть патриотом, чем жить рабом»²⁸¹.

В то же время, когда 32-летний Сандино делал политический выбор, обессмертивший его имя, он женился на молодой девушке Бланке Араус. Познакомились будущие супруги при более чем неблагоприятных обстоятельствах. Отряд Сандино занял город Сан-Рафаэль-дель-Норте, и сам генерал во главе бойцов ворвался на телеграф, где Бланка как раз передавала правительственным войскам данные о местонахождении сандинистов. Семья девушки работала на телеграфе и жила в этом же здании. Бланка оказалась явно не робкого десятка и прокричала Сандино: «Если хочешь убить меня – убей!» Но генерал ответил, что не собирается трогать такую красивую девушку²⁸². Бланка и Аугусто быстро сблизились и 18 мая 1927 года, в день рождения Сандино, поженились. На скромной свадьбе гулял весь отряд и многие жители города. Но от католического обряда генерал отказался, заявив местному священнику, что перезвону колоколов предпочитает музыку своих пулеметов.

С тех пор телеграф в Сан-Рафаэль-дель-Норте стал главным центром связи сандинистов. Сандино очень любил свою жену. Он вообще относился к женщинам вежливо и уважительно, без господствовавшего в то время «мачизма». В одном из писем Аугусто писал Бланке: «Я люблю тебя... Я выиграл еще одно сражение для тебя и для родины»²⁸³.

Уже 1 июля 1927 года Сандино обратился с политическим манифестом к «никарагуанцам, центральноамериканцам и индейско-испанской расе»²⁸⁴. 14 июля последовал второй политический манифест, адресованный «соотечественникам».

В первом манифесте, в частности, говорилось: «Человек, который от своей родины не требует даже клочка земли для собственной могилы, заслуживает того, чтобы его не только выслушали, но и поверили бы ему... Я городской рабочий, ремесленник, но мои стремления общенациональны, мой идеал – обладать правом на свободу и правом требовать справедливости, даже если для завоевания этого потребуется пролить и свою, и чужую кровь. Олигархи, эти гуси из грязной лужи, скажут, что я плебей. И пусть. Я горжусь тем, что вышел из среды угнетенных. Ведь именно они – душа и честь нашего народа»²⁸⁵.

Далее в манифесте подвергались критике и либералы («предатель Монкада»), и консерваторы за то, что они отдали Никарагуа на поругание янки. Целью своей борьбы Сандино объявлял полное восстановление запятнанного суверенитета нации и вывод из страны всех американских войск. «Сильные мира сего скажут, что я слишком незначителен для того, чтобы осуществить мою миссию; но ничтожность моей персоны восполняется горячим патриотизмом. Я клянусь перед Родиной и Историей, что моя шпага спасет национальную честь и принесет освобождение угнетенным! На вызов, брошенный мне подлыми оккупантами и предателями родины, я отвечаю боевым кличем».

Манифест обращался и прямо к американцам: «Идите же в наши горы, идите убивать нас на нашей собственной земле; сколько бы вас ни было, я вас жду вместе со своими солдатами-патриотами. Но знайте, если это произойдет, то содрогнутся стены Капитолия, и кровь наша падет на ваш знаменитый Белый дом, гнездо, где вынашиваются преступные планы.

²⁸⁰ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁸¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 44.

²⁸² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 45.

²⁸³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 47.

²⁸⁴ Некоторые исследователи датируют этот манифест 10 июля.

²⁸⁵ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 39.

Я не допущу, чтобы нашу молодую родину, смуглую тропичанку, насиловали американские наркоманы...»²⁸⁶

В манифесте от 14 июля 1927 года Сандино подчеркивал, что его армия стала опорой национального суверенитета и что для себя лично ему не нужно никакого государственного поста в Никарагуа. В этом документе он сравнивал США с орлом-монстром, вонзившем когти в тело Латинской Америки. Все население Никарагуа Сандино разделил на три категории:

- честные и чистые либералы (те, кто отказались капитулировать вместе с Монкадой);
- либералы-евнухи (Монкада, Сакаса и их последователи);
- консерваторы-«родинопродавцы».

Стимсон первоначально решил, что Сандино всего лишь считает условия мира не выгодными лично для себя. Однако американцев очень насторожил пассаж из манифеста Сандино от 1 июля, в котором отвергался договор Брайана – Чаморро. Таким образом, Сандино оказался единственным политиком общенационального уровня, который требовал отмены этого кабального соглашения: «Было бы высшей несправедливостью, если бы Соединенные Штаты Северной Америки стали единоличными хозяевами нашего канала... Современному миру нужен никарагуанский канал. Но он должен быть построен на капиталы всего мира, а не исключительно на американские»²⁸⁷. Как минимум половину акций будущего канала Сандино отводил странам Латинской Америки.

Свою армию Сандино стал именовать Армией защитников национального суверенитета Никарагуа. Изменил он и собственное имя. Ранее официально он именовал себя «Augusto C. Sandino». Латинская буква «С» означала фамилию матери – Кальдерон (Calderon). Превратившись в общенационального лидера, Сандино стал расшифровывать «С» как «Сесар» (то есть. «Цезарь» по-испански). Это придавало ему гораздо больше веса с пропагандистской точки зрения. Все документы армии Сандино подписывались лозунгом «Родина и свобода!». Каждый сандинист носил черно-красный шейный платок, а на печати армии был изображен никарагуанец, державший за волосы американского интервента и занесший над ним мачете.

Однако пока что в «армии» сандинистов было около 30 человек, и они находились в горах Сеговии – там же, где когда-то укрывался Сандино с рабочими-горняками. Сандино располагал базами и народной поддержкой в четырех северных департаментах Никарагуа – Эстели, Нуэво Сеговия, Хинотега и Матагальпа. Эти департаменты занимали одну пятую часть всей территории страны, но были слабо населены, так как территорию покрывали горы и лес.

Хотя Сандино и отказался сдаться, Эберхардт и Стимсон доложили в Вашингтон, что мир в Никарагуа обеспечен²⁸⁸. Ведь у Сандино была всего лишь горстка вооруженных людей. 15 мая Стимсон не без гордости сообщил госдепартаменту, что он прекратил гражданскую войну в Никарагуа. На тот момент американцам было сдано 6200 винтовок, 200 пулеметов и 5 миллионов патронов²⁸⁹. Ни одного выстрела не было сделано в сторону американского солдата.

16 мая 1927 года довольный собой Стимсон отбыл из Коринто на родину.

Сдача оружия капитулировавшими либералами продолжалась. К 26 мая американцы получили от обеих противоборствующих сторон уже 11600 винтовок, 303 пулемета, 5,5 мил-

²⁸⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 38.

²⁸⁷ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 39.

²⁸⁸ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁸⁹ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

лиона патронов, из которых либералы сдали 3000 винтовок, 26 пулеметов и 500 тысяч патронов. 6 июня американцы прекратили выплачивать деньги за сданное оружие.

26 мая Эберхардт отмечал в донесении в Вашингтон, что только генерал Сандино отказался сложить оружие. Он направляется к гондурасской границе с 200 сторонниками (60 из которых – гондурасцы) и «сотнями мулов». Видимо, американцы посчитали, что Сандино решил эмигрировать. Время показало, как жестоко они ошиблись.

Непокорный генерал реквизирует денежные средства у некоторых помещиков, симпатизировавших консерваторам (которые, естественно, окрестили сандинистов бандитами, хотя реквизициями у политических противников во время гражданской войны активно занимались обе стороны) и стал закупать оружие и боеприпасы для длительной партизанской войны.

Монкада все еще считал, что бывший механик просто торгуется и хочет получить какой-нибудь политический пост. 20 мая 1927 года Монкада занял оставленный сандинистами город Хинотегу и по телеграфу предложил Сандино сдаться. Тот отказался, и Монкада направил к своему бывшему подчиненному его отца – Грегорио Сандино. Дон Грегорио должен был предложить своему сыну пост политического начальника – главы администрации Хинотеги, денежную компенсацию и место в никарагуанском конгрессе. Таким образом, бывший рабочий вошел бы в политическую элиту страны. Грегорио Сандино нашел сына в небольшом городке Яли. Они поговорили. Дон Грегорио вернулся со встречи в задумчивом настроении и лишь промолвил: «А может, мой сын и прав?» В отличие от его ровесника Анастасио Сомосы, карьера не была для Сандино главной целью в жизни.

Пока Монкада вел переговоры с Сандино, капитан морской пехоты США Фейган, который отвечал за безопасность в районе Чонталес, уже всюю формировал для борьбы против сандинистов «добровольческие» отряды и из либералов, и из консерваторов²⁹⁰.

27 июня 1927 года, находясь на укрепленной горе Эль-Чипоте, Сандино издал от имени «солдат, защищающих национальный суверенитет» указ о переименовании городка Эль-Хикаро, где в 1926 году его отряд Сандино получил боевое крещение, в Сьюдад-Сандино (то есть в «Город Сандино»). Этот факт до сих пор приводится недоброжелателями генерала как свидетельство его мании величия и непомерного тщеславия.

На самом деле Сандино был талантливым пропагандистом и понимал, что для населения переименование города означало, что армия появилась здесь всерьез и надолго, что сандинисты – не бродячий партизанский отряд, на который нельзя положиться. Переименовав город, Сандино сделал заявку на признание своего движения мощной общенациональной политической силой. Такой шаг обеспечил сандинистам активную помощь местных жителей, которые сочувствовали Сандино, но боялись расправы американцев и армии Диаса в случае ухода повстанцев из Сеговии.

В указе о переименовании Эль-Хикаро говорилось: «Командование (армии Сандино) обещает дать самые широкие гарантии всем соотечественникам и иностранцам, которые находятся в этой зоне, если только они не состоят в сговоре с оккупантами, и в этом случае в отношении них последуют энергичные санкции командования».

7 июля 1927 года американцы четырьмя самолетами произвели разведку местности в районе предположительного нахождения отряда Сандино недалеко от городка Окоталь²⁹¹. Выводы были сделаны самые утешительные: отряд Сандино малочисленен, и достаточно нескольких десятков морских пехотинцев США, чтобы в зародыше подавить восстание сандинистов. Американцы не могли и предположить, что первыми станут атаковать никарагуанцы – такого в истории армии США еще не было.

²⁹⁰ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 63.

²⁹¹ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 66–67.

8 июля новым командующим американскими войсками в Никарагуа был назначен адмирал Дэвид Селлерс²⁹², немедленно приказавший начать наступление на отряд Сандино и ликвидировать его в кратчайшие сроки. Насколько американцы недооценивали Сандино (да и всех никарагуанцев), показывает тот факт, что против опального генерала был послан отряд всего в 41 человек – во главе с капитаном морской пехоты Джильбертом Хатфилдом. Однако, прибыв в Сеговию, Хатфилд понял, что легкой прогулки не получится. Он стал энергично укреплять свою базу – городок Окоталь – траншеями по всем правилам ведения позиционной войны. Капитан также потребовал, чтобы как минимум раз в день город облетали американские самолеты – на случай, если сандинисты прервут телеграфное и иное наземное сообщение американского гарнизона.

Чтобы запугать сочувствовавшее сандинистам местное население, Хатфилд издал следующее обращение: «Вниманию всех заинтересованных лиц. Аугусто С. Сандино, бывший генерал армии либералов, поднявший восстание против правительства Никарагуа, объявляется вне закона. В связи с этим всякий, кто его поддерживает или остается на территории, занятой его частями, делает это на собственный страх и риск, поскольку ни правительство Никарагуа, ни правительство Соединенных Штатов не несут ответственности за жертвы, которые могут иметь место во время военных операций, проводимых вооруженными силами США на территории, оккупированной Сандино»²⁹³.

12 июля 1927 года Хатфилд обратился уже лично к Сандино и сандинистам и приказал им капитулировать в течение 48 часов. В противном случае он грозил повстанцам полным уничтожением: «Мы собираемся напасть на ваши позиции и навсегда покончить с Вами и Вашим отрядом. Если даже Вам удастся бежать в Гондурас или в другую страну, за Вашу голову будет назначена награда, и Вы никогда не сможете вернуться на родину... Вас будут преследовать как бандита». В качестве альтернативы Хатфилд предлагал Сандино «почетную капитуляцию». Как представитель «могущественной нации, которая никогда не выигрывала битв за счет предательства», Хатфилд обещал в случае сдачи оружия гарантии жизни всем бойцам Сандино. Капитан ждал сдачи сандинистов в Окотале 14 июля с 8 часов.

Сандино ответил Хатфилду телеграммой:

«Лагерь Эль-Чипоте, через Сан-Фернандо.

Капитану Хатфилду, Окоталь.

Получил вчера Ваше послание... Я не сдамся и жду Вас здесь. Я желаю видеть Родину свободной или погибнуть; я не боюсь вас, я верю в горячий патриотизм моих товарищей.

А. С. Сандино»²⁹⁴

Командующий кавалерией Сандино генерал Порфирио Санчес предложил Хатфилду в своей телеграмме не уповать, подобно трусу, на самолеты, а «сразиться в открытом бою». Люди Хатфилда, в свою очередь, получили приказ «немилосердно косить бандитов» из пулеметов.

К 16 июля 1927 года благодаря помощи местных жителей Сандино знал, что у Хатфилда в Окотале примерно 85 американских морских пехотинцев и предателей из числа сторонников Диаса. Данные были достаточно верными: на самом деле Окоталь обороняли 38 морских пехотинцев и 49 никарагуанцев из национальной гвардии. Сандино располагал при-

²⁹² Селлерс родился в столице штата Техас Остине в 1874 году. Во время испано-американской войны 1898 года участвовал в захвате островов Самоа в Тихом океане, а также Филиппинского архипелага. После Первой мировой войны служил помощником министра ВМС и командиром линкора «Мэриленд». В 1927 году был произведен в контр-адмиралы и стал командующим «Эскадрой специального назначения» (Special Service Squadron). Эскадра базировалась в зоне Панамского канала и должна была обеспечивать стратегические интересы США в бассейне Карибского моря. В 1932 году Селлерс стал командующими силами линкоров США, а в 1933-1934 годах командующим ВМФ США.

²⁹³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 50.

²⁹⁴ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 70.

мерно 300 бойцами (хотя некоторые из них были вооружены только мачете) и решил сам напасть на американцев. Атаку назначили на час ночи, чтобы разбить Хатфилда до обычного прилета американской авиации (в районе полудня).

Сандино детально разработал план атаки и зафиксировал его письменно для ознакомления офицеров с боевыми задачами. Исходя из донесений разведчиков, он собственноручно нарисовал примерный план американских траншей. Первоначально Сандино, видимо, хотел не взять Окоталь, а всего лишь дать серьезный бой тамошнему гарнизону: выйти из сражения планировалось в 6 часов утра.

В час ночи в субботу 16 июля сандинисты мелкими группами по два-три человека стали просачиваться в Окоталь. У нападавших было восемь пулеметов. Каждый сандинист нес с собой по две полностью заряженных винтовки для раздачи сторонникам Сандино в городе – таких сразу же набралось до сотни человек. Сандино выделили специальный отряд для прерывания телеграфного сообщения и для взрыва взлетно-посадочной полосы местного аэродрома. Сандино думал, что на аэродроме удастся застигнуть и самолеты, каждый из которых планировалось взорвать, заложив в них по пять фунтов динамита.

План патриотов полностью удался: отряд Хатфилда был захвачен врасплох (хотя о чем-то Хатфилд все же догадывался, возможно, благодаря предательству: в ночь перед нападением сандинистов он приказал удвоить караулы, а гарнизон спал с оружием) и блокирован в своих траншеях. В плен попали пять национальных гвардейцев. В 8 часов утра уже Сандино через парламентариев предлагал Хатфилду сложить оружие (он ошибочно полагал, что у американцев кончились запасы воды), но американцы решили держаться до появления своей авиации. После напряженного сражения Окоталь был фактически взят: американцы контролировали только свои траншеи.

Но уже в 10 часов утра в Окоталь прилетели два американских самолета, один из которых обстрелял позиции сандинистов. Летчики увидели на позициях морпехов надписи крупными буквами: «Нас атакует Сандино». Пилоты улетели за помощью в Манагуа, и в 14:35 над Окоталем появились пять «Де Хэвиллендов» (они летели из никарагуанской столицы два часа), имевшие на борту солидный запас 25-фунтовых бомб. В течение 45 минут (на большее у американцев не хватило горючего) позиции повстанцев подверглись плотной и точной бомбежке и обстрелу из пулеметов с минимальных высот (300-1000 футов).

Очевидец говорил, что бомбежка напоминала ад. Было израсходовано 400 патронов от авиационных пулеметов и 27 бомб.

В результате варварской бомбежки и обстрела с воздуха были убиты десятки мирных жителей. Отряд Сандино во избежание бессмысленных потерь отступил из города в горы. Однако часть партизан остались в Окотале, и бои там продолжались примерно до 17:00.

В сражении за Окоталь погибли пять морских пехотинцев (один был ранен). Сандинисты потеряли 56 человек убитыми и около сотни ранеными – главным образом от удара с воздуха (до двух третей всех потерь).

В истории войн битва за Окоталь представляет собой первый случай использования авиации для поддержки наземных войск – именно такая тактика стала потом сердцевинной стратегии «блицкрига» нацистов.

Хатфилд сообщал, что после ухода сандинистов во многих семьях Окоталья был объявлен траур. Зато «президент» Никарагуа Диас попросил Кулиджа наградить американских летчиков, принявших участие в бомбежке Окоталья.

Сандино в специальной прокламации объяснил цели своей атаки на Окоталь, которые были главным образом политическими и пропагандистскими: «1. Продемонстрировать, что мы – организованная сила, выступающая в защиту конституционных прав доктора Сакасы. 2. Опровергнуть мнение тех, кто считает нас бандитами, а не борцами за идею. 3. Доказать, что мы предпочитаем умереть, но не быть рабами, поскольку мир, достигнутый Монкадой,

это не мир, ведущий к свободе народа, а иллюзорный мир раба, над которым не занесен бич надсмотрщика. 4. Мы понесли большие потери, и могут подумать, что наша армия утратила свой боевой дух. Наоборот, сегодня больше, чем когда-либо, мы чувствуем себя боеспособными и заявляем о нашей твердой решимости отдать свои жизни во имя подлинной свободы, на которую имеют право все люди...»²⁹⁵

После боя у Окоталья авторитет Сандино неимоверно вырос. Никарагуанцам воочию продемонстрировали, что американцев можно успешно громить. Американцам пришлось по просьбе местных консерваторов перебросить 21 июля в Окоталь 85 бойцов морской пехоты дополнительно.

Президент США Кулидж 19 июля 1927 года назвал Сандино «бандитом», а его отряд – «шайкой разбойников»²⁹⁶. Американцы тоже вели пропагандистскую войну (хотя и проигрывали Сандино в воздействии на умы не только в Никарагуа, но и в Латинской Америке в целом). Тем не менее, 1 августа командующий морской пехотой США в Никарагуа снова предложил «бандиту» Сандино почетную капитуляцию. Опять пытался начать переговоры с Сандино Монкада, подчеркнувший, что действует и от имени американского командования.

В августе 1927-го в Никарагуа прибыл американский генерал Маккой, который должен был обеспечить честные президентские выборы 1928 года. Кулидж назначил американского гражданина, генерала главой центральной избирательной комиссии Никарагуа (!). Чтобы ликвидировать раскол в консервативной партии, госсекретарь дал задание посланнику в Манагуа Эберхардту сообщить Чаморро, что США против его выдвижения в 1928 году²⁹⁷.

Конечно, целью американцев было отнюдь не проведение неких «честных» выборов. Они ставили перед собой честолюбивую стратегическую задачу: полностью взять под контроль обе «исторические» никарагуанские политические партии (консерваторов и либералов), с тем чтобы смена власти в Манагуа больше не представляла для Вашингтона никакой угрозы. 18 августа 1927 года Эберхардт писал в госдепартамент: «...Все надо сделать так, чтобы, независимо от результатов выборов и того, какой человек или партия придут к власти, они непременно были связаны торжественным обязательством следовать социальной и экономической политике в соответствии с линией сотрудничества, намеченной правительством США... Среди этих мер... особое значение имеет существование национальной гвардии... под командованием американских офицеров»²⁹⁸.

Сандино между тем всеми силами пытался придать своим отрядам характер регулярной вооруженной силы, что было важно, прежде всего, с политической точки зрения. 2 сентября 1927 года Сандино опубликовал Устав Армии защитников национальной независимости Никарагуа. Армия объявлялась добровольной, и никто не имел право претендовать на регулярное жалование: «10. Самоотверженные патриоты, из которых сформирована Армия защитников национальной независимости Никарагуа, не получают жалования, так как каждый честный никарагуанец должен безвозмездно защищать знамя своей страны». Отдельно оговаривалось уважительное отношение к гражданскому населению со стороны местных командиров армии: «6...Строго запрещается наносить ущерб мирным крестьянам, но разрешается облагать принудительными налогами местных и иностранных капиталистов, отчитываясь должным образом о количестве продуктов и материалов, израсходован-

²⁹⁵ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 40.

²⁹⁶ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 53.

²⁹⁷ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

²⁹⁸ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918-1928. М., 1982. С. 305–306.

ных на содержание армии. Нарушение этого приказа карается в соответствии с нашим военным кодексом»²⁹⁹.

Сандино стремился одеть своих людей в форму единого образца (как уже говорилось, каждый носил черно-красный шейный платок, символизовавший девиз армии «Свобода или смерть!»). Сам он был всегда гладко выбрит, причесан и чисто одет. Между солдатами и офицерами армии Сандино установились невиданные до сих пор в Никарагуа отношения: все, независимо от звания называли друг друга «брат», а приветствием служило дружеское объятие. У армии был свой гимн и марш «Мы – освободители». Солдаты боготворили своего молодого генерала, которого за мудрость называли «наш старик». Полковники и даже генералы сандинистской армии были подчас еще моложе: некоторым едва исполнилось 18 лет.

По социальному составу армия Сандино также была уникальным явлением для Никарагуа. И среди бойцов, и среди командиров преобладали рабочие с приисков и местные крестьяне. Представителей богатой элиты практически не было. Не зря американцы подмечали популярность Сандино именно среди «низших классов» никарагуанского общества. Отсюда и приказ Сандино не трогать крестьян, но реквизировать денежные средства у капиталистов.

Август – начало сентября 1927 года стали для новой армии Сандино тяжелым временем. Еще 29 июля морская пехота США выступила из Окоталья и захватила символический центр повстанцев Сьюдад-Сандино. К удивлению американцев, самого Сандино в городе не оказалось. Самолеты США разбросали над Сеговией листовку – обращение к местным жителям командира бригады Корпуса морской пехоты США генерала Логана Феланда. Он призывал сеговийцев «вернуться на тропу мира».

В начале августа американская разведка пришла к заключению, что Сандино станет для США источником еще многих проблем. Американцы установили, что ставкой Сандино является город-крепость Эль-Чипоте. Майор Флорид получил приказ уничтожить ее, а заодно и самого Сандино. Более 200 морских пехотинцев активно пытались обнаружить лидера партизан в сеговийских горах.

Сандинисты ответили засадой в районе Сан-Фернандо, ранив одного морского пехотинца.

Заняв городок Сан-Альбино, отряд Флойда начал активно допрашивать местных жителей, стремясь узнать дорогу на Эль-Чипоте. Однако население было преисполнено симпатий к Сандино, и по итогам допросов Флорид пришел к выводу, что Эль-Чипоте на самом деле не существует: Сандино, дескать, придумал эту крепость, чтобы сбить американцев со своего следа³⁰⁰. 14 августа, оставив гарнизон в Эль-Хикаро, Флорид отбыл назад в Окоталь, опасаясь наступления сезона дождей. В Манагуа Флорид доложил, что боевая мощь Сандино сломлена и его армии не существует.

9 сентября 1927 года сандинисты потерпели от американцев тяжелое поражение при Лас-Флорес. Американцы обошли позиции партизан с флангов и перерезали дорогу к лагерю. В кровопролитном бою погибли около 60 повстанцев. Это было самое крупное поражение Сандино за все время боев.

Однако Сандино, ускользнувший от Флойда, был готов перейти в контрнаступление. 200 партизан к 19 сентября сконцентрировались у городка Тельпанека, в котором находились 20 американских морских пехотинцев и 25 национальных гвардейцев. Ночь была темной и туманной, и гарнизон Тельпанеки был застигнут врасплох.

²⁹⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 40–42.

³⁰⁰ Американцы упорно искали населенный пункт Эль-Чипоте, хотя на самом деле это была гора, на которой находился укрепленный лагерь партизан.

В час ночи 19 сентября один из сандинистов бросил динамитную бомбу в лагерь спокойно спавших американцев. Другой партизан спокойно зашел в казарму американцев и разрядил автомат «томпсон» в рядового Рассела, который был убит на месте.

Это был сигнал к общей атаке. Пока американцы лихорадочно одевались, по ним уже открыли огонь (по оценкам американцев, у нападавших имелись два пулемета «льюис» и три автомата «томпсон», на каждую винтовку у сандинистов было по 50 патронов). Однако атаки сандинистов на укрепленные дома, где засел гарнизон, успеха не принесли и были отбиты: сказывалось отсутствие у повстанцев артиллерии. В три часа партизаны начали покидать город. Два морских пехотинцы были убиты, серьезное ранение получил один солдат национальной гвардии. Потери сандинистов американцы оценили в 25 человек. Интервенты отметили «отличную боевую дисциплину» сандинистов. Партизаны атаковали по команде и двумя волнами: сначала вооруженные винтовками бойцы, затем те, у кого были только мачете. В то время как 140 человек наседали на казармы морской пехоты и национальной гвардии, еще примерно 40 партизан перекрыли дороги к городу. Огонь трех автоматов умело перемещали с одного участка боя на другой.

Сам Сандино так описывал атаку на Тельпанеку: «Пока солдаты дяди Сэма разыскивали меня в горах, я со своими людьми зашел к ним в тыл и 19 сентября... ночью атаковал город Тельпанеку, насчитывавший 2 тыс. жителей. Атака имела успех, мы заняли весь город за исключением линии американских траншей. Американцы копировали систему европейской окопной войны: у них была широкая сеть сообщающихся между собой траншей, защищенных колючей проволокой. Какие прохвосты! Они могли ходить по значительной части города, не подставляя под пули свои шкуры. Но я занял господствующие высоты, на которых установил пулеметы, и косил американцев, если они высывались. И, пока янки отсиживались в окопах, мои люди спокойно держали город в своих руках»³⁰¹. В бою за Тельпанеку сандинисты захватили несколько винтовок и боеприпасы.

Сандинистам сильно досаждала американская авиация, которая активно патрулировала всю Сеговию. Это мешало Сандино скрытно сконцентрировать большие силы для крупных операций. Зенитной артиллерии или пулеметов у сандинистов, конечно, не было. Однако иногда случались и чудеса.

8 октября 1927 года два американских самолета вели разведку в районе к востоку от города Килали. Неожиданно они заметили колонну сандинистов и обстреляли ее. Но партизаны не испугались и ответили ружейным огнем. Один из самолетов был подбит и упал к югу от реки Хикаро.

После опыта Окоталья сандинисты уже не действовали постоянно большими группами, старались хорошо маскироваться и передвигаться предпочтительно по ночам. Боевой тактикой сандинистов были засады и короткие бои с американской морской пехотой, которая в этом случае не успевала запросить помощь авиации.

В октябре 1927 года сандинисты контролировали практически весь департамент Нуэво-Сеговия (за исключением крупных городов, представлявших хорошую мишень для авиации США) и две трети района к северу от Эстели. Американцы понимали, что придется настраиваться на длительную войну. Временный поверенный в делах США Манро сообщал в Вашингтон: «Положение в Нуэво-Сеговии еще очень неудовлетворительное. Морские пехотинцы и национальная гвардия удерживают крупные города, но многочисленные группы бандитов свободно передвигаются по стране... У Сандино, очевидно, есть несколько сот хорошо вооруженных людей, и недавние события увеличили его престиж в стране»³⁰².

³⁰¹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 43–44.

³⁰² Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 299.

Манро просил прислать в страну еще больше морской пехоты и ускорить формирование национальной гвардии. В конце 1927 года в Никарагуа было примерно 3700 морских пехотинцев, а на пяти крейсерах ВМС США, сосредоточенных в никарагуанских портах, находились еще около 1500 моряков, готовых при необходимости вступить в бой.

В рядах армии Сандино насчитывалось около 1000 активных бойцов. Партизаны опирались на поддержку местного населения, которое в своей массе ненавидело американцев.

Сандинисты действовали на севере Никарагуа на территории в 6000 квадратных миль, на которой проживали примерно 120 тысяч человек. Американцы не могли своими силами занять все важные в тактическом отношении населенные пункты. Они решили применить тактику поиска Сандино в горах крупными патрулями при поддержке авиации.

24 октября 1927 года один такой патруль в составе 26 морских пехотинцев и 16 национальных гвардейцев покинул Хикаро, но уже 26 октября отряд попал в засаду сандинистов на берегу горной реки. Партизаны открыли ружейно-пулеметный огонь и стали забрасывать противника самодельными бомбами из динамита. Американцы отступили и оставили сандинистам в качестве трофеев 17 лошадей, девять лент с патронами для винтовок типа «Спрингфилд» и девять выюков с мясом и колбасой³⁰³.

1 ноября 1927 года в «хорошо подготовленную засаду» (оценка американцев) в районе к северо-востоку от Эль-Хикаро попал другой отряд (27 морских пехотинцев и 40 национальных гвардейцев). Партизаны (примерно 200 человек) в течение 35-минутного боя ранили одного морского пехотинца и убили двух национальных гвардейцев, а также шестерых мулов.

В январе 1928 года в Гаване должна была открыться VI Панамериканская конференция. Президент Кулидж не желал, чтобы она превратилась в форум по единодушному осуждению латиноамериканцами американской агрессии в Никарагуа. Поэтому в секретном приказе от 10 декабря 1927 года американскому контингенту в Никарагуа была поставлена задача к Новому году ликвидировать Сандино и занять его главный оплот – гору-крепость Эль-Чипоте³⁰⁴.

Генеральное сражение было намечено на 17 декабря. К Эль-Чипоте выдвинулись два усиленных отряда общей численностью 200 человек. Еще 23 ноября американская авиация локализовала партизанскую штаб-квартиру, нанесла по Эль-Чипоте бомбовый удар и произвела разведку укреплений вокруг горы. С тех пор бомбежки продолжались каждый день.

Для достижения большей эффективности атак с воздуха «Де Хэвилленды» были заменены новейшими самолетами 02U «корсар», которые начали производиться для Корпуса морской пехоты США только в 1927 году. «Корсары» имели более солидный радиус действия – 626 км и более высокую скорость – 200 км/ч. В декабре 1927 года морская пехота в Никарагуа получила и транспортные самолеты типа «фоккер» ТА-1.

30 декабря 1927 года американцы попали в засаду примерно к 200 партизанам и после жестокого боя были вынуждены отступить. Как обычно, немедленно была вызвана авиация, но на сей раз сандинисты скрытно отошли. Бой длился 80 минут: погибли пять морских пехотинцев (23 были ранены) и два национальных гвардейца (еще двоих ранили).

В первый день нового, 1928 года, американцы потерпели еще одно поражение. У холмов Лас-Крусес на подступах к Эль-Чипоте сандинисты напали на усиленный патруль морской пехоты и динамитной бомбой убили его командира 1-го сержанта Брюса (который до этого написал матери, что либо умрет, либо «к 1 января голова бандита Сандино» будет в его руках). Деморализованные интервенты отошли, но потом возобновили бой при помощи

³⁰³ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 50.

³⁰⁴ Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 59.

минометов и крупнокалиберных пулеметов. Холм Лас-Крусес был захвачен, и две соединившиеся американские боевые группы вошли в город Килали.

Однако в городе их осадили сандинисты. Положение морской пехоты стало отчаянным – ведь в Килали не было аэродрома, а вода и боеприпасы кончались, к тому же в городе находились 30 раненых американцев. Под взлетно-посадочную полосу переоборудовали главную улицу города, и когда очередной самолет садился, морские пехотинцы висли на его крыльях, чтобы затормозить движение. 6, 7 и 8 января американцы совершили в Килали 10 вылетов, доставив боеприпасы, медикаменты и забрав в Окоталь 18 раненых.

Американцы решили подавить защитников Эль-Чипоте с воздуха, и 14 января совершили на гору-крепость налет силами четырех самолетов «корсар». Однако Сандино умело рассредоточил своих бойцов, и американцев встретил слаженный ружейно-пулеметный огонь. По Эль-Чипоте было выпущено 2800 пулеметных патронов. На гору сбросили четыре 50-фунтовые и 18 17-фунтовых бомб. Американцы применяли с воздуха и новые зажигательные гранаты из белого фосфора.

Сандино вспоминал про бои за Эль-Чипоте: «Шестнадцать дней длилась осада. Воздушные пираты ежедневно совершали налеты на наши позиции. В 6 часов утра появлялась первая четверка самолетов и начиналась бомбежка. Мы, разумеется, вели ответный огонь, и не одна железная птица была смертельно ранена. После четырех часов бомбежки на смену первой эскадрильи прилетала вторая; четыре часа спустя – еще одна. И так беспрерывно до наступления ночи»³⁰⁵.

Бомбежки позиций противника непрерывными волнами также были новым словом в истории боевого применения авиации, и американцы полагали, что для разгрома сандинистов даже не понадобится наземной атаки – все сделают самолеты.

Сандино пошел на военную хитрость и для начала распустил слухи о своей смерти. Были организованы похороны партизанского командира. Американская печать с удовольствием сообщила, что «славная морская пехота» уничтожила «бандита Сандино». Друг Сандино писатель Густаво Алеман Боланьос даже написал некролог для одной из кубинских газет.

Между тем сам Сандино был живее всех живых и готовился со своей армией примерно в 600-800 человек покинуть Эль-Чипоте. Чтобы сбить с толку американских летчиков, генерал приказал расставить везде чучела в соломенных шляпах. Пока пилоты докладывали, что в лагере сандинистов все без изменений, армия Сандино скрытно покинула Эль-Чипоте и ушла в город Сан-Рафаль-дель-Норте (где генерал недавно встретил свою жену). После ухода сандинистов американцы еще два дня бомбили пустой лагерь, пока наконец не разобрались в обстановке.

20 января 1928 года американская морская пехота стала осторожно пробираться на вершину Эль-Чипоте, но была остановлена сандинистским арьергардом и отошла. Американцы смогли занять гору только 26 января.

С военной точки зрения ожесточенные двухнедельные бои за Эль-ипоте (самое крупное сражение войск США после Первой мировой войны) можно рассматривать как поражение морской пехоты США, так как не была выполнена главная задача – ликвидация самого Сандино и основной части его армии. Мало того – не удалось даже нанести партизанам сколь-нибудь чувствительные потери. Напротив, во время боев партизаны смогли захватить психологически важный трофей – огромный, в два квадратных метра величиной, американский флаг, на котором Сандино собственноручно написал: «Это знамя захвачено у войск империалистов-янки в сражении под Эль-Чипоте. Родина и свобода!»

³⁰⁵ Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 60–61.

В начале 1928 года Сандино уже был самым популярным человеком в Латинской Америке. В него играли дети, а в Сальвадоре появился сверхпопулярный ликер «Нектар Сандино». Практически во всех странах Латинской Америки и в США были образованы комитеты общественности в поддержку Сандино, которые собирали деньги на помощь партизанам.

Когда 16 января 1928 года в Гаване открылась VI Панамериканская конференция, ее делегаты продолжительной овацией встретили поднятие никарагуанского флага. Улицы кубинской столицы были заполнены антиамериканскими транспарантами: «Янки, Вон из Никарагуа!», «Смерть империализму янки!», «Да здравствует Сандино!».

Сандино обратился к конференции с открытым письмом, в котором, в частности, говорилось: «Я протестую против пассивности и угодничества латиноамериканских делегатов, спокойно взирающих на правонарушения Соединенных Штатов. Я обращаюсь к братским республикам с просьбой потребовать немедленного вывода американских войск, попирающих независимость моей родины...»³⁰⁶

Даже в США СМИ проявляли по отношению к Сандино все больше и больше симпатии. 18 января 1928 года фотография партизанского командира появилась на обложке журнала «Нэйшн». В передовой статье журнала говорилось: «Все знают, что Сандино не бандит. Напротив, это патриот, ведущий безрассудную войну против превосходящих сил США»³⁰⁷. В американском общественном мнении росло непонимание цели нахождения американских войск в Никарагуа.

11 января 1928 года посланник США в Манагуа Эберхардт даже предложил официально объявить Сандино войну со стороны США, чтобы пребывание в Никарагуа морской пехоты получило хотя бы какую-то юридическую основу. Однако в госдепартаменте сочли, что такой шаг нежелателен, поскольку означает фактическое признание «бандита» Сандино воюющей стороной.

Популярность Сандино в мире стремительно выросла после того, как его посетил в горах в феврале 1928-го известный американский журналист Карлтон Билс. Партизаны произвели на Билса самое благоприятное впечатление своей простотой и честностью, что журналист и отразил в серии статей в журнале «Нэйшн» в феврале – марте.

Билс описывал Сандино следующим образом: «Сандино молод, ему около тридцати двух лет... На шее повязан шелковый платок красного и черного цвета. Сандино хорошо сложен, хотя и невысок (его рост не более 165 сантиметров). На нем широкополая шляпа, и во время нашей беседы он то и дело сдвигал ее назад на затылок. Тогда были видны гладко зачесанные черные волосы и высокий лоб. Волевой подбородок, широкая нижняя челюсть срезана книзу. Брови – высокие полудужья, нависшие над живыми черными глазами. Глаза темные, зрачков почти не видно. Я не заметил у Сандино каких-либо физических недостатков»³⁰⁸.

Сандино описал Билсу свою армию следующим образом: «Моя армия – это крестьяне и ремесленники. Мир, земля и труд – вот все, чего мы хотим. Нам не нужна ничья благотворительность; когда мы прогоним чужеземного захватчика, мы вернемся домой и будем обрабатывать землю».

Характерно, что Сандино изложил Билсу и свои взгляды на главный для американцев вопрос о трансокеанском канале: «У нас украли права на канал. Теоретически нам уплатили 3 млн. долларов, или, точнее, бандиты, контролировавшие в то время правительство, с помощью Вашингтона получили несколько тысяч песо. Если разделить эти деньги среди

³⁰⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 53.

³⁰⁷ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 63.

³⁰⁸ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 66.

всех никарагуанских граждан, то их не хватит для того, чтобы каждый из нас мог купить одну пресную галету и сардину. В результате этого контракта, подписанного четырьмя предателями, мы утратили наши права на канал... Моего отца бросили в тюрьму за то, что он протестовал против договора Брайана – Чаморро, против того, чтобы Соединенным Штатам были предоставлены морские и военные права на канал. Я предпочел бы, чтобы канал был построен частной компанией с передачей никарагуанскому правительству части акций вместо наших ущемленных прав; в этом случае мы имели бы доходы, а не американские займы на разорительных условиях...»³⁰⁹

Между тем оппозиция курсу администрации Кулиджа в Никарагуа стала проявляться и в конгрессе США, тем более что в стране разгоралась предвыборная президентская кампания. 3 января 1928 года член палаты представителей Хаддлстон заявил: «Нынешнее правительство впутало США в войну в Никарагуа и обязано покончить с ней. Война, которая ведется в Никарагуа, – это дело правительства, а не народа США»³¹⁰. На следующий день демократ из штата Алабама Хефлин внес проект резолюции о немедленном выводе американской морской пехоты из Никарагуа. Проект был передан в комитет по внешней политике Сената США, где 9 марта 1928 года сенатор Норрис потребовал «предотвратить незаконное использование вооруженных сил США»³¹¹.

В целом ведущие деятели демократической партии США стали активно осуждать войну в Никарагуа, тем более что она не приносила блестящих побед, а стоила довольно дорого.

Положение республиканской администрации Кулиджа было весьма сложным. Ведь президент США не имел права начинать войну и посылать американские войска за границу без санкции Сената. Поэтому Кулидж настаивал на том, что никакой войны в Никарагуа вообще нет: там ведутся отдельные спецоперации против кучки бандитов. Однако сам размах боев в Никарагуа и возросшие потери элитной морской пехоты явно противоречили такому утверждению.

На слушаниях в Сенате 11 февраля 1928 года лидер демократов Свенсон спросил командующего Корпусом морской пехоты США генерала Уильямса, что случится в случае вывода американского воинского контингента из Никарагуа. Ответ генерала был честным: «Я думаю, что Сандино войдет в Манагуа и станет президентом, а многие богатые люди должны будут спастись бегством»³¹².

В апреле 1928-го в конгресс была внесена резолюция о прекращении ассигнований на морскую пехоту.

В таких непростых для себя внутривнутриполитических условиях администрация США поставила перед собой две задачи. Во-первых, разгромить Сандино и «умиротворить» Никарагуа до президентских выборов в этой стране, намеченных на октябрь 1928 года. Во-вторых, переложить тяжесть основных боевых операций в Никарагуа на плечи национальной гвардии, подготовку которой в связи с этим следовало максимально ускорить.

Как упоминалось выше, первоначально американцы не хотели видеть национальную гвардию слишком большой, чтобы она не смогла противостоять возможному военному вмешательству США. Однако восстание Сандино внесло в эти планы коренные изменения. По соглашению между правительством Диаса и США от 27 декабря 1927 года, численность национальной гвардии устанавливалась уже в 93 офицера и 1064 солдата. На ее содержание

³⁰⁹ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 64.

³¹⁰ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918-1928. М., 1982. С. 301.

³¹¹ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918-1928. М., 1982. С. 301.

³¹² Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918-1928. М., 1982. С. 302.

выделялась астрономическая по никарагуанским меркам сумма – 689 тысяч долларов. Но уже в 1928 году стало ясно, что численность национальной гвардии придется увеличить.

Однако в начале 1928-го вся тяжесть боев все еще лежала на плечах морской пехоты США, которую поддерживали 12 разведчиков-бомбардировщиков типа «корсар» и «фалькон», семь самолетов-амфибий «ленинг» и пять трехмоторных транспортных самолетов «фоккер». Для борьбы с ними партизаны стали изготавливать динамитные ракеты.

Но несмотря на активное патрулирование в воздухе, внезапность была верным союзником партизан. 27 февраля 1928 года в засаду у местечка Эль-Бромадеро попала сильная американская обозная колонна из Эстели, которую благословил на бой епископ департамента Гранада Кануто Рейес. 35 морских пехотинцев очутились под сильным огнем с фронта и тыла и едва смогли добраться до ближайшего холма, чтобы занять там оборону. Партизанам достался обоз, и, вместо того чтобы уйти в лес, они начали атаковать холм, где засели американцы. Только на следующий день подошедшие подкрепления (88 человек) сняли осаду.

Пять морских пехотинцев были убиты, восемь – ранены. Бой шел семь часов. По оценкам американцев, партизаны применили как минимум четыре пулемета, 600 винтовок и 200 динамитных бомб. Особенностью боя у Эль-Бромадеро были низкие потери в рядах партизан – около 10 человек убитыми. Сандинисты явно научились воевать, и их высокий боевой дух дополнялся теперь хорошей сноровкой.

Сандино так описывал этот успешный для его партизан бой: «Мы уже хорошо изучили тактику янки... Установив пулеметы на ключевых позициях, мы стали ждать. Наконец наступил решающий момент... Наше оружие раскалилось докрасна. Бедняги янки падали как подкошенные. Такого разгрома я не видел никогда в жизни. В отчаянии, обезумев, они стреляли куда попало; они карабкались на деревья, но тут же падали, сраженные пулеметной очередью; устремлялись к пулеметным гнездам, но, рухнув, оставались лежать на полпути... Они бежали в панике. Наша победа была полной. Янки оставили на поле боя сотни убитых и раненых...»³¹³

Американцы пытались укрыться на плантации сахарного тростника, но партизаны подожгли ее с четырех сторон. Затем Сандино великодушно приказал потушить огонь, чтобы в его пламени не погибли раненые.

В одном из последовавших боев партизаны напали ночью на американский военный лагерь. Чтобы в темноте не спутать своих с чужими, Сандино приказал своим бойцам раздеться, и они голыми атаковали морских пехотинцев.

После поражения у Эль-Бромадеро американцы опять сделали упор на атаки отдельных партизанских отрядов с воздуха, так как наземные бои не приносили успеха и стали оборачиваться серьезными потерями в живой силе. Но партизаны знали примерный график разведывательных полетов (американцев подводила пунктуальность) и старались передвигаться только ночью и ранним утром. Американцы в качестве ответной меры обстреливали и бомбили даже мирно идущих по своим делам крестьян, если они казались им подозрительными.

Один такой крестьянин, которого чуть не убил выстрелами американский летчик, сбегал в лес за винтовкой и открыл огонь по самолету. В ответ американец сбросил на него бомбу, и крестьянину оторвало руку. Но и окровавленной култей он все еще ожесточенно грозил самолету.

Пилотов учили распознавать группы партизан по соотношению в них мужчин и женщин и даже по количеству белья, которое сушилось на веревках. Но зачастую авиация США просто бомбила населенные пункты, чтобы запугать их жителей. Было сожжено и разрушено

³¹³ Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 64.

около 70 никарагуанских деревень и поселков. Однако столь жестокие меры лишь толкали людей в лагерь Сандино.

Сандинисты наращивали боевые действия. С 30 июня 1927 года по 30 июня 1928-го, по официальным данным, морская пехота США участвовала в 85 боях против партизан.

В феврале 1928 года Сандино в горах посетил корреспондент ТАСС. В разговоре с ним партизанский вождь изложил свои основные требования:

- немедленный вывод американских войск из Никарагуа;
- назначение временным президентом Никарагуа гражданского лица, которое до этого никогда не было кандидатом в президенты;
- организация новых президентских выборов под контролем комитета, состоящего из никарагуанцев.

Если советские и американские журналисты без особых проблем находили Сандино, то у американских военных это никак не получалось.

19 февраля 1928 года в докладе военной разведки американской морской пехоты в Никарагуа отмечалось, что локализовать расположение главных сил Сандино не удастся. Приходится полагаться на случайные стычки и донесения местных жителей. Признавалось, что среди последних много откровенной лжи и преувеличений: «...три-четыре увиденных всадника на следующий день превращались в 100». Американцы считали, что после битвы у Эль-Чипоте престиж Сандино упал и люди бегут от него. Мол, если до этого сражения у Сандино было несколько сотен бойцов, то теперь примерно 60-125. На самом деле после Эль-Чипоте Сандино разделил свою армию на отдельные колонны, чтобы партизан было труднее заметить с воздуха.

Американская разведка отмечала, что части Сандино хорошо вооружены, главным образом благодаря реквизициям денег, мулов и продовольствия у местных и иностранных капиталистов. К тому же Сандино получал оружие от либералов Леона. Американцы знали, что большие группы сторонников Сандино живут в соседних государствах, занимаются бизнесом (например, выращивают кофе) и передают деньги партизанам.

Тактику партизан разведка морской пехоты США описывала следующим образом: «Без изменений. Враг оперирует ночью. Все банды, по нашим сведениям, на лошадях. Хотя, как предполагается, у них была возможность атаковать, они всегда избегали нас. Вероятно, враг попытается сконцентрировать различные группы в важных пунктах и продолжить операции, сходные с предыдущими»³¹⁴.

Эта разведсводка ясно показывает всю беспомощность американцев в Никарагуа. Они и не подозревали, что в Сеговии остались лишь мелкие группы партизан из местных жителей, главной – и успешно выполненной – задачей которых была имитация боевых действий для обмана противника.

А сам Сандино с лучшей частью своей армии двинулся на восток. Во-первых, он хотел уйти из Сеговии, находившейся под плотным наблюдением американской авиации. Во-вторых, партизаны решили нанести сильный удар по американскому бизнесу в Никарагуа.

Командующий морской пехотой на атлантическом побережье Никарагуа майор Ютли подозревал, что рано или поздно Сандино нанесет ему визит. Но Рождество и новогодние праздники прошли спокойно. Тогда Ютли решил сам взять Сандино в клещи. Американцы планировали продвинуться с побережья по реке Коко (пограничной с Гондурасом) на запад, в самое сердце партизанского края. Однако у интервентов не было ни карт этой местности, ни точных сведений о расположении главных сил Сандино. Поэтому 8 марта 1928 года Ютли отправил на моторной лодке патруль из пяти человек вверх по течению Коко. 26 марта пат-

³¹⁴ Schmidt. B-2 Report, Managua, 12-18 February 1928. См.: <http://www.sandinorebellion.com/IRDocs/R280219.html>.

руль вернулся с уверенностью, что где-то в районе деревни Уаспук находятся главные силы «бандитов» (хотя самих сандинистов американцы так и не увидели).

В начале апреля 1928 года Ютли решил расположить в бассейне Коко усиленные блокпосты, чтобы не допустить неожиданного нападения. Однако Сандино упредил врага. 12 апреля американцы узнали, что сандинисты захватили золотой прииск американской компании «Ла Лус и Лос Анхелес», экспроприировав золота на 2,6 миллиона долларов. Оборудование предприятия было уничтожено.

Как всегда, военные акции Сандино носили и политико-пропагандистский характер. На сей раз был захвачен прииск, где когда-то работал нынешний «президент» Никарагуа и американский ставленник Адольфо Диас. Именно на деньги хозяев этого предприятия был организован мятеж 1909 года, с которого и начались все нынешние беды Никарагуа.

Сандино давал своим рейдом понять американскому бизнесу: пока морская пехота США остается в Никарагуа, спокойной жизни у предпринимателей не будет.

В письме управляющему рудника Сандино писал: «Я имею честь сообщить Вам, что сегодня Ваш рудник превращен в руины по моему приказу в знак протеста против агрессии Вашего правительства, предпринятой против нашей страны на единственном основании грубой силы. Пока правительство США не прикажет вывести пиратов с нашей территории, не будет никаких гарантий неприкосновенности для американцев на нашей земле»³¹⁵.

Американские морские пехотинцы устроили передовые позиции в районе деревни Уаспук, но как только до них дошли слухи о приближении главных сил Сандино, они предпочли отступить под защиту флота в Пуэрто-Кабесас. Авиация из Сеговии не могла ввиду ограниченности радиуса действия самолетов оказать своим коллегам в Москитии действенную поддержку.

Однако разгром приисков заставил американцев активизировать поиск партизан. Весь май 1928 года несколько усиленных патрулей морской пехоты блуждали по труднопроходимым джунглям в районе приисков. Их поддерживали самолеты-амфибии. Но найти Сандино не удалось.

В конце мая в Пуэрто-Кабесас прибыл командующий американской морской пехотой в Никарагуа генерал Логан Феланд. Он сообщил Ютли, что Сандино находится в восточном районе Сеговии, но из-за трудных условий местности морская пехота в северной части Никарагуа добраться туда не может. Поэтому Ютли было приказано собрать мощную группировку и отправиться на розыски главных сил Сандино по реке Коко с востока.

26 июля 46 морпехов отправились в экспедицию. Еще столько же должны были вскоре последовать за ними. Шли сильные тропические дожди, река Коко вышла из берегов, и отряд с трудом продвигался вверх по течению. 4 августа морпехи заметили двух партизан, которые поспешно отступили в джунгли. Через пару дней произошла небольшая перестрелка с сандинистами. Самолет-амфибия, который сбрасывал для американцев продовольствие, обнаружил неподалеку лагерь «бандитов». Отряд морпехов выступил на его уничтожение, но в результате ожесточенного боя потерял одного человека убитым и трех – ранеными.

Между тем весной – летом 1928 года росла популярность Сандино во всем мире. Уже сам факт, что его люди оказывают умелое сопротивление самой мощной державе в мире, говорил в пользу генерала и его армии.

Важным было и то, что сторону Сандино приняло большинство мировой интеллигенции, оказывавшей серьезное влияние на умы в самых разных странах.

В марте 1928 года к Сандино обратился выдающийся французский писатель Ромен Роллан: «Я присоединяюсь к вашему протесту против того, что происходит в Никарагуа. Нападение на эту страну является частью мощного наступления североамериканского импе-

³¹⁵ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918-1928. М., 1982. С. 303.

риализма с целью овладения всем Американским континентом». В июле 1928 года Сандино получил письмо от другого видного французского писателя Анри Барбюса: «Генерал! Я приветствую Вас от своего имени и от имени пролетариата и революционной интеллигенции Франции и Европы... В Вашем лице мы приветствуем Освободителя, замечательного солдата, борца за дело угнетенных, эксплуатируемых народов, против магнатов капитала»³¹⁶.

Именно в этом письме Барбюс назвал Сандино «генералом свободных людей» – и так вождя никарагуанцев стали звать во всем мире.

31 июля 1928 года приветствие Сандино направил VI Конгресс Коминтерна: «...братский привет рабочим и крестьянам Никарагуа, а также героической армии генерала Сандино, сражающейся за национальную независимость и ведущей решительную борьбу с империализмом Соединенных Штатов»³¹⁷.

В Гондурасе друг Сандино поэт Фройлан Турсисос издавал газету «Ариэль», в которой печатались материалы сандинистов. Комитеты помощи Сандино активно работали в Коста-Рике и в Мексике. В Мексике представитель Сандино Педро Сепеда издавал «Бюллетень сандинистов». Профсоюзы самых разных политических направлений регулярно проводили антиамериканские демонстрации.

11 апреля 1928 года посол США в Мексике Морроу пытался добиться от тамошнего министра иностранных дел запрета Комитета помощи Сандино. К тому времени президент Мексики Кальес уже помирился с США и старался без нужды не злить северного соседа. Однако запретить деятельность комитета мексиканцы отказались – это стало бы крайне непопулярной мерой.

В Вашингтоне сознавали, что проигрывают пропагандистскую войну против Сандино. 12 июня 1928 года госдепартамент разослал во все дипломатические представительства США в Центральной Америке циркуляр с требованием усилить контроль за деятельностью Антиимпериалистической лиги (эта организация была создана коммунистами и активно собирала средства для Сандино). 2 июля посланник США из Гондураса Саммерли ответил: «Комитет помощи Сандино» активно собирает для никарагуанских партизан деньги, но нельзя ожидать каких-либо действий президента Гондураса против этой организации ввиду «широких симпатий местных жителей к Сандино»³¹⁸.

К Сандино стекались и добровольцы из различных латиноамериканских стран: кубинцы, гондурасцы, сальвадорцы, колумбийцы и т. д.

31 мая 1928 года посланник США в Никарагуа Манро отмечал, что «в низших слоях распространены настроения в поддержку Сандино». Он требовал новых подкреплений морской пехоты в преддверии намеченных на 4 ноября 1928 года президентских выборов. К августу 1928-го морская пехота США контролировала уже практически все департаменты Никарагуа, основные дороги и водные пути. К ноябрю американских солдат в Никарагуа было уже около 6 тысяч.

Однако, зажатый между отрядами морской пехоты США в Сеговии и в бассейне реки Коко, Сандино упорно сопротивлялся, и американцы никак не могли нанести ему серьезного поражения. Зато 7 августа 1928 года близ местечка Волива сандинисты нанесли поражение морской пехоте снова. Сандино, в чью шляпу попали несколько пуль, сам руководил боем. Потом он торжественно сказал своим бойцам, что победа одержана в тот же день, в который 111 лет назад Симон Боливар выиграл сражение у испанцев при Бояко.

Через месяц партизаны ждали прибытия лодок с патронами и продуктами, которые вели по реке Коко женщины. Когда началась разгрузка, неожиданно налетела американская

³¹⁶ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 67–68.

³¹⁷ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 300.

³¹⁸ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 303–304.

авиация, и женщины бросились в лес. Сандино заметил, что на берегу остался четырехлетний ребенок. Не раздумывая, генерал под пулями схватил его и отнес в безопасное место. Сандино вспоминал: «Схватив мальчика, я стремглав бросился в лес. Вокруг свистели пули. Пробежав несколько метров, я почувствовал, что ребенок вздрогнул. Я не придал этому значения, но, добравшись, наконец, до своих, я увидел, что мальчик покрылся смертельной бледностью и похолодел. Он умер у меня на руках. Не от пули, нет, он умер от испуга»³¹⁹.

В июле 1928 года либералы выдвинули на пост президента предателя и смертельного врага Сандино Монкаду. Консерваторы утвердили кандидатуру Адольфо Бенарда, причем американцы фактически предотвратили раскол консервативной партии, заставив Чаморро выйти из игры. Обе партии просили американские войска контролировать выборы на местах. Чтобы американцы перестали относиться к либеральной партии с подозрительностью, Монкада еще за несколько недель до выборов сообщил в их дипмиссию, что в случае избрания будет просить США контролировать и выборы 1932 года. 19 октября 1928 года Монкада направил письмо с аналогичными заверениями кандидату консерваторов Бенарду.

В сентябре 1928 года морская пехота США начала регистрацию никарагуанских избирателей (эта акция проходила с 23 сентября по 7 октября). Сандинисты перешли в наступление, стремясь сорвать выборы хотя бы на севере Никарагуа. 2 октября сандинисты заняли небольшой городок Сан-Маркос неподалеку от Хинотеги и убили четырех сторонников либеральной партии, которые вели там агитацию.

Американцам пришлось разместить патрули во всех более или менее крупных населенных пунктах. Офицеры и солдаты Корпуса морской пехоты США возглавляли 432 избирательных участка, якобы для предотвращения подлога и фальсификаций. Сандинистам не удалось сорвать регистрацию избирателей, так как морская пехота США контролировала все крупные города страны. Всего были зарегистрированы 150 тысяч избирателей – на 35 тысяч больше, чем в 1924 году³²⁰.

4 ноября 1928 года на президентских выборах победил кандидат либеральной партии Монкада, набравший 70 120 голосов. За консерваторов проголосовали 55 839 избирателей. Если в среднем по Никарагуа проголосовали 88 % зарегистрированных избирателей, то в департаментах Нуэво-Сеговия и Хинотега (где действовали сандинисты) – 82 %³²¹.

Как только Монкада вступил в должность, он отправил бывшего вождя либералов Сакасу посланником в США. По неписаной никарагуанской политической традиции того времени это означало, что Сакаса будет кандидатом от либералов на следующих президентских выборах в 1932 году. Одним из своих первых указов Монкада назначил своего родственника Анастасио Сомосу как знатока английского языка и приемлемую для американцев кандидатуру заместителем министра иностранных дел. Одновременно Сомоса был награжден орденом.

4 декабря 1928 года адмирал Селлерс предложил Сандино прекратить борьбу, так как теперь в Никарагуа у власти находится законно избранное правительство. Но Сандино опять отказался сдаваться до тех пор, пока американская армия не покинет Никарагуа.

Тем не менее Сандино был готов к диалогу с Монкадой. В ответном письме Селлерсу он писал: «Я заявляю, что только с генералом Хосе Марией Монкадой я мог бы пойти на переговоры с целью достижения прочного мира в нашей стране. Являясь членом либеральной партии, он, хотя и предал родину, может исправить свои ошибки, поклявшись перед никарагуанским народом и либеральной партией уважать основы соглашения, которые будут

³¹⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 75.

³²⁰ FRUS, 1928 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1928v03/reference/frus.frusl928v03.i0019.pdf>).

³²¹ FRUS, 1928 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1928v03/reference/frus.frusl928v03.i0019.pdf>).

нами выработаны». Но и соглашение с Монкадой Сандино был готов заключить при одном условии: «Эвакуация с территории Никарагуа североамериканских вооруженных сил»³²².

Монкада, естественно, отказался. В интервью «Нью-Йорк Таймс» он заявил: «Американская морская пехота является гарантией свободы и процветания. Если она покинет Никарагуа, воцарится анархия...»³²³

Между тем президентские выборы состоялись и в США. Демократы, обещавшие вывести войска из Никарагуа, потерпели поражение. Президентом стал республиканец Гувер. Насколько большое значение в Вашингтоне уделяли Никарагуа, свидетельствует тот факт, что 27 ноября 1928 года (еще до своей инаугурации) Гувер прибыл в Коринто с визитом «доброй воли». Правда, этот визит «доброй воли» был осуществлен на борту линкора «Мэриленд».

Сандино 6 марта 1929 года обратился к Гуверу с открытым письмом: «Сеньор!

Имею удовольствие сообщить Вам, что наших солдат не сломили бывший американский президент Калвин Кулидж и государственный секретарь Фрэнк Келлог. По их приказу убивали людей на моей родине, сжигали поля, насиловали женщин, пытались отобрать наши священные права на свободу. Но освободительная армия по-прежнему готова сражаться и побеждать...»³²⁴

Однако в политическом отношении Сандино оказался в начале 1929 года в сложном положении. И его армия, и население Сеговии устали от войны. К тому же многие бойцы считали, что цель достигнута – в результате выборов к власти пришли либералы, которые и начали восстание в 1926 году. За что воевать, если и сам бывший вождь либералов Сакаса признал выборы легитимными? Слабой стороной восстания Сандино была и недостаточная связь с городским населением, которое тоже в большинстве считало выборы легитимными.

Сандино собрал представителей Либерально-республиканской, Лабористской (то есть рабочей) партий и группы «Солидарность». На этом собрании было решено не признавать Монкаду как президента, навязанного стране иностранной армией. В качестве альтернативы была образована правительственная хунта во главе с Педро Сепедой (представителем Сандино в Мексике). Сам Сандино стал генералиссимусом Армии защитников национального суверенитета³²⁵. Однако партии, на которые решил опереться Сандино, были среди большинства населения непопулярны. Никарагуанцы по-прежнему ассоциировали себя (во многом по семейным традициям) только с либералами или с консерваторами.

В этих условиях Сандино решил временно прекратить борьбу, чтобы дать Монкаде возможность без давления договориться с американцами о выводе войск. 6 января 1929 года Сандино отправил послание президенту Мексики Портесу Хилу с просьбой принять в Мексике его самого и штаб армии. Письмо было передано с капитаном армии Сандино Паредесом – мексиканцем по национальности.

3 января 1929 года состоялось совещание Монкады с посланником США и командованием американских войск в стране. Американцы рекомендовали начать постепенный вывод своих войск и сократить контингент морской пехоты до 3500 человек. Монкада в это время должен был более активно формировать части национальной гвардии, призванные заменить оккупантов в борьбе с сандинистами³²⁶. Президент ответил, что готов держать в стране морских пехотинцев столько человек и столь долго, сколько пожелают США. В то же время он хотел образовать отряды «тщательно отобранных» добровольцев, численностью не более

³²² Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 72–74.

³²³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 77.

³²⁴ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 75.

³²⁵ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 141.

³²⁶ FRUS, 1929 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1929v03/reference/frus.frus1929v03.i0019.pdf>).

500 человек, чтобы помочь морской пехоте в боях против Сандино. Для того чтобы сделать национальную гвардию эффективной боевой единицей, по мнению Монкады, требовалось не менее двух лет, и в течение этого срока американская морская пехота должна была оставаться в стране.

К сентябрю 1929 года численность национальной гвардии составляла 1846 человек.

Монкада действительно сформировал из бывших либералов две колонны вспомогательных добровольческих войск и направил их в зону действия партизан. Многие, в том числе и сами американцы, ошибочно расценили это как проявление самостоятельности нового президента, который хотел обойтись в умиротворении Никарагуа без иностранных войск. Правда, в оперативном отношении добровольцы все равно подчинялись американским офицерам на местах.

По инициативе Монкады в охваченных партизанским движением районах Никарагуа было объявлено осадное положение. Американцы прекрасно понимали, что это означает на практике усиление репрессий против мирного населения, поэтому оговорили за собой право не участвовать в проведении в жизнь основных положений режима (США заботились о своей и так уже изрядно подмоченной событиями в Никарагуа репутации). Например, американцы решили передавать всех пленных национальной гвардии, прекрасно понимая, что их ждет не только верная, но и мучительная смерть.

И до введения осадного положения национальные гвардейцы прославились своими расправами над мирным населением. Пленным часто отрубали руки, чтобы они больше не могли взять в них оружие. У национальной гвардии даже сформировался набор излюбленных «спортивных» казней. Например, «корте де кумбре» («отрезание вершка» по-испански) – жертву привязывали к дереву и сильным ударом мачете отрубали верхнюю часть черепа, одновременно развязывая веревки, чтобы труп упал на землю. Или «корте де чалеко» («разрезание жилета») – у пленного отрубали руки и ноги, а затем вспарывали живот. Еще был «корте де блумер» – отрезали руки и ноги и оставляли человека истекать кровью.

После введения осадного положения репрессии приняли уже легальный характер. Американцы лицемерно обещали содействовать ограничению «эксцессов» национальной гвардии, но в действительности и сами не брезговали никакими зверствами.

Весь корпус морской пехоты США был заражен расистскими предрассудками в отношении никарагуанцев, которых считали грязными, расово неполноценными, дикими и не поддающимися влиянию цивилизации. Поэтому и обращаться с такими людьми следовало как с животными – без всякого сочувствия.

Например, один американский морской пехотинец (никарагуанцы дали ему презрительную кличку Фелипон) услышал в городе Сан-Рафаэль-дель-Норте, как идущая по улице женщина позвала своего маленького сына: «Идем, Аугусто!» Упоминания ненавистного американцу имени оказалось вполне достаточным для того, чтобы морпех вырвал ребенка у матери и бросил его в реку. Когда обезумевшая от горя мать кинулась спасать ребенка, ее арестовали за нарушение «общественного спокойствия».

В городке Ла-Пинтада Фелипон вместе с другими морскими пехотинцами обыскивал дом. Оттуда выбежал и бросился наутек 12-летний мальчик. Фелипон выстрелил ему в спину, потом подошел к раненому, ножом вспорол ему грудь, достал сердце и бросил своей собаке.

Лейтенант Макдональд привязал к двери дома пожилую женщину и поджег дом. Сгорела вся семья. Лейтенант Ли (которого прозвали Мясником) выхватил у крестьянина пятимесячного ребенка, подбросил его вверх и «поймал» на штык. Он же отобрал у одной никарагуанки двухмесячную девочку, взял за ножки и разорвал пополам³²⁷.

³²⁷ Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 100.

Лейтенант Стюарт расстрелял пленного партизана из пулемета, потом отрезал у трупа уши и привязал их к своему боевому коню в виде «трофея».

Один солдат шел по улице Манагуа, когда пятилетний мальчик неосторожно уронил рядом в лужу мяч и забрызгал американцу брюки. Тот достал пистолет и хладнокровно расстрелял «хулигана».

Зверства морской пехоты и национальной гвардии только усиливали симпатию людей к Сандино, но к началу 1929 года население Сеговии устало воевать. Все надеялись на скорый вывод американских войск после выборов.

В марте – апреле 1929 года большая часть армии Сандино разошлась по домам. В апреле американская разведка констатировала, что как «национальный герой Латинской Америки» Сандино «кончился»³²⁸.

В мае Сандино получил ответ от Портеса Хилья. Мексиканский президент писал, что с удовольствием предоставит Сандино убежище и даже возьмет на себя расходы по его проживанию в Мексике.

Следует отметить, что, несмотря на активное давление США, правительство Мексики отказалось признать Монкаду легитимным президентом Никарагуа. В январе 1929 года в ответ на соответствующий запрос американского посла в Мексике Морроу министр иностранных дел Эстрада сказал, что Мексика не может признать режим, чей суверенитет ограничен присутствием иностранных войск³²⁹. Портес Хиль придерживался той же точки зрения. Он предложил Морроу на миг представить себе, что иностранные войска находятся не в Никарагуа, а в США: «Что Вы тогда скажете, мистер Морроу?»

В первых числах июня 1929 года Сандино вместе со своими помощниками переплыл пограничную с Гондурасом реку Гуайапе. В столице Гондураса Сандино остановился в мексиканском посольстве. Оттуда на предоставленном правительством Гондураса специальном поезде группа выехала в Сальвадор. На границе Сандино встречал сальвадорский военный министр и несколько высших военных чиновников. Один из них, начальник канцелярии военного министерства Монтальво поздоровался с Сандино и заявил, что не будет больше мыть свою руку³³⁰. Из Сальвадора на машине Сандино направился в Гватемалу, где на границе его встречал президент этой страны генерал Ласаро Чакон.

Следует отметить, что и в Гондурасе, и в Сальвадоре, и в Гватемале Сандино приветствовали многотысячные демонстрации.

28 июня 1929 года Сандино прибыл в мексиканский порт Веракрус, где его приветствовал командующий местным военным округом генерал Мигель Акоста.

Однако, хотя Портес Хиль и подавляющая часть мексиканцев искренне восхищались Сандино, Мексика все же не желала портить из-за него с таким трудом налаженные после конфликта 1925-1927 годов отношения с США. Поэтому Сандино не рекомендовали приезжать в Мехико и отвели для проживания город Мериду на отдаленном Юкатане. Не собиралась Мексика и оказывать Сандино помощь деньгами или оружием на официальном уровне.

На самом деле, перед тем как дать Сандино согласие на проезд в Мексику, Портес Хиль запросил мнение на сей счет Морроу и госсекретаря Келлога. Ни тот ни другой не возражали, так как считали, что отъезд Сандино из Никарагуа приведет к краху партизанского движения. Однако американцы поставили Портесу Хилью несколько условий:

- Сандино не должен продолжать с территории Мексики борьбу против США;
- он не должен посещать Мехико;

³²⁸ *De La Pedraja Toman R.* Wars of Latin America 1899-1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 317.

³²⁹ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 179.

³³⁰ *Гонионский С. А.* Сандино. М., 1965. С. 81.

– его резиденцией должен стать «отдаленный штат»³³¹.

Портес Хиль выполнил все эти условия. Ничего более отдаленного, чем Юкатан, в Мексике в то время не было. Между этим штатом и остальной территорией страны тогда не существовало никаких шоссе или железных дорог. Из центральной части Мексики туда можно было добраться только морем или на самолете. Юкатан издавна использовался как место для каторги уголовников и политических заключенных.

Американцы были даже довольны, что Сандино находился именно в Мексике, а не в центральноамериканских республиках, где за ним было бы труднее следить и откуда он мог быстро вернуться на родину.

Сандино приехал в Мексику в надежде на военную и финансовую помощь и был разочарован холодным приемом со стороны правительства. Первоначально он хотел пробыть в стране всего несколько недель, но поиск помощи оказался делом непростым. 4 августа 1929 года Сандино писал Густаво Алеману Боляньосу: «Мне представляется весьма сомнительным, что в Мексике удастся приобрести снаряжение для продолжения нашей освободительной борьбы. Но я постараюсь добыть здесь финансовые средства, чтобы приобрести в других местах необходимое оружие и боеприпасы». Вскоре Сандино пожаловался Боляньосу, что «до сих пор не смог добыть ни полсентаво, ни одного пистолетного патрона для дела освобождения Никарагуа»³³².

Сандино одержал в Мексике только одну пропагандистскую победу. Он передал захваченное у американцев знамя (посол Морроу требовал его выдачи США, но безуспешно) со своей подписью мексиканскому делегату Асурбиде, который привез его через США, обернув вокруг тела, во Франкфурт-на-Майне, где проходил второй Международный конгресс Лиги борьбы с империализмом и колониальным угнетением. Мексиканец развернул знамя, и зал разразился здравицами в честь Сандино. Потом делегаты в единодушном порыве запели «Интернационал».

В Мериде у Сандино было много свободного времени, большую часть которого он посвящал книгам. Вел генерал и жаркие дискуссии со своим секретарем сальвадорцем Хосе Августинем Фарабундо Марти, который присоединился к сандинистам в 1928 году. Фарабундо Марти был убежденным коммунистом и старался доказать Сандино, что для возрождения борьбы ей надо придать социальный характер.

Однако Сандино говорил испанскому писателю Рамону Белаустегигойти: «Неоднократно пытались превратить это движение в защиту национальной независимости в борьбу социального характера. Я всячески противился этому... Я не желаю воевать, за исключением случаев крайней необходимости, как, например, интервенция... Я не хочу воевать с моими братьями»³³³.

Сандино говорил Фарабундо Марти, что коммунизм советского образца «подавляет свободу» (мнение, широко распространенное тогда среди мексиканских анархо-сидикалистов, которые считали себя, в отличие от СССР, «либертарными», то есть свободными коммунистами). Но представляется, что осторожность Сандино в отношении коммунистов объяснялась чисто тактическими моментами. В мае 1929 года правительство Мексики запретило компартию, а в феврале 1930-го под надуманным предлогом (явно желая угодить США) разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Мексиканцев якобы обидело осуждение Коминтерна и советской печатью репрессий против мексиканских коммунистов, многие из которых были безвинно расстреляны или посажены в тюрьмы.

³³¹ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 179.

³³² Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 83.

³³³ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 221.

Все еще надеясь на помощь мексиканского правительства, Сандино не мог поддерживать контакты с запрещенной компартией Мексики. Поэтому он отверг предложение коммунистов временно уехать в Европу на деньги партии.

В Мериде Сандино вступил в странную, но очень модную тогда организацию – Магнетическо-спиритуалистскую школу всемирной коммуны. Ее основал в 1911 году в Аргентине баск Хоакин Тринкадо, по профессии электрик. Учение школы причудливо сочетало в себе анархо-коммунизм с зороастризмом, каббалой и спиритическими сеансами. Учение Тринкадо отвергало и капитализм, и коммунизм советского образца и стремилось к борьбе за некие расплывчатые идеалы «добра и света». Сандино явно привлекали в этой политической секте ее показной интеллектуализм, новизна подходов и оригинальность формы. Секта не брезговала и модным в то время в Латинской Америке национализмом, утверждая, что будущая всемирная коммуна будет основана на «индейско-испанской расе» и говорить весь мир тоже будет по-испански.

Сандино настолько проникся идеями «мировой коммуны», что сделал лидера организации Тринкадо своим официальным представителем в Мексике и заменил печать своей армии на печать секты. Возможно, он хотел использовать связи организации среди интеллигенции Латинской Америки, чтобы активизировать сбор средств на продолжение борьбы.

В феврале 1931 года Сандино выпустил «Манифест света и истины». В нем говорилось о грядущем пришествии Страшного суда, который приведет «к разрушению всей несправедливости на Земле и господству духа Света и Истины, то есть Любви». Никарагуа избрана для того, чтобы сыграть в борьбе против вселенской несправедливости главную роль, а армия Сандино будет инструментом божественной справедливости. «Нам выпала честь, братья, – мы в Никарагуа избраны Божественной Справедливостью, чтобы начать карать несправедливость на Земле».

Связь Сандино с группой Тринкадо привела к его размолвке с Фарабундо Марти в 1931 году. Последний писал по этому поводу: «Мой разрыв с Сандино не был следствием, как иногда утверждают, различного понимания моральных принципов... Я отказался снова сопровождать его в Сеговию только потому, что он не захотел принять коммунистическую программу, которую я отстаивал. Его знаменем было только завоевание независимости, свободы. Он не ставил перед собой целей социальной революции. Я утверждаю это потому, что генералу Сандино приписывали коммунистические идеи»³³⁴.

Сальвадорец вернулся на родину, возглавил восстание против жестокого диктаторского режима (который зверски убил более 30 тысяч мирных крестьян), был схвачен и 1 февраля 1932 года расстрелян³³⁵. Аугусто Сесару Сандино было 35 лет. Перед казнью он промолвил: «В двух шагах от могилы я торжественно клянусь, что генерал Сандино самый великий патриот вселенной»³³⁶.

Представляется, что политические убеждения Сандино были левыми и весьма близкими к коммунистическим. Об этом говорит его ненависть к капиталистам, которую генерал выражал и в манифестах, и путем экспроприаций имущества богачей для нужд армии. Он говорил и о том, что сельское хозяйство должно быть организовано на кооперативных началах. Например, Сандино утверждал: «Я скорее являюсь сторонником государственной собственности на землю»³³⁷.

³³⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 221–222.

³³⁵ Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти является ведущей политической партией современного Сальвадора.

³³⁶ *Гонионский С. А.* Сандино. М., 1965. С. 86.

³³⁷ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 223.

Сам жизненный путь Сандино толкал его на борьбу за социальную справедливость. Но генерал был, прежде всего, прекрасным тактиком – он понимал, что открытое провозглашение коммунистической или социалистической программы даст в руки американцев мощное пропагандистское оружие, и его сразу начнут представлять марионеткой Москвы и Коминтерна. Коммунизм, о котором большинство никарагуанцев не имели никакого представления, в то время мог только оттолкнуть от сандинистов широкие массы. И Сандино это прекрасно знал.

В Мериде он все же тяготился вынужденным бездельем. На свой страх и риск Сандино отправился на самолете в Мехико на встречу с Портесом Хилем. Тот между тем предложил Монкаде в обмен на вывод американских войск из Никарагуа гарантию Мексики, что Сандино не будет причинять ему вреда с мексиканской территории³³⁸. Монкада отказался.

6 сентября 1929 года Сандино, который внимательно следил за событиями на родине, обратился к никарагуанскому народу с манифестом: «Не падайте духом! Мой временный отъезд из Сеговии пойдет на пользу делу освобождения Никарагуа. В самый неожиданный для вас момент я окажусь рядом с вами»³³⁹.

На момент встречи с Сандино в январе 1930 года Портес Хиль уже уходил с должности, так как 17 ноября 1929 года новым президентом Мексики был избран более проамерикански настроенный консервативный политик Ортис Рубио. В кабинете нового президента Портес Хиль должен был занять пост министра внутренних дел. Сандино опасался, что Ортис Рубио может арестовать его и выдать либо Монкаде, либо американцам. Никакой помощи от нового президента тем более ожидать не приходилось. Генерал решил, что пора возвращаться на родину.

Американцы через посредников предлагали Сандино крупную сумму денег, чтобы он купил в Мексике ферму и занялся сельским хозяйством, но генерал решительно отказался даже обсуждать такую возможность.

4 декабря 1929 года Сандино написал Портесу Хилю письмо с просьбой разрешить ему отъезд на родину. «До настоящего момента, сеньор президент, надежды, которые я возлагал на поездку в Мексику, не осуществились ни в малейшей степени. Меня стали одолевать тревожные мысли, когда я понял, что мне просто отказывают во встрече с Вами. Я не знаю, как бы отреагировали Соединенные Штаты на мою встречу с Вами и к каким последствиям для Мексики она бы привела, но я твердо знаю, что Мексика не вечно будет терпеть наглые притязания США, особенно если учесть, что долг Мексики – не позволить американским пиратам поработить Центральную Америку»³⁴⁰.

Через два дня после вступления Ортиса Рубио на пост президента был арестован брат Сандино Сократес, который тоже находился в Мексике. Портес Хиль в разговоре с Сандино еще раз подчеркнул, что всегда восхищался генералом, обещал освободить Сократеса и не чинить Сандино никаких препятствий для отъезда из Мексики. Экс-президент даже сказал американскому журналисту Вальдо Фрэнку, что считает Сандино патриотом, и разрешил это опубликовать. Портес Хиль явно использовал громадную популярность Сандино для наращивания собственной политической базы.

Однако Сандино постоянно чувствовал за собой наблюдение мексиканской полиции. Сделав вид, что вместе с друзьями хочет купить ферму недалеко от Мериды, он перешел на нелегальное положение.

³³⁸ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876-1930. University of Alabama Press, 1996. P. 179.

³³⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 88.

³⁴⁰ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 88.

Затем Сандино инкогнито выехал из Веракруса и 1 мая 1930 года прибыл в Гватемалу под именем сальвадорского коммерсанта Кресенсио Рендона. 5 мая генерал после одиннадцатимесячного отсутствия вновь вступил на землю родины.

К этому времени американцы обучили уже достаточно национальных гвардейцев (включая офицеров – срок подготовки на офицерских курсах был сокращен до шести месяцев) для того, чтобы поручать им самостоятельные операции против партизан. Тем более что партизаны крайне нуждались не только в оружии и продовольствии, но даже в одежде и обуви.

В июне 1929 года американцы рекомендовали Монкаде распустить по домам своих добровольцев, так как консерваторы опасались, что он хочет превратить эти отряды в лояльную только себе вооруженную силу. За полгода существования добровольческие отряды приняли участие в рейдах по Сеговии совместно с морской пехотой, но реально участвовать в боях им не довелось.

Национальная гвардия пока была тоже не очень надежна, поэтому ей командовали американские офицеры. 6 октября 1929 года фактически восстало подразделение гвардии в Тельпанеке, инсценировав нападение партизан и убив своего командира – американского лейтенанта Троглера. Когда на смену Троглеру прибыл новый командир, второй лейтенант Раймс, 21 октября восстание приняло уже открытый характер. Двух американских офицеров арестовали (им с трудом удалось бежать), а все подразделение гвардии направилось в Гондурас.

В марте – декабре 1929 года национальная гвардия участвовала в 22 боях против партизан, потеряв одного человека убитым и трех ранеными. По оценкам гвардейцев (явно завышенным), были убиты 35 партизан, шесть – захвачено в плен.

Американцы пытались поднять авторитет национальной гвардии и «социально ориентированными» методами. Например, в департаменте Нуэво-Сеговия было развернуто строительство дорог для повышения мобильности карательных частей. Населению же это преподносили как возможность заработать. США вложили в проект 150 тысяч долларов и платили местным жителям за тяжелую работу по 50 центов в день. По данным морской пехоты, вышли из лесов и втянулись в строительство 125 партизан.

В декабре 1929-го в Никарагуа прибыл новый американский посланник Мэтью Ханна, который закончил военную академию в Вест-Пойнте, участвовал в испано-американской войне 1898 года, был военным атташе на Кубе (1902-1904 годы) и специальным представителем США в Панаме (1907-1910). В 1925 году в Берлине он женился на баронессе Густаве Рейнбабен, которая была моложе его более чем на 20 лет. Красавица жена, имевшая на мужа огромное влияние, любила светскую жизнь, танцы, балы и приемы. Там она и познакомилась с таким же любителем хорошо пожить – заместителем министра иностранных дел Никарагуа Анастасио Сомосой. Поговаривали, что Сомоса стал любовником жены посланника, и она активно способствовала его карьере.

Возвращение Сандино в Никарагуа сразу оживило затухшую, казалось, партизанскую войну. Но еще до этого, с начала 1930 года, «бандиты», по оценкам американцев, воспрянули духом. В феврале американские патрули сразу из нескольких городов были посланы в населенный пункт Силенсио, где были замечены партизаны. Весь март американцы и национальные гвардейцы охотились в лесах за сандинистами, но несмотря на мелкие стычки, так и не смогли обнаружить главные силы противника.

Между тем либералы и Монкада, похоже, не очень доверяли находившейся под командованием американцев национальной гвардии. В апреле 1930-го никарагуанский конгресс урезал до 760 тысяч долларов³⁴¹ годовой бюджет гвардии, что означало ее сокращение до

³⁴¹ Бюджет Никарагуа составлялся в национальной валюте – кордобах, но одна кордоба была равна одному доллару

1500 человек. Американцы были этим обеспокоены, и Ханне поручили потребовать от Монкады приостановить вступление закона о бюджете в силу. Госсекретарь США считал, что нельзя содержать в Никарагуа «эффективные полицейские силы» на сумму менее миллиона долларов в год. Правда, Монкада считал, что в целях экономии надо сократить непомерно высокие зарплаты именно американским офицерам, которые служили в гвардии. Президент Никарагуа говорил, что его правительство находится в тяжелейшем финансовом положении ввиду мирового экономического кризиса и вынуждено сократить жалование госслужащим на 20 %. Но американцы не хотели экономии за счет гвардии, и под их давлением были сокращены расходы на народное образование Никарагуа в бюджете на 1931 год: с 600 тысяч до 51 тысячи долларов.

Монкада предлагал изменить американско-никарагуанское соглашение 1927 года об учреждении национальной гвардии, добавив туда, например, пункт о том, что гвардия подчиняется только президенту Никарагуа.

С этим американцы не согласились, равно как и с тем, чтобы гвардия получала приказы от никарагуанских чиновников на местах.

18 июня 1930 года отряд из 150 партизан занял высоту Эль-Сарагуаска к северу от Хинотеги. Следующим утром сандинистов атаковали морские пехотинцы и национальные гвардейцы. Ожесточенный бой длился почти целый день. Американцам пришлось вызвать авиацию, так как их атаки были отбиты. Шесть самолетов непрерывно бомбили позиции сандинистов. Осколком бомбы, сброшенной с самолета, был ранен Сандино. Но, по собственным словам, он не придавал этому значения и «оставался на посту»³⁴².

Не в силах совладать с партизанами, морская пехота США приступила с мая 1930 года к так называемой политике реконцентрации мирного населения в Сеговии. С согласия Монкады всем жителям в районе Окоталья было предписано покинуть свои деревни и прибыть в специальные лагеря под охрану морских пехотинцев и национальных гвардейцев. Задачей такой варварской политики, предвосхитившей массовые депортации нацистов, было лишить партизан еды и иной поддержки местного населения. Любого жителя, найденного вне лагерей после 1 июня, рассматривали как «бандита». Но «реконцентрация» вызвала такое недовольство в стране, что уже в июле от нее без лишнего шума отказались.

После сражения у Эль-Сарагуаски сандинисты отступили в район реки Коко, где их тревожили американские карательные экспедиции и самолеты.

В мае же американцы назначили капитана морской пехоты Уилкинсона Джонсона новым главой центральной избирательной комиссии Никарагуа на парламентских выборах 1930 года. Одновременно госдепартамент предписал Монкаде внести изменения в избирательное законодательство³⁴³.

Джонсон (получивший дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника) сообщал в Вашингтон в августе 1930 года, что для свободных выборов требуется прекратить практику арестов и запугивания по политическим мотивам и гарантировать свободу печати³⁴⁴. Монкада обещал Джонсону издать указ об амнистии, но отказался разрешить американцу расследовать предыдущие случаи арестов по политическим мотивам. Джонсону даже пришлось позднее издать официальное заявление с протестом против помех, которые Монкада чинил кандидатам консервативной партии.

С учетом сложной ситуации в стране Джонсон попросил для охраны избирательных участков дополнительно 800 морских пехотинцев и национальных гвардейцев. Ханна сооб-

США.

³⁴² Гонионски С. А. Сандино. М., 1965. С. 93.

³⁴³ FRUS, 1930 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1930v03/reference/frus.frus1930v03.i0023.pdf>).

³⁴⁴ FRUS, 1930 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1930v03/reference/frus.frus1930v03.i0023.pdf>).

щал в Вашингтон, что присутствие на избирательных участках морской пехоты США произведет на никарагуанцев самое неблагоприятное впечатление, поэтому лучше активнее привлекать национальную гвардию, которая, по оценке американского посланника, «одерживает верх над бандитами».

9 сентября 1930 года Сандино опять был ранен и на время прекратил личное участие в боевых операциях. 16 октября генерал издал приказ о принудительной реквизиции у частных лиц соли и медикаментов, которых очень не хватало партизанам. Естественно, американцы и Монкада вновь окрестили Сандино «бандитом». Сандино так аргументировал свою политику: «Неужели же люди, боровшиеся за освобождение родины, должны ходить в лохмотьях?.. История нас рассудит, и тогда будет ясно, кто виноват, — мы или эти богачи, собственность которых мы реквизируем и на которых лежит главная и непосредственная вина за все то, что произошло в Никарагуа; ведь это именно они, богачи, призвали на нашу землю американских наемников»³⁴⁵.

У партизан было плохо и с едой. Часто они питались только бананами и сладкой кашей из сахарного тростника.

Парламентские выборы 2 ноября 1930 года прошли, по оценкам американцев, «спокойно» и закончились очередной победой либералов: консерваторы потеряли три места в сенате и девять — в нижней палате конгресса.

7 ноября 1930 года госсекретарь США направил Монкаде личное послание, в котором еще раз предостерегал против сокращения национальной гвардии. Это якобы не позволяли сделать «сложная ситуация и бандитизм» в граничащих с Гондурасом департаментах Нуэво-Сеговия, Хинотега и Эстели³⁴⁶.

Действительно, под новый, 1931 год, Сандино опять преподнес американцам неприятный сюрприз. 10 декабря партизаны напали на 10 морских пехотинцев, чинивших оборванную телефонную линию в районе Окоталья. Восемь американцев были убиты, двум другим, несмотря на полученные ранения, удалось скрыться. Американцы в отместку согнали 1200 местных жителей в концентрационный лагерь в городе Яли, что только увеличило приток пополнения к сандинистам³⁴⁷.

17 января 1931 года сандинисты атаковали город Сомото в департаменте Нуэво-Сеговия.

Госсекретарь США Стимсон (тот самый, который добился заключения соглашения в Типитапе в 1927 году) поставил вопрос о выводе американских войск в течение двух лет и передаче всех функций оккупантов национальной гвардии. Для этого гвардию надо было увеличить еще на 500 человек и освободить от местных задач по поддержанию порядка.

19 февраля 1931-го Стимсон публично заявил, что американские войска покинут Никарагуа, как только присягу принесет следующий избранный никарагуанский президент.

К этому заявлению Стимсона побудила, в числе прочего, жесткая критика политики в отношении Никарагуа в конгрессе США, причем в этом вопросе объединились и республиканцы, и демократы. В США тоже бушевал мировой экономический кризис, а содержание американской морской пехоты в Никарагуа, на Гаити и в Доминиканской республике обходилось в 8,9 млн долларов в год — больше, чем содержание такого же количества морских пехотинцев в США.

В апреле 1931 года Стимсон писал американскому посланнику в Манагуа: «Правительство США не может осуществлять общую охрану по всей стране при помощи американских войск. Это приведет к трудностям и обязательствам, которые правительство США

³⁴⁵ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 94.

³⁴⁶ FRUS, 1930 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1930v03/reference/frus.frus1930v03.i0023.pdf>).

³⁴⁷ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982. С. 309.

не предполагает принимать. Те, кто желает оставаться здесь (имелись в виду американские инструкторы в национальной гвардии – прим. автора), пусть делают это на собственный страх и риск»³⁴⁸.

31 марта 1931 года в 10. часов 19 минут утра в Никарагуа разразилось страшное землетрясение. Примечательно, что подземные толчки и пожары в Манагуа многие жители столицы сначала приняли за американские бомбардировки. Американские солдаты немедленно занялись в столице мародерством, и командующему национальной гвардией, американскому же генералу Кальвину Мэтьюсу пришлось ввести осадное положение. Разрушения в столице были огромными, если учесть, что большинство домов в то время были деревянными шаткими постройками бедняков. Погибли около двух тысяч человек. Половину жителей Манагуа пришлось эвакуировать в другие места.

Чтобы подправить изрядно подмоченный имидж США в Никарагуа, американцы (в том числе и военной авиацией) стали доставлять в страну гуманитарную помощь.

Сандино воспринял ужасное землетрясение как наказание свыше для американцев и их пособников. В циркулярном письме по своей армии от 10 апреля он писал: «Дорогие братья! Близится час расплаты. 31 марта текущего года землетрясение разрушило половину Манагуа; среди прочего была уничтожена посадочная площадка со значительным количеством самолетов и взрывчатых веществ, принадлежащих противнику. Сейчас, когда само провидение наказывает противника, мы со своей стороны должны повсеместно помочь ему. Наш долг – сеять ужас в стране врага...»³⁴⁹

Сандино решил ударить американцев по их самому больному месту – по кошельку, а именно – по американским инвестициям в Никарагуа.

Двумя колоннами в апреле 1931 года сандинисты отправились к атлантическому побережью вниз по течению реки Коко и по другим рекам. Вся операция была тщательно спланирована лично Сандино.

13 апреля американский консул из Блуфилдса сообщил, что утром 11 апреля 75 хорошо вооруженных партизан под командованием генерала Бландона неожиданно появились в 60 милях от Пуэрто-Кабесаса в местечке Логтаун, от которого до Пуэрто-Кабесаса была проложена железная дорога. В тот же день в бою был убит командующий национальной гвардии Пуэрто-Кабесаса американский капитан Мэрфи, который с отрядом национальной гвардии самонадеянно отправился в Логтаун, чтобы выбить оттуда сандинистов.

Впервые за всю войну партизаны осадили крупный никарагуанский город и важнейший порт – Пуэрто-Кабесас. Его падение лишило бы правительство в Манагуа таможенных пошлин – главного источника бюджетных поступлений. В окрестностях порта произошло четыре кровопролитных боя, но сандинистам для решительного штурма не хватало артиллерии, тем более что на помощь гарнизону Пуэрто-Кабесаса пришли самолеты с американских кораблей. По данным штаб-квартиры Сандино, были уничтожены 11 американцев и 15 национальных гвардейцев. Пришлось срочно перебрасывать национальную гвардию из Блуфилдса, который остался вообще без гарнизона.

Сами американцы признавали, что за 48 часов 12-14 апреля были убиты четыре американца и три пропали без вести³⁵⁰. Это были очень большие потери, если учесть предыдущий ход боев против Сандино. Ведь это была необычная засада – на сей раз партизаны наступали. Сандинисты продвинулись на расстояние 13 километров до Пуэрто-Кабесаса, что вызвало панику в Вашингтоне и лично у госсекретаря Стимсона. Госсекретарь даже предложил американцам в городе на всякий случай подняться на борт кораблей ВМФ США. Стимсон воз-

³⁴⁸ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918-1928. М., 1982. С. 309.

³⁴⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 101–102.

³⁵⁰ FRUS, 1931 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1931v02/reference/frus.frus1931v02.i0028.pdf>).

мущался, что национальная гвардия в Сеговии позволила четырем крупным отрядам партизан незамеченными выйти в район атлантического побережья, и признал, что партизанское командование «эффективно» спланировало синхронную операцию сразу в нескольких районах страны. Госсекретарь США выражал возмущение тем, что уже на протяжении трех лет американцы тренируют национальную гвардию и создали в ней разведку, но она до сих пор не может наладить сбор сведений о повстанцах. «История учит», наставлял посланника в Никарагуа Стимсон, что при партизанской войне сбор разведанных является основным фактором. А гвардия и морская пехота постоянно попадают в засады, ничего не зная о противнике.

Стимсон никак не хотел понять, что сила разведки сандинистов и, соответственно, слабость разведки гвардии состоит в различном отношении населения к противоборствующим сторонам.

Однако через два дня американская авиация локализовала колонну сандинистов (150 человек), и в бою погиб ее командир Педро Бландон. Сандино сообщал в циркулярном письме командирам своих отрядов: «Смерть генерала Бландона явилась страшным ударом для наших войск, но никто не пал духом, наоборот, наши силы продвинулись в направлении Кабо-де-Грасиас, где захватили порт и разрушили радиостанцию. Через несколько часов Кабо был подвергнут бомбардировке с военных самолетов противника, но все обошлось без потерь с нашей стороны»³⁵¹.

Партизаны внезапно появились в городе Кабо-Грасиас-а-Диос и разгромили там фактории американских компаний³⁵².

В частности, сандинисты уничтожили американское предприятие по заготовке древесины компании «Брагмэн блэф». Снова досталось приискам компании «Ла Лус и Лос Анхелес». Взорвав шахту, партизаны взяли с собой в качестве заложника ее управляющего американца Маршалла, который по дороге умер от тропической лихорадки. В ответ на это президент США Гувер объявил Сандино вне закона³⁵³.

Стимсон лично интересовался боевыми действиями в районе Пуэрто-Кабесаса, постоянно выражая свое беспокойство. Американцам пришлось 15-23 апреля высадить в районе Пуэрто-Кабесас новые контингенты морской пехоты. Они были вынуждены и перебрасывать национальных гвардейцев самолетами из Манагуа. Пока национальная гвардия явно еще не могла воевать с партизанами без помощи США.

Рейд частей Сандино в Москитию возымел свое действие. Американский бизнес в Никарагуа стал сильнее настаивать на выводе американских войск как гарантии продолжения своего существования в стране. Кофейный плантатор Хаукинс с запада Никарагуа жаловался в письме госсекретарю Стимсону: «...сегодня нас ненавидят и презирают... Это следствие того, что американская морская пехота используется для того, чтобы охотиться за никарагуанцами и убивать их в их собственной стране. Это была роковая ошибка. Интервенция... оказалась катастрофой для американских плантаторов кофе в этой республике»³⁵⁴.

Стимсон же дал Ханне указание ввиду «вспышки бандитизма в доселе свободных от него районах» Никарагуа передать американским гражданам, что правительство США не сможет их эффективно защитить³⁵⁵.

А партизаны продолжали наносить мощные удары. 12 мая 1931 года большая колонна сандинистов (150 человек) во главе с генералом Педро Альтамирано появилась на руднике

³⁵¹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 104.

³⁵² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 96.

³⁵³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 97.

³⁵⁴ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918-1928. М., 1982. С. 310.

³⁵⁵ FRUS, 1931 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1931v02/reference/frus.frus1931v02.i0028.pdf>).

«Нептун». Очевидцы отмечали, что партизаны одеты как оборванцы, но прекрасно вооружены и хорошо дисциплинированы. 15 мая сандинисты пошли обратно, вглубь страны, взяв с собой золото, динамит и двух присоединившихся к ним добровольцев.

Новой тактикой армии Сандино было нанесение одновременных ударов в разных районах страны, с тем чтобы не допустить концентрации сил оккупантов и национальной гвардии на одном театре военных действий.

К июлю 1931 года силы Сандино были разделены на восемь самостоятельных колонн, которые действовали в отведенных им районах, причем уже не только в Сеговии и на атлантическом побережье. На тихоокеанском побережье в районе департаментов Леон и Чинандега оперировала 5-я колонна под командованием генерала Хосе Диаса.

Американцы (чьи силы к этому времени сократились до одного батальона) держались только благодаря активному применению авиации и отсутствию у сандинистов тяжелого вооружения. 23 июля американская авиация обнаружила лагерь партизан в районе местечка Саклин и начала его бомбить. Но в ответ последовал слаженный ружейно-пулеметный огонь, и один самолет насчитал 16 попаданий. Пилотам пришлось совершить аварийную посадку и уничтожить самолет, чтобы он не достался сандинистам. Пройдя 40 миль по бездорожью и перейдя пять рек, американцы с трудом добрались до Пуэрто-Кабесаса.

28 июля 1931 года Сандино выпустил манифест, свидетельствовавший о готовности его армии перейти в генеральное наступление на крупные города: «Всем известно, что наша армия сражается с армией, вооруженной самым современным оружием... Несмотря на это, мы контролируем в настоящее время сельские районы восьми департаментов Никарагуа, и если мы еще не захватили крупные города, то только потому, что это не входит пока в наши планы. Наша тактика заключается сейчас в блокаде укрепленных поселков и городов в тех департаментах, в которых действует наша Армия. Враг попытался организовать нехватку продовольствия в Лас-Сеговиас, но ему удалось это лишь в отношении тех поселков и городов, в которых укрылись наемники (так Сандино называл национальных гвардейцев – прим. автора). В сельской местности нет голода, и наша армия располагает всем необходимым... Я ничем не отличаюсь от рядового солдата любой армии мира. У меня нет громоподобного голоса или сверхъестественной силы, и, тем не менее, мы – выполняя наш гражданский долг – имели удовольствие видеть под нашими деревьями множество командиров и офицеров высокомерной армии Соединенных Штатов Северной Америки, которые, стремясь уничтожить нас, сами были уничтожены. И я счастлив потому что выполняю свой долг. Моя совесть спокойна»³⁵⁶.

Американцы назначили за голову Сандино награду 100 тысяч долларов³⁵⁷ – больше, чем Никарагуа тратила в год на образование. Эти же деньги обещали выплатить самому Сандино, если он пожелает сдаться. Но такие меры только вели к росту престижа «генерала свободных людей». В 1931 году симпатии в сандинистам стали распространяться уже и в городах. Например, в школах дети отказывались учить английский язык. В Манагуа во время парада американских войск детям велели петь гимн США, но они отказались и вместо этого несколько раз прокричали «Смерть предателям!».

В ноябре – декабре 1931 года основные удары сандинисты нанесли уже в западной части Никарагуа – сердце страны. Характерно, что в связи с этим Сандино обратился 15 ноября к капиталистам Хинотеги, Матагальпы, Эстели и Окоталья: «Я имею сведения, что в Хинотеге создается так называемое торговое объединение, которое по замыслу капиталистов заслуживает большой поддержки со стороны марионеточного правительства и интервентов, действующих в Никарагуа. Но пока в Никарагуа не прекращена иностранная интер-

³⁵⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 108–110.

³⁵⁷ Гонионски С. А. Сандино, М., 1965. С. 99.

венция, не может быть и речи о каких-либо особых гарантиях в отношении интересов капиталистов... Лица, которые внесены в список нашим главным командованием, должны уплатить положенную им контрибуцию. В противном случае они будут нести ответственность»³⁵⁸.

Интересно, что на волне успехов партизан 1931 года в манифестах и заявлениях Сандино и его главного штаба все больше и больше звучали антикапиталистические мотивы. Сообщали, что в лагерях партизан часто поют «Интернационал». Сомоса позднее писал о «коммунистических идеях» Сандино и приводил в качестве примера письмо генерала Болањосу от 9 августа 1931 года. В нем Сандино писал: «Хочу подчеркнуть, что наша Армия ожидает новой расстановки сил в мире, которая приближается, для того, чтобы начать реализовывать свой гуманитарный план в интересах мирового пролетариата»³⁵⁹.

Эта риторика практически буквально повторяет распространенный в то время главный тезис Коминтерна о мировом кризисе и грядущем крахе капиталистической системы. Видимо, поворот от национальной к социальной борьбе объяснялся тем, что вывод американских войск был уже не за горами и Сандино мог сосредоточиться на проблемах социального и политического развития Никарагуа.

На 1932 год в Никарагуа были намечены очередные президентские выборы, и на сей раз Сандино был преисполнен решимости сорвать их проведение по всей стране, а не только в Сеговии, как в 1928-м. Американцы решили сделать сильный, с их точки зрения, политический ход и рекомендовали Монкаде выдвинуть кандидатом от либеральной партии Сакасу. Сандино не раз в самом начале своей борьбы заявлял, что воюет за поправленные конституционные права «доктора Сакасы». Если бы Сакаса стал президентом, то, по замыслу американцев, Сандино было бы трудно объяснить своим людям необходимость продолжения борьбы. Если Монкада в глазах партизан был предателем дела того же Сакасы, то сам Сакаса еще пользовался значительным авторитетом как человек, возглавивший восстание против консерваторов в 1926 году.

Сандино тоже понимал всю сложность политической ситуации. К началу 1932 года у него уже оформилась мысль после ухода американцев превратить свое движение в политическую партию, чтобы подорвать традиционную монополию либералов и консерваторов на власть.

В январе 1932-го генерал обратился к соотечественникам с манифестом: «Соотечественники-никарагуанцы, гринго стремятся унижить нашу родину. Консерваторы Диас и Чаморро были поставлены во главе Никарагуа руками янки, которые всегда стремятся создать благоприятные условия для правления своих сторонников. Когда янки сочли, что им больше подходят проамерикански настроенные либералы, то, чтобы помочь им одержать победу, янки приказали Монкаде выдвинуть в качестве кандидата Сакасу. Американцы добиваются того, чтобы в случае возникновения каких-либо трудностей их вновь стали бы умолять – устами Диаса или Сакасы – высадиться и оккупировать нашу родину.

Соотечественники! Держитесь с достоинством и помните о том, сколько раз вы уже становились жертвами как янки, так и продажных политиканов. Тот, кто пойдет за этими политиканами и согласится подойти к избирательным урнам, контролируемым янки, лишь еще раз унижится перед иностранными штыками – ведь эти штыки в который раз оскорбляют честь Никарагуа... Крикните наконец адмиралу-интервенту, который смотрит на вас как на бессловесную скотину, – вон! Выполните свой долг! Не подчиняйтесь приказам морских пехотинцев во время избирательного фарса!.. Будьте достойны свободы и заслужите ее!..»³⁶⁰

³⁵⁸ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 112–113.

³⁵⁹ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 323–324.

³⁶⁰ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 115–116.

Как и в 1928 году, выборы должны были проходить под наблюдением морской пехоты США. Главой никарагуанской избирательной комиссии был назначен генерал Кларк Вудворд. Понимая, что сандинисты будут стремиться сорвать выборы, американцы стали давить на Монкаду, чтобы тот своими силами активизировал борьбу с партизанами. В декабре 1931 года генерал Монкада послушно взял на себя руководство антипартизанскими операциями.

Но стратегия «никарагуанизации» войны против Сандино стала сразу же давать сбои.

В апреле 1932 года в национальной гвардии вспыхнул уже восьмой по счету мятеж. В городе Кисалайя 4 апреля был убит командующий подразделением национальной гвардии американец лейтеант Левонски и ранен младший лейтеант Карлос Райо. Часть гвардейцев ушла к партизанам, которым таким образом достались 21 винтовка, 5000 винтовочных патронов, 21 граната, автомат «томпсон» с 1600 патронами к нему и два пулемета. 11 апреля к партизанам перешли три артиллериста национальной гвардии со своим оружием – тремя пулеметами.

Апрель 1932 года вообще оказался «черным» для американцев и их пособников.

15 апреля партизаны вели против национальной гвардии ожесточенный трехчасовой бой в районе Окоталя, убив, по данным Сандино, около 30 предателей (Сандино именвал национальных гвардейцев предателями или собаками)³⁶¹. 21 апреля партизаны атаковали национальную гвардию в районе Кисалайи. Бой длился два часа, и гвардейцам пришлось отойти.

21 апреля крупные части партизан опять схватились с национальной гвардией в районе Окоталя. Были убиты два американца и 12 национальных гвардейцев. Сандинисты захватили пулемет, пять винтовок и большое количество боеприпасов. У них самих потерь не было. Американцы запросили подкрепление, думая, что теперь они будут в безопасности. Объединенная группа морской пехоты отправилась на базу, но опять попала в засаду в районе Леонес. Американцы потеряли троих убитыми, включая командиров обоих отрядов национальной гвардии – лейтенантов Брантона и Ковингтона. Сандинистам достались 12 винтовок, три пистолета, шесть гранат. Всего за день боев погибли 10 гвардейцев.

26 апреля, снова в районе Окоталя, 45 национальных гвардейцев вели ожесточенный трехчасовой бой против сандинистов.

Всего в апреле партизаны, по собственным данным, убили 131 солдата противника, сами потеряв 10 человек. В качестве трофеев были захвачены 39 винтовок, семь пулеметов, 32 гранаты, 18740 патронов, шесть пистолетов.

В мае – июне 1932 года бои партизан против национальной гвардии проходили практически каждый день. Такой степени интенсивности партизанская война еще не знала.

1 мая отряд сандинистов генерала Колиндреса напал на врага в местечке Бельорин. За три часа боя были убиты, по данным сандинистов (несколько завышенным), 36 человек. Сомоса, будущий командующий национальной гвардии (лицо явно предвзятое), утверждал позднее, что ни в одном бою против сандинистов не погибло за один раз более 10 национальных гвардейцев.

18 мая в информационной сводке сандинистской армии еще раз подчеркивалось: «... наша Армия сегодня, как и вчера, убеждена в том, что свобода Никарагуа будет завоевана нами лишь с оружием в руках и только ценой нашей собственной крови. Как и раньше, мы будем силой оружия препятствовать организации избирательного фарса, который готовится в Никарагуа под строгим надзором американцев»³⁶².

³⁶¹ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 117.

³⁶² Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 119–120.

Летом сандинисты усилили натиск. 15 июля в районе Сан-Лукас вблизи Окоталья в бою были убиты 30 солдат правительственных войск. 21 июля сандинисты выбили противника из довольно крупного города Кисалайя. В этот же день национальной гвардии было нанесено поражение у Санта-Барбары (район Хинотеги).

На атлантическом побережье колонны повстанцев действовали уже постоянно, а не отходили, как раньше, время от времени на базы в Сеговию. Были захвачены банановые плантации «Ваккаро», принадлежавшие американцам. Противник, получив подкрепление, попытался перейти в контрнаступление, но был разбит и оставил партизанам обоз включая автомобили. На этот раз не помогла и «работа» американской авиации. Американцы на случай стремительного наступления сандинистов готовили эвакуацию своих соотечественников самолетами-амфибиями.

30 июня в районе Сан-Исидоро опять восстали национальные гвардейцы. На сей раз американского командира лейтенанта Шмирера собственноручно убил другой офицер, никарагуанец. Четыре гвардейца с оружием ушли к партизанам.

В начале октября 1932 года отряд одного из самых толковых генералов сандинистской армии Умансора захватил городок Сан-Франсиско на берегу озера Манагуа в трех часах пути от столицы. В Манагуа началась паника. Американские офицеры пытались за бесценок распродать все свое имущество, особенно недвижимость. Дома, строительство которых обошлось в четыре тысячи долларов, предлагали за двести³⁶³. Только с помощью авиации наступление сандинистов на столицу было отбито.

Между тем в Никарагуа под контролем генерала Вудворда разворачивалась предвыборная кампания. Против либерала Сакасы консерваторы опять выставили американскую марионетку Адольфо Диаса, которого ненавидело большинство населения. На пост вице-президента консерваторы выдвинули еще более одиозную личность – Эмилиано Чаморро.

В октябре Чаморро жаловался американскому посланнику, что у консервативной партии вообще нет денег, поэтому она поражена «апатией» и готова отказаться от участия в выборах. Сам Чаморро обратился к богатым гражданам Гранады (традиционного оплота консерваторов) с просьбой внести вклад в избирательную кассу партии и собрал только 100 долларов.

Консерваторы от отчаяния решились на парадоксальный шаг. Прогрессивный сенатор от Леона Лара с ведома Чаморро пытался в Гондурасе наладить контакт с людьми Сандино, чтобы заручиться поддержкой консерваторов со стороны сандинистов. Из этой миссии ничего не вышло³⁶⁴.

Американцы хотели образовать в Никарагуа «национальное правительство», то есть добиться фактического слияния либералов и консерваторов (как представителей богатых слоев общества) перед лицом «мужицкого генерала» Сандино. Но из этого плана первоначально ничего не получилось. Американцы признавали, что большинство рядовых либералов относятся к идее даже временного союза с консерваторами резко отрицательно.

Но все же в октябре 1932 года американцы заставили Сакасу и Чаморро подписать соглашение о сотрудничестве консерваторов и либералов в «деле поддержания мира» в Никарагуа, то есть против Сандино и его армии. Однако авторитет «генерала свободных людей» был уже столь высок, что и консерваторы, и либералы согласились сразу же после выборов направить к Сандино по одному представителю с целью заключения общенационального мира. Теперь Сандино именовали уже не «бандитом», а «признанным лидером восстания».

³⁶³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 105.

³⁶⁴ FRUS, 1932 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1932v05/reference/frus.frus1932v05.i0016.pdf>).

Американцы перестраховались, не дав в обиду своих любимых консерваторов. В соглашении между двумя партиями оговаривалось, что независимо от результатов президентских выборов (всем было понятно, что победят либералы) партии поделят между собой ключевые министерства – финансов и иностранных дел.

Стремился остаться у власти и сам Монкада. Он убеждал американцев, что столь бедная страна, как Никарагуа, не может проводить президентские выборы раз в четыре года. Монкада предлагал изменить конституцию и продлить срок президентских полномочий до шести лет³⁶⁵. Даже Вудворд стал склоняться к мысли, что Монкада хочет стать настоящим диктатором. Монкада пугал американцев, что если конституцию Никарагуа оставить в силе, то возникнет новая гражданская война и США снова придется направить в Никарагуа морскую пехоту.

Планы Монкады как нереальные и чреватые обострением обстановки были американцами отвергнуты. Зато было принято решение увеличить численность национальной гвардии на 500 человек – до 2150 солдат и 204 офицеров. Морская пехота США покинула «бандитские районы» под предлогом обеспечения безопасности избирательных участков, и основную тяжесть боев против сандинистов с весны 1932 года несли на своих плечах гвардейцы.

В 1928 году безопасность выборов обеспечивали 4276 морских пехотинцев и 1834 гвардейца³⁶⁶. По оценкам американцев, с тех пор ситуация в области безопасности ничуть не улучшилась. Именно поэтому Ханна просил дополнительно направить в Никарагуа еще 1800 морских пехотинцев – вместо тех пехотных частей, которые были постепенно выведены из страны с 1931 года. В результате было решено послать на никарагуанские выборы дополнительно 2063 солдата и офицера морской пехоты США (до этого на постоянной основе в Никарагуа квартировались примерно 1000 военнослужащих США)³⁶⁷.

Однако у американцев не хватало денег, а отправка 1800 морских пехотинцев Никарагуа обошлась бы в 750 тысяч долларов. Поэтому был разработан «план В», согласно которому главами избирательных участков в «бандитских районах» (42 % всех участков – 178 из 432; там проживали примерно 35 % зарегистрированных избирателей) становились не американцы, а никарагуанцы. В эти районы американские инспекторы должны были наезжать лишь время от времени под защитой патрулей национальной гвардии. По «плану В» в Никарагуа можно было бы направить дополнительно только 718 морских пехотинцев, что обошлось бы на 250 тысяч долларов дешевле.

Был и «план С», стоивший 200 тысяч долларов и требовавший всего 643 американских наблюдателя.

Вудворду было приказано организовать выборы «не дороже» 200 тысяч. В госдепартаменте понимали, что конгресс США не даст на отpravку в Никарагуа хотя бы одного дополнительного солдата ни цента.

В целом американцы решили переложить все расходы по выборам на никарагуанцев, заявив, что в 1928 году они оказали лишь единовременную помощь. Но и у Монкады лишних денег не было – все они шли на национальную гвардию.

Ситуация в стране осенью 1932 года была такой, что даже на сопровождение членов избирательной комиссии между Манагуа и Матагальпой требовался конвой не менее чем из 50 человек, причем не гвардейцев, а американцев.

³⁶⁵ FRUS, 1932 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1932v05/reference/frus.frusl932v05.i0016.pdf>).

³⁶⁶ FRUS, 1932 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1932v05/reference/frus.frusl932v05.i0016.pdf>).

³⁶⁷ FRUS, 1932 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1932v05/reference/frus.frusl932v05.i0016.pdf>).

В выборах 7 ноября 1932 года приняли участие только 99 тысяч никарагуанцев – то есть треть зарегистрированных избирателей на участки не пришли, тем самым поддержав Сандино. Сакаса набрал на 19 тысяч голосов больше своего соперника и стал президентом.

Сандино выжидал. И тут неожиданно глава 12-й колонны партизан генерал Колиндрес без всякого согласования с командующим провозгласил себя временным президентом Никарагуа. Сандино усмотрел в этом «вражескую руку», то есть попытку расколоть его армию, и приказал немедленно арестовать Колиндреса³⁶⁸. Но тот явился с повинной, и Сандино простил его.

23 ноября 1932 года Софониас Сальватьерра, родственник Сакасы, вскоре после этого назначенный министром сельского хозяйства, направил Сандино письмо от имени либералов и консерваторов, предлагая начать переговоры.

Сандино колебался. В декабре 1932-го он обратился к президенту Сальвадора с просьбой признать образованное повстанцами временное правительство единственной законной властью в Никарагуа, так как выборы, проведенные под охраной американских штыков, нельзя считать легитимными.

³⁶⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 130–131.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.